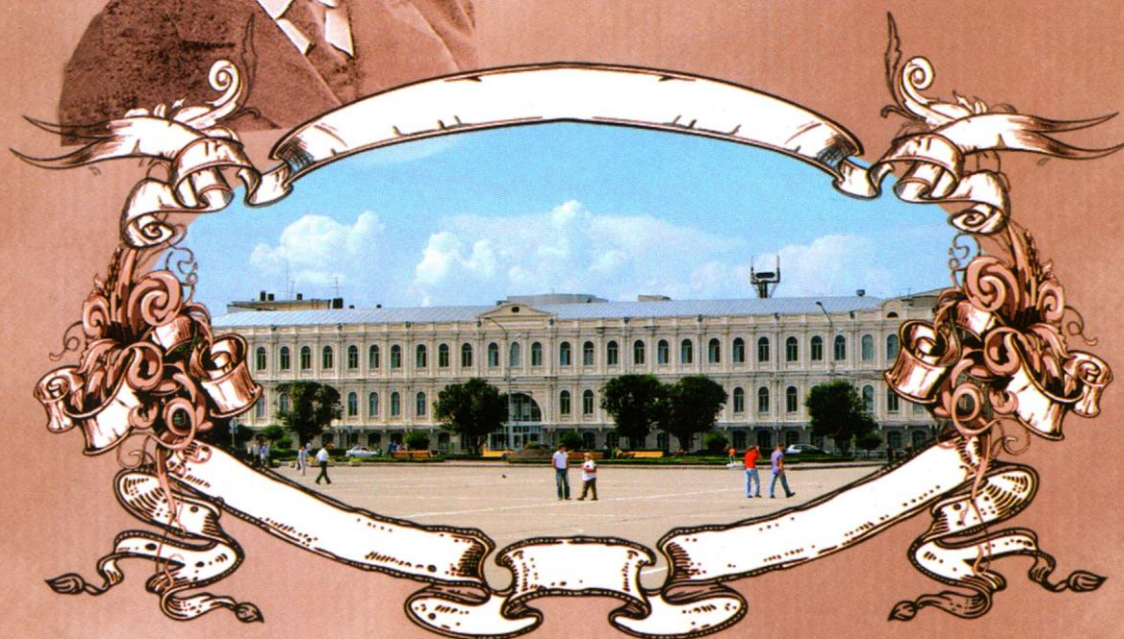

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК ИМ. Г. Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА И Г. К. ПРАВЕ

ШЕСТЫЕ ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
25-26 НОЯБРЯ 2009 г.

*Министерство культуры Ставропольского края
Ставропольский государственный
историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник
имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве*

**ШЕСТЬЕ
ПРОЗРИТЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

материалы
научно-практической конференции
25–26 ноября 2009 г.

К 160-летию Григория Николаевича Прозрителева

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Ставрополь – 2011

ББК

Научное издание

Печатается по решению ученого совета Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве

Прозрителевские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Выпуск 6 (научное издание). Ставрополь: «Вестник Кавказа», 2011. – с.

Ответственный редактор – **Н. А. Охонько**
Научный редактор – **С. Н. Савенко**
Литературный редактор – **Л. Н. Котовская**
Редактор-составитель – **В. Г. Исаичева**
Компьютерный набор – **Н. Д. Симонова**

В сборнике отражены материалы по изучению исторического и природного наследия региона, музейных коллекций и музейной педагогике.

© Ставропольский государственный музей-заповедник имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве, 2011 г.

© Авторы, 2011 г.

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Н. ПРОЗРИТЕЛЕВ – АДВОКАТ, КРАЕВЕД, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

- Боровцова А. Е.** [Вклад Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе в формирование института народных библиотек на Ставрополье \(вторая половина XIX – начало XX в.\)](#)
- Васильева Е. И.** [Талантливый адвокат: о вкладе Григория Николаевича Прозрителева в развитие юриспруденции Северного Кавказа](#)
- Колесникова М. Е.** [Г. Н. Прозрителев – краевед](#)
- Ткаченко Д. С.** [Эпизоды Кавказской войны в работах Г. Н. Прозрителева](#)

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

- Андрющенко Т. Н.,
Драчева О. Н.
Баранов Д. Н.** [История Казанского храма села Татарка](#)
- Герман Р. Э.** [Тернистый путь творчества](#)
- Глистова О. А.** [Невоенные аспекты Кавказской войны 1817–1864 гг.](#)
- Гончарова Г. А.** [Послевоенное изменение состояния городской среды КМВ в контексте урбанизированных процессов на Ставрополье в 50–60-е годы XX века: достижения и проблемы](#)
- Гончарова Г. А.** [Коста Хетагуров в воспоминаниях современников \(воспоминания Александра Смирнова\)](#)
- Ермолаев Н. И.,
Отюцкий И. В.** [Каменный крест из балки Грушевой в окрестностях города Ставрополя](#)
- Животовская Л. В.** [Коста Хетагуров в воспоминаниях современников \(воспоминания Е. И. Прокопенко\)](#)
- Колосовская Т. А.** [Проблемы крестьянской колонизации Северного Кавказа XIX – начала XX в.](#)
- Мешечко Н. В.** [Период Кавказской войны в трудах историков-краеведов](#)
- Лубова С. Ф.** [Они расписались на рейхстаге](#)
- Ляшенко В. С.** [К вопросу о психологической основе культурных контактов населения Центрального Предкавказья в эпоху раннего средневековья](#)
- Ляшенко В. С.** [Образ жизни городского коммерческого населения Ставропольской губернии начала XX века](#)
- Охонько Н. А.,
Литвиненко Ю. Н.** [К вопросу о топонимах «Святой крест» и «Ставрополь»](#)

Прокопенко Ю. А. [Использование фотографии в археологии и краеведении на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в.](#)

**Прокопенко Ю. А.,
Захарова С. В.** [Развитие фотододела в конце XIX – начале XX в. в провинциальной части России на примере Ставрополья](#)

Савенко С. Н. [О юбилейных датах изучения гор Кавказа \(к 180-летию Эльбрусской экспедиции Г. А. Емануеля и 110-летию памяти А. В. Пастухова\)](#)

Смирнова И. В. [Жизнь в искусстве Николая Маслова](#)

Состин Д. И. [Революции 1917 г. на страницах ставропольской периодической печати](#)

**Шевченко Н. Е.,
Белоус В. Н.** [Флористические и фитоценотические особенности коренных лесов верховьев реки Егорлык](#)

ИЗУЧЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ. МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА

Барабанова Е. Г. [Аналитический обзор коллекции русских «проволочных» денег XIV – XVII веков \(из нумизматического собрания музея\)](#)

**Бурков С. Б.,
Гурова Д. Б.** [Роль передвижных музеев в формировании этнокультурной среды и развитии краеведения на Северном Кавказе](#)

Гальфингер Н. А. [Женские кавказские серебряные пояса в Ставропольском музее-заповеднике](#)

**Гальфингер Н. А.,
Еремеева Н. Н.** [Анализ комплектования фондов Ставропольского государственного музея-заповедника за последнее десятилетие](#)

Гордиенко А. Б. [Устные источники о развитии кустарных промыслов на Ставрополье в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника](#)

**Гриднева Н. А.,
Драчева О. Н.** [Формы и методы историко-экологического образования школьников в музее села Татарка](#)

**Данилевич В. Г.,
Данилевич А. А.** [К изучению редких растений Предкавказья](#)

Денисенко М. Ю. [Коллекция знамен в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника](#)

Нафталиева О. М. [Безымянный фотопортрет в музее](#)

Проконова Т. В. [Вклад М. А. Заславского в таксидермическую коллекцию отдела природы СГМЗ](#)

- Скорынина С.А. [Украшения новогодней елки как объект музейного коллекционирования](#)
- Теплякова Н. А. [Образцы советской вычислительной техники в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника \(СГМЗ\)](#)
- Швырева А. К.,
Субаева В. П. [Череп южного слона *Archidiskodon meridionalis* в коллекции Пятигорского краеведческого музея](#)
- Чесняк М. Г. [Социологический портрет посетителя ставропольского государственного музея-заповедника как основа работы с целевыми группами](#)

РАБОТЫ СТУДЕНТОВ И ШКОЛЬНИКОВ

- Дёшина А. А. [История кинематографа в Ставрополе: прошлое и настоящее](#)
- Коваленко Е. А.,
Григорьева О. С.
Ким В. [Музей под открытым небом \(городские и поселковые кладбища как памятники истории и культуры\)](#)
- Козлова Е.
Лушкина Т. Е. [Культурный ландшафт Шпаковского района как туристский ресурс](#)
- [Отечественный опыт создания музейных путеводителей](#)
- [Противосектантская деятельность Андреевско-Владимирского братства Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX в.](#)

Список сокращений

Г. Н. ПРОЗРИТЕЛЕВ – АДВОКАТ, КРАЕВЕД, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Боровцова А. Е.,

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный университет,

соискатель,

СГК УНБ им. М.Ю. Лермонтова,

заведующая отделом периодических изданий

Вклад Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе в формирование института народных библиотек на Ставрополье (вторая половина XIX – начало XX в.)

Социально-экономические перемены второй половины XIX в. непосредственно отразились на развитии просвещения и библиотечного дела, как в центре, так и в провинции. В связи с ростом промышленности и торговли, грамотности населения и развитием книгоиздательства в России увеличилась потребность населения в книге, чтении и библиотеках, расширился круг читателей. Вторая половина XIX – начало XX в. характеризовались острой необходимостью создания публичных библиотек в губернских и даже уездных городах.

Для Ставропольской губернии характерно более позднее открытие библиотек, чем в центральной России. Это связано с военными действиями, которые проходили на территории Северного Кавказа. Важное место в организации и деятельности библиотек Ставрополья во второй половине XIX – начале XX вв. занимало мировоззрение доминирующих групп населения, их ценностные ориентиры, которые способствовали зарождению и формированию института народных библиотек Ставрополья. Одними из инициаторов открытия и работы таких библиотек были видные общественные деятели Ставрополья – Григорий Николаевич Прозрителев (1849–1933) и Георгий Константинович Пправе (1862–1925) (1, с. 283, 289).

Несмотря на то, что первая публичная библиотека в г. Ставрополе была открыта при поддержке гражданского губернатора А. А. Волоцкого в 1852 г., институт публичных и народных библиотек не получил широкого распространения на Ставрополье. Это было связано с финансовыми трудностями, т. к. вся практическая сторона дела была предоставлена частной инициативе, а правовое положение публичных и народных библиотек определялось Уставом о цензуре и печати (Ст. 175) (2, с. 112), который вводил разрешительную систему

открытия библиотек – предварительное разрешение министра внутренних дел или губернатора с предоставлением соответствующего обоснования. Каждый губернатор получал полномочия отказывать в открытии библиотеки. В 1884 г., в связи с принятием так называемых «временных правил», вводилось ужесточение существующих законов (3, с. 3). Это значительно затрудняло открытие библиотек, так как данный вопрос связывался с политической благонадежностью уполномоченных на управление «сими заведениями лиц», предоставляя одновременно право министру внутренних дел указывать «местным начальствам» те произведения печати, которые не должны быть допускаемы к обращению в публичных библиотеках. Начиная с 1884 г. регулярно издавались списки книг, запрещенных к обращению в публичных библиотеках (4, с. 5–7).

В таких непростых условиях по инициативе Г. Н. Прозрителева – общественного деятеля Ставрополя, исследователя Северного Кавказа, архивиста и музейного работника – в мае 1898 г. была открыта общедоступная библиотека им. В. Г. Белинского, ее основой послужила обширная библиотека ставропольского землевладельца А. Г. Шумлянского, состоявшая из 2500 книг (5). Для библиотеки Г. Н. Прозрителев предоставил место в собственном доме по ул. Гимназической (ул. Морозова) (1, с. 289); являясь также инициатором издания и членом редакционной коллегии первой частной общественно-литературной газеты «Северный Кавказ», он способствовал получению библиотекой книг и периодических изданий, поступавших в редакцию газеты (6, с. 1).

Деятельное участие в открытии библиотек г. Ставрополя принимал и видный общественный деятель Ставрополя Г. К. Пправе. По его инициативе в 1896 г. была открыта первая бесплатная народная библиотека в г. Ставрополе, где бесплатно выдавались книги всем желающим. Ее фонд был сформирован на пожертвования и составлял 700 томов, которые включали более 600 названий книг (7, с. 2). В последующие два года в городе были открыты еще четыре бесплатные народные библиотеки. Активное участие в их открытии принимал Г. К. Пправе – вначале как частное лицо, а затем по поручению Общества содействия распространению народного образования в г. Ставрополе.

Большое внимание в этот период уделялось и распространению грамотности среди заключенных. Так, в мае 1897 г. при деятельном участии Г. К. Пправе была открыта школа грамотности при Ставропольской тюрьме. Библиотека-читальня для заключенных получила 370 книг различных названий и более 300 книг религиозно-нравственного содержания Андреевско-Владимирского братства (8, с. 3).

В этом же году Г. К. Пправе ходатайствует и об открытии библиотек на окраинах г. Ставрополя. Так, была открыта Ташлянская библиотека, часть книг для которой были выписаны на средства Общества грамотности, другая –

пожертвована. А в апреле 1898 г. открыта Ново-Форштадтская бесплатная библиотека-читальня (9).

Во второй половине XIX в. в Ставропольской губернии, наряду с возникновением и формированием института народных библиотек, происходит увеличение общественного интереса к истории, археологии и этнографии местного края, образованию провинциальных научных обществ, краеведческих по характеру своей деятельности. Именно этот период характеризовался развитием краеведения как формы социокультурной деятельности, когда оно «... превратилось в общественно-полезную практику, направленную на всестороннее изучение родных мест, своеобразную функцию воздействия на научное и интеллектуальное сознание провинции, на воспитание любви и уважения к своей «малой родине» и через все это предстало перед нами как общественное явление, социокультурный феномен» (10).

У истоков краеведения стояли И. В. Бентковский, Г. Н. Прозрителев, Г. К. Пправе, Н. Я. Динник, В. Н. Лучник, А. И. Ребров. Под руководством Г. Н. Прозрителева в начале XX в. оформилась структура научных учреждений, занимающихся изучением местного края, в состав которой входил и Ставропольский губернский статистический комитет. Надо заметить, что в отличие от прочих ведомств, издательская деятельность провинциальных статистических комитетов была прописана непосредственно в их функциях. Министерством внутренних дел (в структуре которых и функционировали провинциальные статистические комитеты) были четко определены типы изданий, которые позволялось печатать, периодичность появления в свет этих изданий и так далее. Выпускаемые ежегодно обзоры Ставропольской губернии сопровождалась приложениями, которые состояли из нескольких глав. В главу V – «Народное просвещение» входил и перечень и характеристика губернских библиотек (11).

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что в системе «центр-провинция» региональные особенности ярко проявились на примере организации общества в определенные институты – народные библиотеки. Во второй половине XIX – начале XX века в г. Ставрополе и Ставропольской губернии начал формироваться и развиваться институт народных библиотек, который явился компонентом социокультурной среды региона и представлял собой результат деятельности не только организаций, призванных заботиться о просвещении народа, но и частной инициативы. Процесс возникновения и формирования народных библиотек Ставрополя, будучи органичной частью истории губернии, его культуры и просвещения, тесно связан с общественной и социокультурной деятельностью ставропольской интеллигенции, видное место в которой занимали Григорий Николаевич Прозрителев и Георгий Константинович

Праве, их ценностные ориентиры и просветительская деятельность наглядно проявились в стремлении повышения культурного уровня населения Ставрополя.

Использованная литература и источники

1. Энциклопедический словарь Ставропольского края / Главный редактор В.А. Шаповалов. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. – С. 283, 289.
2. Устав о цензуре и печати. Свод законов Российской империи. Т. XIV.СПб., 1903. – С. 112.
3. «О временных мерах по отношению к открытию и содержанию публичных библиотек и кабинетов для чтения». Полное собрание законов Российской империи. 1884. СПб., 1887. Т. IV.С. 3
4. О бесплатных народных библиотеках и читальнях. М., 1905 г. С. 5–7.
5. Краснов М. Историческая справка к двадцатилетию Общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе. – Ставрополь: Тип. Губерн. Правления, 1913. – 67 с.
6. Северный Кавказ. – 1899. – № 55 (1454). – 11 мая. – С. 1.
7. Северный Кавказ. – 1896. – № 29 (1067). – 11 апреля. – С. 2.
8. Северный Кавказ. – 1897. – №35 (1176). – 1 мая. – С. 3.
9. Отчет Общества для содействия распространению народного образования в Ставрополе губернском за 1898/1899 учебный год. – Ставрополь: Тип. «Сев. Кавказ». – В.В. Берк, 1900. – С. 12.
10. Колесникова М.Е. Социокультурное пространство локальной истории Ставрополя (К вопросу об источниковедении Ставропольской губернии) // Вестник СГУ 2002. Ставрополь: СГУ, 2002. 376 с.
11. Более подробно об особенностях издательской деятельности Ставропольского статистического комитета см. статью В.Е. Науменко, А.И. Слущкого «Некоторые особенности издательской деятельности Ставропольского статистического комитета: Источниковедческий аспект // Ставрополь врата Кавказа: история, экономика, культура, политика. Ставрополь, 2002. С. 83–97.; Обзор Ставропольской губернии за 1883 г.: Приложение к всеподданнейшему отчету / По данным Ставропольского губернского статистического комитета. Ставрополь: в типографии Ставропольского губернского правления, 1884. 50, [33] с.; 2 л. Карт.: Карта урожая хлебов в Ставропольской губернии в 1883; Карта результатов сенокосения в Ставропольской губернии в 1883году + Прил. (33 с.); 8 ведомостей.

Васильева Е. И.,
г. Ставрополь,
СГК УНБ им. М.Ю. Лермонтова,
главный библиограф отдела правовой и деловой информации,
Ставропольский государственный университет,
соискатель

Талантливый адвокат: о вкладе Григория Николаевича Прозрителева в развитие юриспруденции Северного Кавказа

О творческом наследии и жизненном пути нашего выдающегося земляка Григория Николаевича Прозрителева сказано и написано немало. Многогранный талант этого человека проявился в различных ипостасях – археологии, этнографии, историческом краеведении, архивоведении, археографии, музееведении, просветительстве. Но в его творчески богатой биографии недостаточно раскрытым и изученным остается профессиональный период деятельности на юридическом поприще. Между тем, по нашему мнению, Прозрителеву удалось вписать яркую страницу и в развитие юриспруденции Северного Кавказа.

Юридическая карьера была уготована Грише с детства, поскольку его отец Николай Григорьевич долгое время служил следственным приставом городской полиции в Хасавюрте и Ейске. К моменту начала преобразований суда и судоустройства в 1868 году на территории Ставропольской губернии отцу Прозрителева удалось дослужиться до чина коллежского асессора. К этому времени Григорий уже окончил Кубанскую войсковую гимназию в Ейске. Прозрителеву посчастливилось получить прекрасное по тем временам юридическое образование: поступить сначала на юридический факультет Петербургского государственного университета, а затем, переведясь в Московский университет, окончить его в 1873 году (1, с. 47).

После завершения учебы Григорий Николаевич некоторое время провел в Швейцарии, занимаясь чтением лекций по юриспруденции (2, с. 14). Свою профессиональную деятельность практикующего юриста он начал в сентябре 1881 года в качестве кандидата на судебные должности при Ставропольском окружном суде (3, с. 2). В августе 1882 года Прозрителев стал помощником присяжного поверенного Д. И. Евсеева, а в сентябре того же года в одном из номеров «Ставропольских губернских ведомостей» сообщалось, что стажеру адвоката «дозволено быть частным поверенным по чужим делам, производящимся в том суде, в чем и выдано свидетельство на 2-ю половину текущего года» (4, с.1).

Впоследствии в Ставрополе была открыта консультация присяжных поверенных, одним из членов которой стал и Григорий Николаевич Прозрителев. Среди перечня юридических услуг, предлагаемых консультацией присяжных поверенных, были оказание юридических консультаций, составление деловых бумаг, дача письменных заключений и рекомендаций и т. д. (5). Консультация оказывала юридическую помощь беднейшей части населения Ставропольской губернии, которая имела право пользоваться ее услугами бесплатно. Признание бедности зависело от дежурного консультанта, причем при отказе клиенту предоставлялось право обжаловать его в распорядительном комитете, который тщательно проверял доказательства тяжелого материального положения жалобщика. Остальные клиенты, обратившиеся в Ставропольскую консультацию присяжных поверенных, вносили за оказываемые юридические советы и составление бумаг плату в размере, который устанавливался ежегодно общим собранием членов консультации. Необходимо подчеркнуть, что плата за услуги, оказываемые членами консультации, была вполне умеренной. Об этом говорит тот факт, что иногда клиенты, наряду с законным вознаграждением, причитавшимся адвокату, выплачивали по собственной инициативе дополнительное вознаграждение в виде скромных подарков или небольших денежных сумм. В частности, в фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе сохранился любопытный документ. Это письмо личного характера к присяжному поверенному Г. Н. Прозрителеву от его благодарной клиентки, в котором она просит принять небольшое вознаграждение в качестве глубокой признательности за успешно оконченное дело адвоката. При этом она подчеркивает, что «...это все же не может выразить всей моей глубокой признательности Вам за Ваше сердечное отношение ко мне и к моему делу...» (6).

Иногородние могли обратиться в консультацию письменно по почте. Ответы на эти письменные запросы составлялись дежурными членами консультации. Никому не отказывал присяжный поверенный Г. Н. Прозрителев в своей помощи, берясь за самые сложные и запутанные судебные дела. Поэтому достаточно часто он выступал защитником по делам инородцев (калмыков, ногайцев, трухмен) (7, с. 62), выезжая в отдаленные уголки Ставропольской губернии и собирая материалы для своих будущих историко-этнографических трудов. В качестве примера подобного рода дел можно привести приговор Ставропольского окружного суда по обвинению трухменца Якуба Даутова в нанесении тяжелой раны русскому косарю Королеву. Посылая письмо в Тифлисскую судебную палату, адвокат Прозрителев последовательно и логично оспаривает вынесенный судом несправедливый приговор, подвергая сомнению свидетельские показания и показания самого потерпевшего. В качестве

доказательства своих сомнений относительно вины несчастного трухменца он приводит протокол осмотра места происшествия, из которого видно, что «...рана имела небольшие размеры, совсем несоответствующие порезу, какой может быть нанесен косою, да притом при большом размахе и в борьбе...» (8).

В другом случае, хлопоча о нуждах простых обывателей Ставрополя, Прозрителев просит Ставропольское строительное отделение разрешить ему арендуемый манеж юнкерского училища приспособить под арену для цирка «...в видах отвлечения городского населения от кабака на время предстоящих праздников...» (9).

Но случалось ему отстаивать и интересы более состоятельных граждан. Например, защищая имущественные интересы новогригорьевского купца 2-й гильдии Лазутина, являвшегося совладельцем винокуренного завода, присяжный поверенный просит Ставропольское губернское акцизное управление сделать ему выписку из заводских книг «о числе перегнанных кубов и о количестве винокуренного спирта» (10), сведения о которых так тщательно скрывал его управляющий, купец города Святого Креста Рудольф Лейцингер. При помощи этого документа Прозрителев в судебном порядке помог своему клиенту взыскать с задолжника недополученную его подопечным прибыль.

За годы более чем двадцатипятилетней адвокатской практики на счету Г. Н. Прозрителева было немало судебных процессов, снискавших ему поистине неувядаемую славу и поставивших его в один ряд с достойнейшими присяжными поверенными пореформенного суда, такими как П. А. Александров, А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако, В. Д. Спасович, А. И. Урусов. Например, одним из довольно громких процессов, блестяще выигранных Прозрителевым, был суд над временно исполнявшим обязанности редактора газеты «Северный Кавказ» А. М. Шульгиным. В действиях подсудимого прокуратура усмотрела признаки преступления, подпадавшие под статьи 128 и 129 Уложения о наказании устанавливавших ответственность за оскорбление верховной власти и распространение преступных произведений. Именно так была истолкована властями статья, помещенная в издававшейся в Ставрополе газете «Северный Кавказ», и опубликованная редактором Шульгиным 8 декабря 1905 года. В ней неизвестный автор, высоко оценивая успех первой русской революции, позволил себе несколько эмоциональных призывов, которые и сыграли роковую роль для редактора издания. Адвокат Г. Н. Прозрителев, выстраивая линию защиты, ходатайствует перед Новочеркасской судебной палатой о приобщении к делу в качестве вещественных доказательств номера газеты, в котором была напечатана эта статья, а также номера, опубликовавшего Манифест 17 октября 1905 года с пояснительной запиской графа С. Ю. Витте. После чего, анализируя в ходе своей речи в защиту клиента наиболее резкие выдержки из подвергнутой гонению

статьи, Г. Н. Прозрителев мастерски подводит всех присутствующих в зале судебного заседания к мысли о том, что зачитанные крамольные высказывания перекликаются с самим Манифестом и докладом графа С. Ю. Витте, и «...если признать преступным эту часть статьи, то придется считать преступным и графа Витте...» (11). Убедительная аргументация присяжного поверенного содействовала вынесению оправдательного приговора, оглашение которого было встречено присутствовавшей публикой громкими аплодисментами.

Прозрителев был также назначен конкурсным управляющим в довольно известном и шумевшем на всю страну деле о несостоятельности ставропольского дворянина Н. Н. Безменова. Последний в августе 1899 г. в своем имении Николина Пристань Ставропольского уезда оказал судебному приставу и чинам полиции сопротивление, выразившееся в том, что когда эти чиновники по поручению Ставропольского губернатора прибыли в имение для продажи с публичных торгов принадлежавшего ему и его брату зернового хлеба, в счет погашения долгов банка, то Николай Безменов отказался отпереть замки от амбаров с хлебом, отталкивая полицейских и ударив в грудь помощника исправника (12, с. 28). Представляя интересы своего клиента в ходе конкурсного управления несостоятельного должника, Г. Н. Прозрителев, тщательно изучив все материалы дела, нашел несостоятельность Безменова несчастной и независимой от его воли, о чем в 1902 году было вынесено официальное решение. Сохранился журнал этого конкурсного управления, где запротоколирован доклад конкурсного управляющего Г. Н. Прозрителева. В нем акцент докладчиком был сделан на существенных обстоятельствах, сделавших Безменова неплатежеспособным. Одним из них было то, что во время постигшего Россию в 1890–1891 годах неурожая ставропольский помещик Безменов, как видно из его объяснений и представленных им документов, участвовал в пожертвованиях и закупках для неурожайных губерний, по просьбе земских управ, зернового хлеба и все разъезды по этим операциям делал за свой счет. Пагубно сказалось на хозяйстве Безменова, по заключению Прозрителева, и закрытие южнорусских портов в 90-х годах с последующим запрещением вывоза хлеба из России (13). «Что касается движимого имущества, описанного у Безменова и невыдаче судебному приставу, – завершает свой доклад конкурсный управляющий, – то это произошло единственно потому, что имущество находилось в общем владении и пользовании с остальными совладельцами, почему он лишен был возможности исполнить требование при явном нежелании остальных. А имущество это благодаря суровым зимам и недостаткам надзора утратилось и пришло в негодность» (14). Впоследствии суд оправдал несостоятельного должника и полностью освободил его от ответственности.

В связи с вышеприведенным примером следует отметить, что в практике консультации присяжных поверенных города Ставрополя документально зафиксирован факт, когда распорядительный комитет консультации ходатайствовал перед председателем Ставропольского окружного суда разрешить исполнять решения городских судей судебным приставам, состоящим при Ставропольском окружном суде, взамен полицейских чиновников (15). Далее прилагался список дежурств членов консультации, где встречается и фамилия присяжного поверенного Г. Н. Прозрителева. Но судебные приставы, наряду с исполнениями решений городских судей, выполняли и разовые поручения членов консультации. Поэтому позволим привести еще один небезынтесный с этой точки зрения документ. Это письмо судебного пристава при Александровском съезде мировых судей Рудановского. В своем коротком послании на имя известного присяжного поверенного судебный пристав кратко отчитывается о препровождении запрашиваемых Г. Н. Прозрителевым сведений о количестве долговых претензий, предъявленных к имуществу умершего К. Д. Грушевского (16), дело о наследстве которого вел адвокат.

Но Григорий Николаевич вошел в историю юриспруденции Северного Кавказа не только как успешно практикующий адвокат. Велико и по сей день не до конца изучено его творческое наследие, связанное с развитием отечественной правовой мысли. К сожалению, самое его выдающееся произведение, которое, как нам кажется, было бы востребовано и сегодня, – «Преступные типы Ставропольской губернии», так пока и не вышло в свет, хранясь в фондах музея лишь в рукописном виде. Но отдельные выдержки из этого любопытнейшего труда Г. Н. Прозрителева в середине 90-х годов XX века были опубликованы в газете «Вечерний Ставрополь». В нем автор приводит целую галерею портретов тогдашних наиболее неординарных представителей преступного мира Северного Кавказа – Реброва, Вербицкого, Кудлая, Листопада и т. д. Являясь приверженцем антропологической школы криминологии итальянца Ч. Ломброзо, Г. Н. Прозрителев, тем не менее, видел причины многих совершаемых в Ставропольской губернии преступлений в конце XIX – начале XX века в неблагоприятных социально-экономических условиях жизни, с которыми он был знаком не понаслышке. Вот как он пишет об этом: «...свирепость, жестокость, безжалостность, характеризующие эти преступления, свидетельствуют об условиях, в которых протекает повседневная жизнь такого человека, при случае делающегося преступником...» (17, с. 3).

Именно поэтому, будучи издателем и редактором «Северокавказской газеты», Г. Н. Прозрителев старался еще и посредством местной печати обратить внимание широкой общественности на ужасные условия некоторых преступников, взывая к состраданию и активной помощи этим изгоям общества.

Так, в разделе «Хроника» достаточно часто публиковались обращения к читателям примерно такого содержания: «Чиновник N. совершил преступление и подлежит после суда выселению на каторжные работы. У него остается без кормильца семья – 7 детей. Просьба к согражданам проявить милосердие и оказать помощь многодетной семье» (18, с. 3). В той же газете Григорий Николаевич вместе с сотрудниками организовал акцию в защиту группы гимназистов, которые во время пирушки говорили «неблагонадежные» речи против начальства, за что их лишали аттестатов. Многие из них были из бедных семей. Так что аннулирование документа об образовании лишало их куска хлеба, толкая на нищенское существование и, возможно даже, на совершение правонарушений. Гимназическое начальство усмотрело в выступлениях Прозрителева посягательство на традиционные жизненные устои. Газета была закрыта, а ее издатель оштрафован и отдан под суд. Но талант адвоката помог Григорию Николаевичу восстановить газету и оправдать «молодых революционеров», которые все-таки получили свои аттестаты (19).

Значительную ценность представляет также его сравнительно небольшой по объему труд «К 50-летию Ставропольского окружного суда», опубликованный Ставропольской губернской типографией в 1918 году. Эта брошюра перекликается с вышеназванным произведением, потому что в самом ее начале автором мастерски и живо написана картина дореформенной губернской социальной жизни, отличавшейся разгулом преступности и беззаконием. Среди основных результатов полувековой деятельности новых судебных учреждений вообще и Ставропольского окружного суда в частности Г. Н. Прозрителев указывает на «...водворение законности и создание личной и имущественной безопасности...» (20, с. 13). При этом главную роль в искоренении преступности на территории Ставропольской губернии Григорий Николаевич отводил судебным следователям, функционировавшим в системе ставропольского окружного суда. «Исчезли Базоркины и Муртазалиевы, – пишет автор далее, – и хозяйственная жизнь края стала все более и более укрепляться и шириться, безопасность в степи стала обычной, и хозяйственный крестьянин безбоязненно оставался на ночлег со своей худобой» (21, с. 11).

Сегодня особенно поражает отношение дореволюционных юристов к своей профессии, выражавшееся в безграничной преданности и любви, а главное – дальновидности. Такие люди, как адвокат Григорий Николаевич Прозрителев, никогда не жили только для себя, а их забота о нуждах общества простиралась на всех. И ярким примером тому может служить письмо Г. Н. Прозрителеву от старшего председателя Тифлисской судебной палаты, в котором он, уповая на христианскую добродетель известного адвоката, просит оказать посильную материальную помощь в устройстве в Кавказском крае приюта для

несовершеннолетних правонарушителей. Создание подобного учреждения, по мысли деятелей судебного ведомства на Северном Кавказе, лучшим представителем которых был и Григорий Николаевич Прозрителев, должно послужить, как говорилось в этом письме, «указанием обществу, взирающему на нас, как на признающих своею задачею лишь формальное выполнение каждым из нас своих обязанностей, завершающихся постановлением приговора, что помышления наши стремятся далее и направлены к тому, чтобы применяемая к преступникам законная кара влекла за собою возвращение их обществу исправленными и подготовленными к честной трудовой жизни» (22). И присяжный поверенный Прозрителев, не задумываясь, откликнулся на этот благородный призыв своего коллеги, а иначе и не мог поступить человек его душевного склада. Наряду с этим, Григорий Николаевич на протяжении ряда лет являлся председателем Ставропольского Общества содействия воспитанию и защите детей, сыгравшего в свое время большую роль в деле борьбы с беспризорностью (23, с. 4). При его деятельном участии и поддержке в Ставрополе был создан также «Союз женщин», главной целью которого стала профилактика пьянства, от которого, как известно, сильнее всего страдает подрастающее поколение.

С приходом к власти большевиков Г. Н. Прозрителев, как истинный патриот своего отечества, остался верен избранной им стезе. И поэтому, благодаря накопленным многолетнему жизненному опыту и богатейшему запасу знаний, и в новой советской России в 1919 году он занимал пост начальника юридического управления (24, с. 52). Тем не менее, отношения опытного юриста, известного общественного деятеля с новыми властями складывались весьма непросто, и поэтому на закате жизни имя Григория Николаевича было практически предано забвению. Умер же он 21 ноября 1933 года в Ставрополе на 85-ом году жизни (25, с. 56). Его похоронили на Успенском кладбище. Уже в 90-е годы прошлого века сотрудникам Ставропольского краеведческого музея удалось отыскать затерянную могилу Прозрителева. А 16 ноября 1990 года на ней состоялось торжественное открытие памятника-обелиска, с гражданской панихидой, в которой приняли участие видные представители общественности города и потомки ученого.

Подводя итог сказанному, мы хотим еще раз подчеркнуть, что, несмотря на пристальное внимание к столь разносторонней личности, профессиональная деятельность Г. Н. Прозрителева изучена весьма слабо. Между тем вклад Григория Николаевича в развитие юриспруденции Северного Кавказа, как показано нами выше, велик, но недостаточно оценен. По нашему мнению, изучение его творческого правового наследия может значительно обогатить

отечественную науку. Поэтому тема эта актуальна и еще ждет своих исследователей.

Использованная литература и источники

1. Колесникова М.Е. Ставропольские краеведы: библиографические очерки. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. 115 с.
2. Христинин Ю. Радетель истории нашей // Северный Кавказ. 2001. № 37. – С. 3, 14.
3. Ставропольские губернские ведомости. 1881. № 38. 19 сент. – С. 2.
4. Ставропольские губернские ведомости. 1882. № 43. 23 окт. – С. 1.
5. ГАСК. Ф. 398. Оп. 38. Д. 57. Лл. 1–7.
6. СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Ф. 2. Д. 3. Л. 11.
7. Колесникова М.Е. Ставропольские краеведы: библиографические очерки. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. - 115 с.
8. СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Ф. 2. Д. 31. Л. 34.
9. СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Ф. 2. Д. 3. Л. 2.
10. СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Ф. 2. Д. 3. Л. 1.
11. Суд (по 128-й и 129-й ст.) // Ставропольский вестник. 1906. № 36. 12 ноябр. – С. 3.
12. Дело дворян Безменовых. - СПб.: Типография Э. Арнгольда, 1901. 39 с.
13. ГАСК. Ф. 398. Оп. 31. Д. 165. Л. 310–311.
14. Там же. Л. 312.
15. ГАСК. Ф. 398. Оп. 38. Д. 57. Л. 13.
16. СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Ф. 2. Д. 3. Л. 10.
17. Прозрителев Г.Н. Преступные типы Ставропольской губернии // Вечерний Ставрополь. 1995. № 114. 30 авг. – С. 3.
18. Вечерний Ставрополь. 1995. № 109. 19 авг. – С.3.
19. Там же.
20. Ставропольский краевой суд / Ред. кол.: А.Ю. Корчагин, Л.Г. Свечникова, Н.А. Охонько и др. – Ставрополь, 2008. 216 с.
21. Прозрителев Г.И. К 50-летию Ставропольского окружного суда. - Ставрополь: Губернская типография, 1918. 13 с.
22. Там же. С. 11.
23. СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Ф. 2. Д. 3. Л. 12–13.
24. Сорокапятилетний юбилей Г.Н. Прозрителева. – Ставрополь, 1929. 32 с.
25. Ставропольский краевой суд / Ред. кол.: А.Ю. Корчагин, Л.Г. Свечникова, Н.А. Охонько и др. – Ставрополь, 2008. 216 с.
26. Белоконов В.В. Григорий Николаевич Прозрителев (к 150-летию со дня рождения) // Кавказ – наш общий дом: материалы научно-практической конференции отделений ВООПИиК Юга России. – Ставрополь, 1999. – С. 51–57.

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Колесникова М. Е.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
доцент кафедры археологии и региональной истории,
кандидат исторических наук

Г. Н. ПРОЗРИТЕЛЕВ – КРАЕВЕД

*В основе краеведения лежит труд
настойчивый, кропотливый, нелёгкий...*

Г. Прозрителев

Краеведение Ставрополя знает много славных имен. Но среди них есть одно, которое следует выделить особенно. Это – Григорий Николаевич Прозрителев (1849–1933), ученый с широким диапазоном научных интересов: археограф, этнограф, историк, краевед, музейный работник, просветитель, видный общественный деятель, стоящий у истоков ставропольского краеведения. Григорий Николаевич относится к тем представителям поколения просветителей, которые сумели организовать работу по изучению исторического прошлого, создать организации и общества, которые взяли на себя разработку исторических и историографических проблем. Всю свою жизнь он собирал и хранил историю родного края. Талантливый человек с чистой и светлой душой, он олицетворял собой лучшие традиции российской интеллигенции. Его долгая и плодотворная жизнь – пример судьбы русского интеллигента.

С именем Г. Н. Прозрителева связаны история Ставропольского губернского статистического комитета, ставшего «объединением всех местных работников, занимающихся изучением местного края» и, таким образом, игравшего роль краеведческого общества¹ (в феврале 1905 г. Г. Н. Прозрителев был избран членом статкомитета), история музея Северного Кавказа, положившего начало современному Ставропольскому государственному историко-культурному и природно-ландшафтному музею-заповеднику, носящему сегодня и его имя, а также история Ставропольской губернской ученой архивной комиссии, созданной при его непосредственном участии в 1906 году.

Г. Н. Прозрителев выступил инициатором изучения многих тем и проблем, чем положил начало становлению историописания Северного Кавказа. Его обширное творческое наследие, насчитывающее десятки работ, представлено не только опубликованными изданиями, но и рукописями, многие из которых еще ждут своих исследователей и читателей. Работы отличаются разнообразием, по сути, энциклопедическим охватом тем, оригинальностью и своеобразным стилем изложения, научным подходом к работе с источниками. Он был настоящим лидером, сумевшим объединить вокруг себя талантливых людей, тянувшихся к науке, занимающихся

изучением родного края. При его непосредственном участии было начато научное изучение губернии и региона в целом, способствовавшее с одной стороны, консолидации деятельности местных историков-любителей, а с другой – созданию прочной источниковой базы провинциальной историографии и местного краеведения. При нем и во многом благодаря ему краеведение в крае сложилось в движение единомышленников, в специфическую форму научной деятельности, направленную на всестороннее изучение Северного Кавказа.

В 1880-е годы Г. Н. Прозрителев познакомился с секретарем Ставропольского губернского статистического комитета И. В. Бентковским и с историком казачества, известным историографом И. Д. Попко. Под их влиянием он начал серьезно интересоваться историей края, источниками по ее изучению. Краеведение и сохранение историко-культурного наследия становится смыслом и делом всей его последующей жизни.

Большинство его работ, как и работ провинциальных исследователей того времени в целом, были выполнены в форме краеведческих описаний, представлявших собой наиболее распространенный тип научной работы в конце XIX – начале XX в. Описаниям были присущи энциклопедический подход и комплексность, одновременное наличие исторических, археологических, этнографических, статистических и географических сведений, иногда философско-лирических отступлений. Составлялись они, как правило, основываясь на личных наблюдениях и исследованиях автора, и различались по своей тематике, объему материала, специфике преподнесения текста и источников. Из старых архивных документов и воспоминаний Г. Н. Прозрителев пытался «сложить» историю прошлого местного края и через нее представить историю страны в целом.

Проблематика исследований определялась самостоятельно и чаще всего зависела от научных интересов, особенностей и разработанности источниковой базы, ее доступности. На специфику работ оказывало влияние то, что объектом исследований был отдельно взятый регион, с природно-климатическими, историческими и экономическими особенностями, спецификой народонаселения, сохранностью тех или иных источников и, конечно же, со своей историей. Чаще всего Г. Н. Прозрителев обращался к проблемам древней истории края, истории его заселения и освоения, основания и развития городов, вопросам церковного строительства, развития просвещения и культуры, охраны памятников древности.

Публиковались работы Григория Николаевича в «Ставропольских губернских ведомостях», «Ставропольских епархиальных ведомостях», на страницах созданной им газеты «Северный Кавказ» и в регулярных изданиях провинциальных научных обществ и учреждений, членом которых он был: трудах Ставропольского губернского статистического комитета («Памятной книжке»,

«Сборнике статистических сведений о Ставропольской губернии», «Адрес-календаре и торгово-промышленной справочной книжке Ставропольской губернии», в «Сборнике сведений о Северном Кавказе»), в «Трудах Ставропольской ученой архивной комиссии»².

Среди краеведческих работ Г. Н. Прозрителева следует отметить такие, как «Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях», «Путеводитель по г. Ставрополю (на Кавказе) и его окрестностям: Краткие исторические сведения», «Материалы для истории г. Ставрополя и Ставропольской губернии», «Первые русские поселения на Северном Кавказе», «О военнопленных поляках на Северном Кавказе в войну 1812 года», «Шамиль в г. Ставрополе», «Шейх Мансур: К истории Кавказской войны», «К истории раскола и сектантства на Кавказе», «Древние Тебердинские могильники», «Развалины древнего хазарского города Мажары близ селения Прасковья Ставропольской губернии на реке Куме», «Архивы Ставропольской губернии», «Кавказские архивы», «Непростительная небрежность. (По вопросу охраны памятников старины)», «Необходимость борьбы против пьянства», «Как мы пьем и живем», «Земельный вопрос», «Военное прошлое наших калмыков», «1812–1912: Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812» и др.

Интерес для исследователей представляла, прежде всего, культура кочевых народов: туркмен, ногайцев, калмыков. Г. Н. Прозрителев обращал внимание не только на их историю, но и современный быт, духовную культуру, религию. На основе изучения многочисленного архивного и этнографического материала он пишет свои известные работы – «Военное прошлое наших калмыков» и «Очерки о быте калмыков». За заслуги в деле изучения истории калмыков, их образа жизни, популяризацию знаний о них Г. Н. Прозрителеву была выражена письменная благодарность и признательность и присвоено звание «Почетного гражданина Большедербетовского улуса».

Его всегда интересовало археологическое прошлое края. В ходе многочисленных поездок по региону он собрал богатейшую коллекцию археологических предметов. Еще в конце XIX в. он совершил первые выезды в села Летницкое и Саблинское, для обследования случайно «вскрытых» курганов, после чего это стало его постоянной заботой. Г. Н. Прозрителев не раз подчеркивал необходимость надзора за памятниками и принятие законодательных мер против кладоискателей, для изъятия у них предметов древности, а также вещей, случайно найденных при хозяйственных работах и имеющих историческую ценность. По его инициативе был организован контроль и надзор на местах за памятниками старины, «давший прекрасные результаты». Он предложил выбрать на местах сотрудников губернской архивной комиссии, из

числа местных жителей, которые должны следить за состоянием археологических объектов, охранять их от посягательств кладоискателей и немедленно сообщать в комиссию о фактах их разграбления и разрушения. В их обязанности также входило и проведение просветительной работы среди населения – о ценности и научном значении памятников. Сотрудниками комиссии были избраны крестьянине Т. Д. Щегольков, А. С. Рыжков, учитель М. Севастьянов, служащий городской управы А. А. Соколов³.

Большим препятствием для археологических работ являлось отсутствие сведений о месторасположении большинства памятников. Много времени уходило на поиски, что затрудняло проведение охранных мероприятий. Члены комиссии под руководством Г. Н. Прозрителева начали заниматься сбором сведений, фиксацией и описанием памятников Ставропольской губернии. Результаты проведенных обследований легли в основу составленной Прозрителевым в 1926 г. Археологической карты Ставропольской губернии⁴.

С именем Г. Н. Прозрителева связано и изучение христианских храмов за Кубанью. С целью их осмотра он в 1909 г. совершил поездку в Кубанскую область, осмотрел развалины древних построек древнехристианских памятников в долинах рек Большой и Малый Зеленчук, Бежгон, Кяфар, Теберда, Хумара, Марух. Результаты археологических исследований нашли отражение в его публикациях и статьях.

Наиболее значительными археологическими исследованиями можно назвать работы под руководством Г.Н. Прозрителева на месте древнего города Маджар в 1906 году. Он собрал все известные сведения о маджарских находках и об истории изучения города, старые планы и чертежи, съемки землемерами территории развалин, описал надписи с надгробных плит и найденные находки, особенно монеты. Его постоянные поездки на место развалин Маджара, публикации, посвященные его истории и описанию его древностей, доклады привели к тому, что данный памятник привлек к себе внимание столичных ученых. В 1907 году Г. Н. Прозрителев написал письмо председателю МАО графине П. С. Уваровой, к которому приложил научный доклад об историческом значении Маджар и необходимости его систематического изучения. Вследствие этого летом 1907 г. на Маджары был командирован представитель Московского общества В. А. Городцов.

Важнейшим результатом работ явились исследование погребений сарматской и золотоордынской эпох, остатков зданий XIV века, многочисленных монет, а также выяснение особенностей архитектуры Маджара. После этих работ был окончательно решен вопрос с определением принадлежности города к татаро-монгольской эпохе. Было признано, что это золотоордынский город, время расцвета которого приходится на XIV век. Результаты совместных

археологических работ Г. Н. Прозрителева и представителя Московского археологического общества, известного ученого-археолога В. А. Городцова были представлены на XIV Археологическом съезде, состоявшемся в 1909 году в Чернигове⁵. На XV Археологическом съезде в Новгороде в 1911 г. представителем Ставропольской архивной комиссии Л. Я. Апостоловым были зачитаны доклады Прозрителева по вопросам археологии Северного Кавказа⁶.

В 1913 году «спасательные» археологические раскопки в Нальчикском округе он проводил совместно с попечителем Терского музея Г. А. Вертеповым и хранителем музея П. П. Распоповым. По итогам работы в 1916 г. отчет Ставропольской архивной комиссии по разделу археология был представлен Императорским Русским историческим обществом Великому князю Николаю Михайловичу и получил высокую оценку. На продолжение «собирания и дальнейшей разработки памятников старины» комиссии было выделено единовременное пособие в 2000 рублей.

После революционных событий 1917 года Г. Н. Прозрителев продолжает активно работать в новых учреждениях и организациях, занимаясь делом изучения и сохранения историко-культурного наследия. Участвует в организационных работах по учреждению первого советского научного учреждения по изучению и исследованию края – Ставропольской этнолого-археологической комиссии, которая была создана в мае 1921 г. В 1920-е гг. Прозрителев избирается членом Центрального Бюро Краеведения, занимается большой организационной работой, связанной с развитием краеведения на Северном Кавказе, участвует во всероссийских и региональных краеведческих, археологических и архивных конференциях. В 1922 г. он пишет работу «Великое значение наших архивов», в которой показывает роль архивов в сохранении и сбережении письменных источников по истории освоения и заселения Северного Кавказа, истории Кавказской войны, предостерегает от пренебрежительного отношения к ним и их богатствам.

Краеведческие очерки и описания, статьи, воспоминания, исторические исследования по археологии, нумизматике, этнографии и музейному делу, охране памятников старины Ставрополя и Северного Кавказа, их культуре, биографии исследователей были написаны им на основе архивных документов, многие из которых сегодня безвозвратно утеряны, что придает работам, несомненно, историческую ценность, прежде всего как исторических источников. На накопление источниковой базы и была направлена деятельность провинциальных исследователей второй половины XIX – начала XX в.

Краеведческие труды Г. Н. Прозрителева являются продуктом интеллектуальной деятельности и дают возможность исследовать не только отдельные сюжеты истории, но и процесс этой деятельности, воссоздать историю

интеллектуальной жизни провинциальных исследователей, научных практик и историю идей, преломленных через специфику провинциального социума. В результате анализа этих трудов можно увидеть, как сама провинция понимала и осознавала себя на различных этапах.

Заслуги Г. Н. Прозрителева были высоко оценены уже его современниками. По случаю 45-летия общественной деятельности «старейшего краеведа-археолога» 25 марта 1928 г. отмечалось: «Мы не можем не чувствовать глубочайшего уважения к общественной деятельности Григория Николаевича, которой было бы достаточно для того, чтобы сделать его жизнь вполне полезной и ценной для нашего края... Еще большую роль сыграл Григорий Николаевич как научный работник, отдавая силы изучению своего родного края; научные труды Григория Николаевича ставят его на первое место среди наших краеведов».

Использованная литература и источники

1. СГКМ (Ставропольский государственный краеведческий музей-заповедник).- Ф. 2. - Оп. 1. – Ед. хр. 1. – Л. 49.
2. Библиографический указатель статей и отдельных изданий Г.Н. Прозрителева – Ставрополь, 1922.; Библиографический список трудов Г.Н. Прозрителева // Ставропольский хронограф на 1999 год. Краеведческий сборник. – Ставрополь, 1999. – С.83–85.; Библиография основных трудов Г.Н. Прозрителева по истории и археологии Северного Кавказа. // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России. Межрегиональный сборник научных статей. – Ставрополь, 1997. – С. 92–93.
3. ГАСК (Государственный архив Ставропольского края). Ф. 198. Оп. 1 Д. 13. Л. 15-17.; Д. 23. Л. 1, 11, 21; Д. 24. Л. 17.
4. СГКМ. Ф. 2. Ед. хр. 43.
5. Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1909 г. – М., 1911. Т. 3. С. 162–208.
6. Апостолов Л.Я. Труды Ставропольской ученой архивной комиссии по археологии и работы председателя ее Г.Н. Прозрителева //Труды XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 году. – М., 1914. Т. 1. С. 108–111.

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Ткаченко Д. С.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
доктор исторических наук,
доцент кафедры политической истории

Эпизоды Кавказской войны в работах Г. Н. Прозрителева

Сюжеты, связанные с описанием событий Кавказской войны (1817–1864 гг.) до сих пор являются одними из самых политизированных в отечественной истории и кавказоведении. С середины XIX в. не прекращаются споры о причинах, ходе и последствиях российско-горского противостояния, а его хронологические рамки определены весьма условно.

«В настоящее время, – писал Г.Н. Прозрителев, – нельзя себе и представить, чтоб раздалась пушечная пальба в защиту какого бы то ни было населенного пункта Северного Кавказа... Нельзя подумать, чтобы организованный неприятель смело совершал нападения даже на города, и чтобы для отражения его требовались усиленные действия всех родов оружия... А таким опасным противником были наши горцы. Время и беззаветная... преданность долгу людей... отодвинули все эти военные действия в прошлое и создали нам мирного «землероба», которому тогда не было места в наших степях. Крепостные валы скрыты, окопы и заграждения уничтожены и только привычный глаз может усмотреть остатки бывшей крепости и «ретраншемент» в бесформенных курганах и насыпях... И теперь только архивы хранят нам память о местах и героях того времени».

Источниковая база для исследования Кавказской войны, имеющаяся в руках у современного историка, неоднозначна. При всей полноте традиционных письменных источников (отчетов, реляций, богатого архивного материала) мы часто сталкиваемся с тем, что по ряду ключевых сюжетов источников просто не хватает. Например, тематика участия ставропольцев в Кавказской войне еще ожидает своего исследователя. Здесь мы неизбежно обращаемся к источникам, «устной истории», сохраненными для нас во многом благодаря деятельности историков-краеведов начала XX в.

Люди, жившие в XIX – начале XX в. сделали много для того, чтобы собрать и систематизировать устные свидетельства, посвященные отдельным сторонам Кавказской войны. Эту работу начали проводить еще непосредственные участники конфликта, оставившие после себя огромный пласт мемуарной литературы. Деятельность по сбору материала была продолжена в первые десятилетия XX в., особенно в 1909 – 1914 гг., когда в нашей стране широко отмечался 50-тилетний юбилей завершения войны.

Работая в рамках проекта РГНФ по созданию информационно-справочной системы «Военно-политическая история Северного Кавказа XVI – XIX вв.» мы обнаружили несколько малоизвестных работ Г. Н. Прозрителева, посвященных Кавказской войне и участию в ней жителей нашего края. Несмотря на то, что эти работы не составляют единого целого, разноплановы по сюжету и написаны даже разным стилем, они ярко подчеркивают энциклопедичность деятельности известного ставропольского краеведа, широту его взглядов и интересов.

Прежде всего, как исследователь, занимавшийся изучением материальной культуры, Г. Н. Прозрителев составил довольно полное описание оружия, использовавшегося обеими враждующими сторонами. Статья исследователя «Кавказское оружие. (Оружие кавказских горцев)» публиковалась как отдельное произведение и в рамках издательской работы Ставропольской ученой археографической комиссии.

Военные традиции горцев привели к созданию определенного вооружения. Как свидетельствовал Г. Н. Прозрителев, на оружие было обращено особое внимание горцев, и хорошая шашка или кинжал стоили в горах очень дорого. Огнестрельное оружие, благодаря особенному устройству, представляло в XIX в. много неудобств и борьба сводилась, главным образом, к холодному оружию.

Холодное оружие выделывалось отдельными мастерами, и способы изготовления клинков оставались секретом. «На многих кинжалах, еще и теперь читается надпись «Базалай» – имя известного в Дагестане мастера, ставшее синонимом хорошего оружия. Клинки этого мастера не имели сравнения и не уступали дамасским. Много выпустил на своем веку Базалай смертоносных клинков «на страх гяурам» и умер в глубокой старости, завещав свой секрет жителям аула Гюбьячи (Кубачи, – авт.), чьи изделия до сих пор славятся не только в России, но и за границей».

Ценные клинки украшались золотом, насечками, рисунками и надписями из Корана. Подобным надписям придавалось большое значение, и оружие с ними ценилось высоко. Лучшие кинжалы переходили из рода в род, составляли гордость целой семьи и были главным достоянием «храброго джигита». Кинжалы различались по форме и назначению. Существовали лезгинские и тавлинские – большие и тяжелые кинжалы, которыми не кололи, а рубили; кабардинские – небольшие узкие; шапсугские – короткие и широкие, оставляющие после себя опасные раны. Среди кинжалов были известны и грузинские клинки – «кама», с разделяющимися частями. Такой клинок по желанию можно было разъединить на две части, чтобы действовать обеими руками, или скрепить в один тяжелый кинжал.

Шашки, хоть и выделывались на Кавказе, но все же уступали турецким, а дамасский клинок был идеалом любого оружия. Славилась та шашка, которая,

несмотря на сгибание, быстро выпрямлялась. Были шашки, которыми можно было «опоясаться» – обернуться вокруг пояса без риска сломать ее. Ручка шашки украшалась серебром, но лучшие горские воины не гнались за украшением оружия. Обычно рукоятка шашки делалась из черной или белой кости.

Все снаряжение горцев было тщательно продуманно и, как отмечают современники, несмотря на обилие вооружения: а горец обычно имел при себе ружье, два пистолета, шашку и кинжал, ничего не звенело, не брэнчало и не цеплялось за заросли, когда он двигался в походе. Ценное оружие в горах было предметом зависти и нередко похищалось, что означало большой позор. «Смерть человека в походе – утрата для его семьи, а потеря оружия джигитом – позор для всего рода», – гласила горская поговорка. В отношении холодного оружия русские уступали горцам, и каждый офицер или казак стремился приобрести кавказский клинок: кинжал или шашку.

В начале XIX в. масштабы военного противоборства разрастались. Кавказская область испытывала все больше вреда от непрекращающихся набегов со стороны горцев. По оценке дореволюционных исследователей, набеги являлись одной из основных причин Кавказской войны. Описания набегов горцев и связанных с ними пленениями людей, угона скота и разграбления станиц, как на Линии, так и в глубине Кавказской губернии, длительное время сохранялись в воспоминаниях ставропольчан – как непосредственных свидетелей, так и их потомков. Сбором подобных мемуаров в начале XX в. активно занималась возглавляемая Г. Н. Прозрителевым Ставропольская ученая архивная комиссия (СУАК). В них наиболее яркими стали опубликованные мемуары крестьянина села Бешпагир Х. Кофанова, повествующие об обстоятельствах захвата его отца одной из партий закубанских горцев.

«Имея от роду 13 лет, – вспоминал Максим Кофанов, – я в среду 24 сентября 1830 г., в одной версте от дворов выпасал родительский... скот, а товарищи мои по пастьбе и соседи по жительству Гаврил Шевелев и Степан Рыженков – овец, и когда солнце уже близилось к закату и когда все мы стали подгонять к дворам каждый свой скот, из-за горы появилась большая шайка конных и вооруженных черкесов – закубанских татар, и большая часть этой толпы с зверским визгом и гиканьем бросилась ко мне и грозно требовала указания, «где конный табун»... Я не мог промолвить ни одного слова – и это не потому, что не хотел сказать о месте положения табуна, или о незнании, где он находится, а потому, что я в ту минуту не помнил ничего и даже не видел и не знал, что делается с моими товарищами...».

В рассказе – очень незамысловатого и далеко не художественного стиля, т. к. записан он был со слов малограмотного крестьянина, повествуется о судьбе одного из многочисленных «кавказских пленников». «...Повезли нас через гору в

верховья Урупа, и темным вечером другой ночи приехали мы в какой-то татарский аул. В субботу Рыженкова увезли прочь от нас, а меня, Савенкова и одного Северного, на другой день, в воскресенье, разобрали по хозяевам...».

Для пленивших Кофанова черкесов ставропольский крестьянин не представлял особой ценности: он не был ни офицером, ни человеком, за которого можно было взять большой выкуп. Поэтому его в течение нескольких лет использовали как типичного патриархального раба. «Меня взял один небогатый черкесин, – продолжает М. Кофанов. ... Когда я немного поправился, хозяин мой повел меня вязать просо. Эту работу я выполнял хорошо, потому что ее приходилось исполнять и дома... и черкес и другие удивлялись моему умению. На другой день хозяин возвратился из какой-то недалекой отлучки и с ним приехали два татарина, которым первый мой хозяин продал меня, не знаю, за какую цену, и эти новые хозяева мои везли меня вглубь лесов еще три дня, и там у них я прожил месяца два на речке «Псыкоби»... Черкесы... из опасения попасть в руки русского войска, увезли меня дальше в горы. Туда откуда-то явился турок и купил меня у черкесов за 400 рублей ... У турка я пробыл до весны 1831 г. и был продан им черкесам... на реку Абин, у которых я пробыл года полтора и был продан армянину, занимавшемуся выкупом пленных, который меня и вывез на Божий свет...». Автору этих мемуаров повезло: его выкупили из плена и, в отличие от других захваченных людей, он смог вернуться на российскую сторону. Воспоминания, аналогичные приведенным выше, имели широкое распространение на Кавказе в середине XIX в., а свидетельские показания бежавших или выкупленных из горского плена людей отложились в делах ГАСК, что косвенно свидетельствует о правдивости, изданного Г. Н. Прозрителевым рассказа.

Перу Г. Н. Прозрителева принадлежит и работа совершенно иного рода и стиля – нарративное описание нападения горцев на г. Моздок в 1843 г. Само по себе это событие было уникально: 1840-е годы были отмечены крупными победами горцев и вошли в историю как «блистательная эпоха Шамиля». Горцам удалось уничтожить слабые российские гарнизоны и ликвидировать ряд крепостей в Дагестане. Вместе с тем, Моздок находился далеко от театра военных действий, а российские власти, пропустив партию через Сунженскую линию и огромную буферную зону в междуречье Терека и Сунжи, допустили грубую военно-стратегическую ошибку, дорого стоившую мирным жителям Кавказской области.

Работа Г.Н. Прозрителева далека от научных оценок этих событий или каких-либо серьезных теоретических выводов – это не было целью историка-краеведа. Вместе с тем, являясь авторским произведением, а не записью воспоминаний, она

была составлена в живой форме и вызывает у читающего иллюзию непосредственного пребывания в месте события.

«3 марта 1843 г. на рассвете послышался гул приближающегося скопища и раздалась частая ружейная пальба, – пишет Г. Н. Прозрителев. – Все жители Моздока в страхе, от мала до велика, высыпали на улицы и все, способные носить оружие, заняли крепостные валы. Показалась партия хищников. Каждый знал, что в случае удачного набега появившегося неприятеля, пощады не будет, и все становились на охрану своей жизни и имущества. Моздокцы, предупрежденные заранее о наступлении, благодаря полученным известиям от начальника левого фланга, генерал-майора Фрейтага, были всю ночь на ногах... Грянули крепостные орудия, и засевшие на валах жители начали ружейную пальбу...».

Опираясь на архивные документы и репортажи военных, Г. Н. Прозрителев воссоздает детальную картину боя под Моздоком, ограбления горцами незащищенных предместий, битвы на переправе, а там, где точных сведений у автора не хватало, прибегает к красочным литературным формам: «Донесение не дает подробностей боя у переправы, – пишет он, – и урон неприятеля не подсчитан, но несомненно, что именно здесь-то он и был наказан за... совершенные злодеяния в этом набеге. Быстрые воды Терека подбирали и правого, и виноватого и на своей поверхности не оставляли следа погибших и их числа... Таким образом Моздок избавился от грозившей ему опасности... И нынешние жители Моздока, и внуки ... может быть, даже не знают, что 3 марта должно быть памятным днем для Моздока».

Некоторые сюжеты, затронутые Г. Н. Прозрителевым, были связаны не только с прямыми военными событиями российско-горского противостояния, но и с оценкой им деятельности кавказских военных управленцев. Статья «Воронцов и Заводовский» посвящена попытке разобраться в личности одного из наиболее одиозных управляющих гражданской частью в Кавказской области.

Мнения современников и историков о деятельности этого человека резко расходятся. Так, еще при жизни Н. С. Заводовского черноморские казаки считали генерала зримым воплощением своей «мечты» – только благодаря своим качествам этот человек смог выслужиться из рядовых казаков в генералы и занять высшую должность в казачьей иерархии – пост наказного атамана. Однако, как гражданский администратор, Н. С. Заводовский действовал неоднозначно. «Деятельность Заводовского в Ставрополе, – пишет Г. Н. Прозрителев, – характеризуется его же поговорками, свидетельствовавшими, что для него не было ничего выше собственного «Я». Когда просители в делах ссылались на законы, то любимым ответом Заводовского было: «Законы будут лежать, а мы будем делать». Уверенный в себе и в поддержке всемогущего М. С. Воронцова, Заводовский откровенно и спокойно высказывал свое презрение к закону». Г. Н.

Прозрителев в статье собрал свидетельства и анекдоты современников, высмеивающие самодурство генерала, привел «Исповедь Заводовского» – сатирическую поэму И. В. Бентковского, написанную на смерть ненавистного управляющего. Последняя содержит намеки на факты из жизни генерала и представляет ставропольского управляющего человеком, виноватым во всех смертных грехах, в мздоимстве, мелочных придирках, том, что он отнимал у бедняков последнее имущество. «Мечем не только человека, но даже мухи не сгубил, но мстить любил я спокон века, иными средствами не бил...», – отвечает персонаж на вопрос о том, как он выполнял заповедь «не убий». А на вопрос, не сотворил ли он себе на земле кумира вместо Бога, генерал отвечает: «О, тут немного будет правда. Я Воронцова страх любил за то, какие мне награды он все в знак памяти дарил». Вместе с тем, Г. Н. Прозрителев отдает должное боевым заслугам генерала, детально описывает обстоятельства его смерти во время рейда в Закубанье, приводит оценки современников и делает вывод, что «...восхваление подвигов Заводовского возможно сделано в угоду князю (М. С. Воронцову – авт.), но все-таки фактическая сторона не подлежит сомнению».

Собирая материалы о деятельности участников Кавказской войны, Г.Н. Прозрителев один из первых заметил, что имеющаяся в распоряжении историка мемуарная литература освещает события односторонне – она представляет взгляд со стороны образованного офицерского корпуса и оставляет в стороне огромное «безмолвствующее большинство»: крестьян, солдат, обывателей, не говоря уж о представителях противоположной стороны. В одной из своих работ, посвященных сбору воспоминаний ставропольских крестьян о Кавказской войне, он писал: «...воспоминания представляют интерес, как свидетельство очевидца о всех событиях нашего края за целое столетие. К сожалению, этого рода материал ... служащий лучшей характеристикой известной эпохи, погибает бесследно, так как в редких случаях современники дают себе труд записать все виденное и слышанное ими.... Мы надеемся побудить старожилы порыться в своей памяти и записать по возможности точно все, чему они были свидетелями».

К 50-летию завершения войны на Северо-Восточном Кавказе Г. Н. Прозрителевым были изданы мемуары «старого кавказца, М. С. Солодуна», записанные им со слов крестьянина села Жуковки. «Это был человек совершенно неграмотный, но имел колоссальную память, которую он сохранил до самой смерти... Воспоминания эти записаны почти слово в слово, как говорил автор, с сохранением порядка их расположения и оборотов».

Рассказ М. С. Солодуна повествует о событиях 1856–1859 гг. – последних боях с имаматом, непосредственным участником которых был взятый в солдаты ставропольский крестьянин. Он целиком согласуется с описанием событий в официальных источниках. Участник «концентрического наступления» А. И.

Барятинского описывает то, как оно развивалось «изнутри»: бои по вытеснению горцев вглубь имамата. «В 1856 г. ... мы вошли в Большую Чечню и подступили к аулу Салтам, взяли его и пошли дальше по речке Фортанке к Дубо-аулу, где произвели бой... было убито 2000 человек, но несмотря на эти потери, аулы были забраны... По замирению этих аулов в 1857 г. мы отступили на отдых к крепости Преображенской, где и пробыли два с половиной месяца, и по истечению этого времени мы двинулись против течения реки Аргун и Шара-Аргун, причем при наступлении приходилось сталкиваться с неприятелем не без большого урона с нашей стороны. По взятию этой местности, мы возвели крепость между сказанных речек и назвали ее «Барзы». По окончании крепости, мы, оставив часть войск в крепости, двинулись вверх по речке Аргун, где также происходили большие стычки и, взяв Шатоев аул, возвели большое укрепление, назвав его Шатоевским, и, оставив до 4 тыс. человек, двинулись дальше...».

М. С. Солодун оставил яркие воспоминания об экспедиции Н. И. Евдокимова к Ведено и осаде «столицы» имамата. «С Виденьской горы, – вспоминает М. Солодун, – все видно было, а люди внизу на снегу казались величиною с гуся. Сверху наши снаряды не долетали и разрывались в пути, так было далеко, с нами были только горные орудия... Часа в 2 дня стало заметно, что идут войска Шамиля в Видени, и как прискакала конница, стали обозы выезжать из Виденей по дороге к Даргам. К вечеру стало видно, что на площади перед Виденями показались наши палатки, это двигался отряд Евдокимова. Шамиль должен был отступить от второго завала, так как он узнал о нашем обходе...».

М. С. Солодун подробно описал обстановку, увиденную в Чечне русскими на завершающем этапе войны. «В лагере под Шали мы простояли 20 дней, а затем двинулись в Дарги, но по дороге на нас не было нападений. Наоборот, все приходили с хлебом-солью и выходили депутаты. До Даргов мы шли 14 дней... Снег сошел и мы стали делать дорогу, поворачивая на гору по направлению к Индии (Анди, – авт.) и Форельскому озеру... Мы остановились возле этого озера и к нам приехал Барятинский, а на второй день – мулла от Индийской княгини и заявил, что Шамиль его разорил... а на 3-й день – сама княгиня с князьями и войском. Вечером было угощение и горстями кидали золото горцам. В тот же день пошли мы на вершину, где берет начало река Сулак; с горы было видно войско Шамиля и дым от пожара разоренных им аулов Индии (Анди – авт.)». В незамысловатом повествовании ставропольский крестьянин повествует так же и о тяжелых солдатских буднях и укладе жизни Кавказской армии.

В целом, Кавказская война не являлась основной тематикой научных исследований Г. Н. Прозрителева, была затронута им фрагментарно. Однако исследователь-краевед провел значимую работу: он не только сохранил устные записи воспоминаний непосредственных участников Кавказской войны, но и

создал новые письменные источники, отражающие отношение к войне провинциального общества. Работы наполняют известные исторические события «человеческим содержанием», возвращают нас к мысли о целесообразности при изучении военно-политической тематики уйти от абстрактных политизированных схем, погрузиться в мир конкретного, реального участника событий, посмотреть на события его глазами. Возможно, понимание того, что войну вел не абстрактный «царизм» или «правительство», а реальные люди с их мировоззрением и ценностями, поможет глубже изучить истоки российско-горского противостояния XIX в., что в свете современных нам кавказских событий представляется особо актуально.

Использованная литература и источники

1. Прозрителев Г.Н. Из прошлого Северного Кавказа. Нападение горцев на г. Моздок//Труды СУАК. Вып. II. – Ставрополь, 1910. – С.1.
2. Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие. (Оружие кавказских горцев). – Ставрополь, 1915. – С. 3– 18.
3. Кофанов Х. В плену у горцев. – Ставрополь, 1914. – С. 3–8.
4. Прозрителев Г.Н. Из прошлого Северного Кавказа. Нападение горцев на г. Моздок в 1843 г.//Труды СУАК. – Вып. II. – С. 2, 4–5.
5. Прозрителев Г.Н. Воронцов и Завадовский. По воспоминаниям современников. – Ставрополь, 1910. – С.4, 13–16, 24.
6. Прозрителев Г.Н. Из прошлого Северного Кавказа. Воспоминания старого кавказца, отставного вахтера Мефодия Степановича Солодуна. – Ставрополь, 1914. – С.3, 5–6, 9,14.

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Андрющенко Т. Н.,

с. Татарка,

Историко-краеведческий музей с. Татарка –

филиал Ставропольского

государственного музея-заповедника,

заведующая филиалом,

Драчева О. Н.,

с. Татарка,

Историко-краеведческий музей с. Татарка –

филиал Ставропольского

государственного музея-заповедника,

младший научный сотрудник

История Казанского храма села Татарка

«Первые переселенцы, – по словам Григория Николаевича Прозрителева, – обживали новый край с крепкой надеждой на свои силы, на свою выносливость, на свое умение взяться за дело и с беспредельной любовью к родине, которой нужны были верные силы, чтоб удержать за ней ее новые владения и поддержать там ратных людей, своею жизнью и кровью заплативших за эти приобретения... Особенности условия военного времени внутри России и тяжелый климат – все это диктовало необходимость такого учреждения, где бы население могло в суровой и тяжелой жизни найти утешение. И таким учреждением, естественно, могла быть только церковь. Отсутствие возможности исполнить самые необходимые христианские требы – крещение и погребение, не говоря уже о церковных службах, только усугубляли тяжелое положение первых переселенцев. Существовали затруднения в строительстве своей церкви, в том, чтобы иметь своего священника. Этому препятствовали экономические трудности – недостаток средств, чинились препятствия от местного или гражданского начальства, самим Правительством и те, что исходили от Святейшего Синода. Невероятные данные по этому вопросу сохранились в архивах. Видимо, существовали опасения, что население не в силах будет поддерживать церкви, и были опасения за прочность приобретения края.

И только благодаря усилиям Павла Сергеевича Потемкина было разрешено строить церкви, но только в тех селах, в которых было не менее 500 душ мужского пола (1).

Татарка возникла как хутор, отселок от села Надежда, а с 1829 года она стала самостоятельным селением, «заклучавшим в себе 437 ревизских душ» (2).

В 1835 году, как и многие другие села, Татарка преобразована в станицу и причислена к Ставропольскому Казачьему полку, а в 1870-м вновь возвращена в гражданское ведомство. Именно к этому времени и относится появление на селе храма иконы Казанской Божьей Матери. Население за 11 лет, к 1840-му году, выросло. В списке населенных мест 2-го уезда во второй ведомости, сохранившемся в краевом архиве, сказано, что «в селении Татарском жили бывшие господские крестьяне, в приходе Казанской Божьей Матери при речке Татарка было 338 дворов, 6 отдельных жилых изб, всего жилых строений 375, в том числе строений каменных 54, число душ по окладным листам 728, по семейным спискам м – 918, ж – 969, не приписавшихся к обществу м – 67, ж – 62. Церковь – 1, волостное правительство – 1, сельская тюрьма – 1, сельский магазин – 1, кузница – 1, маслобойня – 1, мельниц водяных – 13, ветряных – 1 питейный дом – 1, имеются хутора: Карягинский 1-й, Карягинский 2-й, Давыда Карягина, Егорлыкский, Темный, Дмитрия Полянского Кузьминов (при р. Егорлык), казенная Карягинская почтовая станция в урочище Дальние Родыки» (3). Опираясь на этот документ, можно утверждать, что у станицы Татарской появилось основание просить высшее начальство о строительстве храма. В 1840-м году по просьбе жителей станицы Татарской и казаков, подписавших прошение на постройку церкви, началось ее строительство. Храм был возведен за четыре года, на пожертвования жителей Татарки.

Документ от 10 ноября 1843-го года гласит: «Мы, нижеподписавшиеся Ставропольского Казачьего полка общество Татарской станицы, учиняем приговор в том, что обязуемся ... исправить во имя Казанской Божьей Матери церковь, новый Коностас непременно к будущему 1846-му года мая к 10-му числу, в чем и подписываемся» (4). Казанский храм поставили на каменный фундамент, выложили из дубовых бревен – одно в одно 23,5 сажени в длину и 23 в ширину, накрыли железной крышей (5). Колокола (большой басовый в 7 пудов, средний и малый) размешены на каменных столбах (6). Внутри церкви был установлен Престол, позже – резной иконостас, в центре которого находилась икона Казанской Божьей Матери, точная копия с иконы одноименной церкви хоперских казаков города Ставрополя. В крайархиве сохранилась опись утвари за 1845 год: посеребренные подсвечники, серебряные кресты, ковши, блюда, плащаницы, лампы, крестильная купель, богословские книги... «ризницею и прочими богослужению потребными вещами снабжена достаточно, все нужное к освящению храма изготовлено» (7). Поверенный от общества Ставропольского округа станицы Татарской служащий казак Стефан Кузмин просит Преосвященного Иерею, Епископа Кавказского и Черноморского, «3-го ноября 1843 года освятить храм. На что ответили: «Если на то Бога благочестие будет», а до этого Божественные литургии до окончательной постройки храма

проводились в молитвенном доме, открытом в станице Татарской в 1837 году. За неимением храмов, таких молитвенных домов было много в селениях Кавказской области. В документе от 12 ноября 1843 года Благочинный священник Дмитрий Гремяченский пишет, что намеревается освятить храм, «если Бог благословит, лично в завтрашний день» (8).

Следовательно, с 13 ноября 1843 года в храме стали проходить церковные службы. В 1872 году в Татарском лесу был открыт Святой источник, где батюшка из Казанского храма по Богородичным и водосвятным праздникам проводил молебны. В 1880 году рядом с Казанским храмом построена колокольня. В 1886-ом церковный староста, крестьянин Василий Дорофеевич Будников на собственные средства улучшил ризницу и приобрел киот для икон (9). К 1910 году, как написано в справочнике по Ставропольской Епархии, в состав причта входят: «1 священник, 1 диак, 1 псалтырь. Причтовой земли – 378 десятин; имеется церковно-приходская школа и 2 министерских одноклассных училища. Население 5199 человек, рождений – 328, браков – 43, смертей – 14» (10). Во главе администрации учебных заведений в селе Татарка были: почетный благотворитель Сидельников Никифор Николаевич, законоучитель Лебедев Нил Тимофеевич, учительница Воротникова Надежда Прокофьевна (11). Как видим из документов, к концу 19 века появились учебные заведения, где церкви отводилась не последняя, можно даже сказать, очень важная роль. Огромное значение имеет процесс вовлечения в научно-краеведческую работу представителей духовенства Епархии. Они занимались «историческими и этнографическими описаниями сел, приходов, уездов, которые способствовали пробуждению интереса к прошлому родного края» (12). Прежде всего, представляют интерес историко-статистические описания, многочисленные описания по истории монастырей, церквей, списки памятников древности, а также в области археологии.

Начало XX века ознаменовалось большими переменами не только в стране, но и в крае. Великая Октябрьская социалистическая революция внесла свои коррективы в жизнь городов и сел края. В 30-е годы государство ополчилось на церковь – началось гонение. Закрывались церкви, монастыри. Не минула эта участь и храма в селе Татарка, который в 1938 году был до основания разрушен, колокола отправлены на переплавку. В 1959 году то же самое постигло и Святой источник. Жители села из разрушенного храма тайком уносили домой спасенные ими иконы, прятали их на чердаках и в подвалах, жили надеждой на то, что храм будет восстановлен (13). Прошло немало лет, прежде чем началась новая эпоха в жизни страны, а значит и села.

В 1992 году была организована инициативная группа из жителей села Татарка, которую возглавила Карягина Нина Васильевна. В списках, где жители села просят открыть храм на селе, можно встретить фамилии, которые

встречаются и в документах 19 века (Карягины, Сидельниковы, Асташовы, Кузьминовы, Усачевы, Анахины и др.). Жители села писали письма в местную и районную администрации, просили выделить здание для церковной общины, подтверждали документально каждый свой шаг. На прошение в Московскую Патриархию об открытии храма последовала резолюция от 18 мая 1992 года Высокопреосвященнейшего митрополита Гедеона: «Бог благословит и да поможет Вам» (14).

Из крайархива было получено подтверждение о том, что здание, находящееся у потребкооперации и используемое как магазин «Хозтовары», ранее принадлежало церкви, было построено в 1895 году как церковно-приходская школа и содержалось на деньги жителей села Татарка и хуторов. Ставропольский Союз казаков в лице атамана Ставропольского отдела В. А. Есаулова, ссылаясь на Указ Президента Российской Федерации «о возврате зданий и сооружений, принадлежащих Российской Православной церкви» и соответствующие постановления краевой, районной и сельской администраций, а также опросные листы жителей села Татарка, предложил освободить здание бывшей церковно-приходской школы, занятое под магазин, для нужд Православных христиан Татарского прихода, сделав это до 7-го июня 1993 года. Было подключено и большинство жителей, охотно согласившихся поставить свою подпись под прошением об открытии церкви на селе (15). Тяжба с возвратом здания закончилась. В июне 1994 года у церковной общины появилось постоянное и законное место для молитв. Сохраненные, «намоленные предками» иконы стали возвращаться в храм: икону Илии Пророка принесла семья Синюгиных; икону Николая Чудотворца – Белоусова Н. И.; икону Пресвятой Богородицы – Карягина Н. В.; спасенная монахинями Косиновыми с уничтоженного в 1959 году Святого источника икона Казанской Божьей Матери была принесена в Казанский храм их племянником Косиновым Петром (16). Эта икона помещена на самое почетное место, потому что храм носит ее имя. Все иконы, старые и новые, висят на стенах местного храма.

Потянулись в храм и верующие. С 1994 года службы в храме вел священник отец Петр Здрелюк. При нем был сооружен первый иконостас, собрана церковная утварь, в храме появилось Распятие Иисуса Христа. Матушка Татьяна собрала хор из прихожан и учила их петь. С 1998 года настоятелем Казанского храма стал протоиерей Алексей Моздор. При нем перекрыли металлом крышу, поставили сияющий золотом купол с крестом. В 2005 году настоятелем храма иконы Казанской Божьей Матери поставили протоиерея Владислава Левченко. До 2007 года он совмещал службу в Казанском храме и на возрожденном Святом источнике, где по Богородичным и водосвятным праздникам батюшка проводил

молебны с водосвятием. Матушка Антонина занимается хором и хозяйственными нуждами церкви.

Зданию, где находится в настоящее время храм, более 100 лет, поэтому оно постоянно нуждается в ремонте. Усилиями настоятеля храма и прихожан его разрушение удалось предотвратить, отведя грунтовые воды в сторону. Здание реставрировали – был восстановлен прежний облик наружных стен, колонн и лепнины. Благоустроили двор и территорию храма: разбили цветники, огородили красивым забором. В храме меняли окна, двери, утеплили помещение, усовершенствовали систему отопления. Появился пищеблок, соответствующий всем санитарным требованиям. Открыты учебный класс и библиотека воскресной школы, комната для священника. Приобретены новая мебель и церковная утварь для храма, о чем свидетельствуют накладные, отпущенные Казанскому храму села Татарка. В 2009 году на средства прихожан установлен новый Иконостас.

Невозможна сегодня жизнь села без церкви. В горе и в радости люди идут в храм. Особенно людно в большие церковные праздники. 4 ноября, в Престольный праздник Казанской Божьей Матери, служба проходит особенно торжественно и пышно, с множеством гостей, с крестным ходом вокруг храма.

Использованная литература и источники

1. ГАСК. Труды Ставропольской архивной комиссии. 2060. «Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. Г. Н. Прозрителев.
2. ГАСК. Ф. 79., оп. 1, д. 496., стр. 66.
3. ГАСК. Ф. 299., оп. 1, д. 1772., стр. 15.
- 4, 5, 8. ГАСК. Ф.135 – 1., оп. 1, д. 646., л. 1 -16.
6. Газета «Наша жизнь», 5 сентября 2003 год. Статья «Храм тоже готовится к юбилею». Андриющенко Т. Н.
9. Справка ГАСК.
10. Михайлов Н. Т. Справочник по Ставропольской Епархии; стр. 89–90.
11. Памятная книжка Ставропольской губернии на 1904 год. Ставропольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 год. Тифлис, 1879 год, стр. 34–35.
12. Колесникова М. Е. Историко-краеведческая деятельность на Северном Кавказе в конце XVIII в. 20 – 30 годы XX в. (По материалам Ставрополья). Автореферат. – Ст.: – 1998 г.
- 13, 16. Воспоминания старожил.
- 14, 15. Документы церковной общины.

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

Баранов Д. Н.,
г. Изобильный,
районное литературное объединение «Светелка»,
председатель

Тернистый путь творчества

4 октября 1996 г. в помещении редакции районной газеты «Наше время» состоялось первое организационное занятие членов районного литературного объединения «Светелка». В нем приняли участие самодеятельные поэты Елена Александрова, Виктор Пархоменко, Иван Блохин, Любовь Гудкова, Иван Сердюков, Сергей Овсянников и другие.

Перед начинающими художниками слова с дружеским доброжелательным напутствием выступил помощник главы администрации района по связям с общественными организациями В. В. Белянский. «В это трудное для нашей страны время многое зависит от того, какую позицию по отношению к экономическим и другим реформам займет творческая интеллигенция – журналисты, писатели и поэты. Особенно – поэты. Ведь, как сказал один из мастеров пера: «Поэт всегда надежда для того, кто в сумерках идет по белому свету». Администрация надеется, что вы правильно понимаете свою роль в жизни, и словом будете способствовать стабилизации в обществе», – сказал Виктор Васильевич.

На занятиях был создан совет литературного объединения, общественным руководителем которого избрали самодеятельного поэта Ивана Блохина. На следующем занятии литобъединения состоялась встреча с писателем В. С. Черновым.

Важную роль в становлении творческого объединения в первый год его деятельности сыграли члены Союза писателей России В. С. Чернов и наш земляк Т. С. Шелухин, проводившие занятия с молодыми литераторами на общественных началах. Они только благословили молодых авторов, вставших на тернистый путь литературного творчества, а как сложится их судьба в дальнейшем, зависело только от индивидуальных качеств каждого из них.

Время показало, что литературное объединение было создано не зря. В настоящее время в нашем районе уже четыре члена Союза писателей России. Кроме Тимофея Шелухина, профессиональными писателями стали прозаик Николай Сахвадзе и поэт Сергей Овсянников, живущие в поселке Солнечнодольске, а также поэт Анатолий Маслов из станицы Передовой. Писателями и поэтами района издано 49 книг. Из них 23 – это романы и повести Тимофея Шелухина, известного своим литературным творчеством не только на Ставрополье, но и далеко за его пределами. О значимости творчества «певца российской глубинки», как называют Шелухина критики, говорит такой факт: две

его книги – «Белокониha» и «Прощеный день» уже выдержали по два издания. Заметным явлением в литературной жизни стала его книга «от Кубани до Чограя».

«Из появившихся в нашей стране на переломе двух веков многих профессий, – пишет Тимофей Семенович, – должность председателя колхоза является самой земной. В ней – характер и высокое умение пользоваться пашенными угодьями – этим бесценным божьим творением».

Известно, что стиль писателя должен отражать его дух, но выбор и использование языкового материала – результат упражнений. В свободном и увлекательном языке писателя Николая Сахвадзе – автора четырех книг – искрится юмор, присущий грузинскому фольклору. Так, в рассказе «Печальник» читаем: «...бежал мальчик и кричал: «Эй, люди, слышали новость?! В соседнем селе корова отелилась бесхвостым теленком!

- Вай ме (горе мне!), – сказал печальник и отодвинул пищу.

- Что с тобой? – испугалась жена.

- Ох, как подумаю, что настанет лето, а несчастному животному нечем будет гонять мух, так просто жить не хочется...».

А вот книжка поэта Анатолия Маслова – всего их пять. Известно, что писать прекрасно значит одновременно прекрасно мыслить, чувствовать и выражать эти чувства, то есть обладать в равной мере душой, умом и чувством. В каждой строке поэта – боль души за Россию.

И идет по России по весям

Как с похмелья,

Большая гульба...

Плачь народ. Матюкайся

и смейся...

У кого есть такая судьба?

Название книг: «Плач по России», «Вечная дорога к себе», «Даруй мне, степь, успокоенье», «Сладкая горечь полыни» и «Сторона степная» вроде показывают, что автор стремится к спокойствию, но это только кажется.

Ну что ты, Муза, грустно все поешь?

Ведь был и свет в судьбе – не узнаешь?

И еще:

У ветра спросил я

в весеннюю слякоть:

«Доколе Россия еще будет плакать?..»

Нет, не случайно к книжке «Даруй мне, степь, успокоенье» автор взял эпиграфом строки Микеланджело Буонаротти: «Лишь я, простертый на земле пластом, рыдаю, а душа огнем объята».

Интересно и творчество Сергея Овсянникова. Для него вся Россия начинается с хутора Смыкова.

Я хутор люблю горячо
и отчаянно,
К нему неумная сила влечет...

И дальше:

И если б могла моя жизнь
Повториться –
Я вновь бы родился
На этой земле.

Поэт Сергей Овсянников хорошо знает страну, чутко реагирует на ее радости и печали.

Ветры осенние заголосили,
Как во время больших похорон.
Не тебя ли хоронят, Россия?
В небе – темная туча ворон.

А вот еще:

Куда же вы мчитесь, кони?
Я ужасом снова охвачен...

И далее:

...Аж скулы мне больно сводит
С того, что народ нетрезвый
Забросил к чертям поводья.

Ежегодно к нам приходят начинающие литераторы, с их благими, светлыми, красивыми мыслями и чувствами. У каждого из них свое мироощущение и свои оценки окружающей действительности. Порой они очень самобытные, но бывают и элементарно банальными. И тех и других объединяет одно: стремление найти свой путь к сердцам читателей.

Есть это стремление и у Ивана Блохина. Его стихи – это слиток поэзии Есенина и Некрасова, Пушкина и современных гражданских лириков.

Я Пушкина вновь читаю,
Некрасова и Есенина.
И думаю, что же станет
С такими у нас со временем?..

У него довольно много стихов, отличающихся чувством ритма и мелодичностью.

Голубые пролески.
Синий плеск спокойных вод.
Белоствольные березки
Водят в ночи хоровод...

Но вот что странно: рядом с этими стихами Иван Блохин спокойно ставит иные:

...Я смотрю – не насмотрюся.
Я дышу – не надышуся.
Всюду благодать.
То бывало... А что стало?
Впереди еще немало
Нам в слезах рыдать...

Книжка стихов члена литературного объединения Елены Звягинцевой «Испытаю все сполна» открывается посвящением Марии Цветаевой.

Цветаева и Звягинцева – это две поэтессы, владеющие одинаковым слогом, одним стилем. Все мысли и чувства Цветаевой Звягинцева как бы пропускает через свое сознание, но не копирует их.

...Мне полет ваших мыслей
не страшен.
Пусть не будет сравненье то
ханжеским:
Ведь по венам течет нашим
Примесь крови польской
княжеской...

На краевом литературном семинаре в 2004 г. творчество Елены Звягинцевой было отмечено дипломом.

Добрый и светлым притоком влились в районный родник литературного творчества стихи Валентины Шемякиной.

Затем в литературное объединение пришел со своими стихами поэт Виктор Шмидт. В их размере и стиле слышатся то Александр Твардовский, то Михаил Светлов. Сейчас он издает третью книжку стихов.

Вышли в свет лучшие стихи и рассказы практически всех членов литературного объединения. В 1998 г. в Ставропольском издательстве «ЮРКИТ» была издана книга «Земля Изобильная». В ней напечатаны произведения 33 авторов.

В 2002 г. в том же издательстве вышел коллективный сборник стихов изобильненских поэтов «Мы эхом отзовемся». В начале 2005 г. издан сборник

стихов, очерков и рассказов, посвященных 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Кроме того, издавались буклеты.

Музей истории Изобильненского района постоянно приглашает членов литературного объединения на творческие встречи с учащимися и жителями Изобильненского района. Был на таких встречах и я.

25 июня сего года в районной библиотеке состоялась презентация двух книг: антологии «Современные писатели Ставрополя» и моей новой книги «От Терека до Курил». 6 июля в газете «Изобильненский муниципальный вестник» на литературной странице была опубликована большая статья «Талантами земля богата», ее подготовила почетный гражданин Изобильненского района, краевед А. Е. Богачкова. В ней говорится: «Автор новую книгу (девятую по счету, плюс участие в шести сборниках) представил сам. Книга «от Терека до Курил» – итог литературного труда всей его жизни. По ней легко проследить биографию, от раннего детства до зрелости...».

Книгу «Современная писатели Ставрополя» представил председатель правления Ставропольского отделения Союза писателей России начала XXI века А. И. Куприн. Из поэтов и писателей нашего района в антологии помещены произведения членов Союза писателей России: Т. С. Шелухина, Н. Н. Сахвадзе, С. Д. Овсянникова и А. М. Маслова.

А теперь, позвольте мне, как руководителю районного литературного объединения, представить здесь одно из стихотворений, написанных мною в последние годы. Называется оно «Слово – глагол».

«Нон мультя, сэд мультя –
Мало слов – много смысла».

В древней Библии книга пророка Аггея
Уместилась в единственной тесной странице.
Гениальная жизненная в ней идея
За пределы спасительных слов не стремится...
«Надо люто марать», – сказал кто-то когда-то.
Все великие мыслили точно и сжато,
Лихорадочно, огненно, самозабвенно,
Чтобы в пламенных строчках
Сгореть непременно;
Изнуря себя неотвязной работой, –
Доводя до седьмого соленого пота,
До безумной мучительной боли объятья,
До последней молитвы на грани проклятья...
В древней Библии книга пророка Аггея –
Гениальная, жизненная в ней идея.

До сих пор усомниться никто в ней не смог,
Ибо слово – глагол, а глагол есть Бог.

Герман Р. Э.
г. Ставрополь,
Ставропольский филиал ФГОУ ВПО
«Российский государственный социальный университет»,
доцент,
кандидат исторических наук

Невоенные аспекты Кавказской войны 1817–1864 гг.

Кавказская война представляет собой одну из наиболее сложных и драматичных страниц российской истории. Тем не менее, не следует представлять российско-кавказские отношения в первой половине XIX века только как силовое противостояние. Кавказская война, как это ни парадоксально, имела ряд невоенных аспектов, во многом благодаря которым Российская империя смогла включить Кавказ в состав своей территории.

Для закрепления своих прав на Кавказе, усиления своего влияния, в целях создания материальной базы для борьбы с Османской империей и Персией России следовало заселить и экономически освоить территорию, впоследствии получившую название Кавказская губерния.

Расширение территории, борьба за пространство – один из законов развития империй. Чтобы достигнуть успеха в этой борьбе, Российская империя должна была создать необходимые материальные условия, совокупность материальных объектов (инфраструктуру), ориентированных на обеспечение процесса реализации своих геополитических целей в регионе.

Проблема распространения власти России на территорию всего Северного Кавказа встала особенно остро начиная с 1801 г. – времени вхождения Грузии в состав Российской империи. Территория страны теперь оказалась разделенной надвое независимым Кавказом, а такая ситуация Россию устраивать не могла, задача превращения кавказских горцев не во временных союзников, а в подданных империи стала особенно актуальной. А следовательно, актуальной становилась и другая задача – создание материальной инфраструктуры на Ставрополье. Эта инфраструктура должна была стать экономической основой процесса «замирения» Кавказа, а также выполнять роль материальной базы для российских войск, принимавших участие в войнах с Османской империей и Ираном. Процесс «замирения» Кавказа растянулся более чем на полвека, поэтому создание такого рода системы материальных объектов на территории Ставрополья было весьма оправданным.

Проводником государственной политики на местах, в том числе на территории Кавказской губернии, должны были стать административные органы. Система государственного управления на Кавказе, в том числе в Кавказской

губернии, имела ряд специфических черт. Отличительной особенностью административной структуры Ставрополя, имевшей определяющее значение, было то, что вся полнота власти принадлежала военным начальникам. Объяснялось это военно-политической ситуацией в регионе.

Так, по инициативе одного из воинских начальников — командира Отдельного Кавказского корпуса А. П. Ермолова Кавказская губерния в 1822 г. изменила свой административный статус, превратившись в Кавказскую область. В течение всего изучаемого периода управленческие решения, касавшиеся жизни на Ставрополье, принимались с учетом военной и военно-политической обстановки. Данные факты отразились и на управлении отдельными группами населения губернии/области государственными крестьянами и в особенности казаками. Система управления Кавказским линейным казачьим войском, получившая окончательное оформление в 1833 г., была построена таким образом, чтобы наиболее рационально организовать несение казаками службы по защите Ставрополя от набегов, при том условии, что казаки принимали участие и в экономическом освоении Предкавказья.

Вместе с тем, по мере становления российской власти в регионе Кавказская область все более подчинялась общероссийскому порядку управления административно-территориальными единицами и социальными слоями населения. Реформа П. Д. Киселева, проведенная в 1837 г., затронула и казенных крестьян Ставрополя. В 1847 г. Кавказская область была преобразована в Ставропольскую губернию, что было еще одним шагом в направлении превращения Кавказа в территорию России не только юридически, но и фактически.

Можно сказать, что становление системы административных органов на Ставрополье имело две тенденции: с одной стороны, на управленческой структуре губернии (области) отражалось влияние военно-политической обстановки в кавказском регионе; с другой стороны, по мере успехов России в военном плане, по мере заселения и экономического освоения Ставрополя управление там приобретало черты, характерные для внутренних губерний России.

Одним из средств формирования материальной инфраструктуры Ставрополя было его заселение славянским населением, обеспечение «демографического контроля» над территорией региона. На казаков возлагалась функция защиты остального населения от горских набегов, несение караульной службы. Казаками были сделаны определенные успехи в экономическом освоении Ставрополя, однако из-за несения службы, большой убыли личного состава их участие в развитии экономики было не столь значительным, как участие государственных крестьян. Государственные крестьяне сыграли главную

роль в развитии экономики Ставрополя. Хотя им приходилось выполнять различные повинности, их тяготы были несравнимо меньше тех, что приходилось нести казакам.

Заселение Ставрополя казаками и крестьянами было тесно взаимосвязано с реализацией Россией своих геополитических целей в кавказском регионе.

Во многом была ориентирована на решение военно-политических задач система медицинских учреждений Ставрополя. Но зачастую именно военным приходилось решать вопросы, связанные с медициной, защитой от болезней.

Одним из факторов, сильно затруднявших освоение кавказского региона, были эпидемические заболевания. Они были причиной высокой смертности как среди мирного населения, так и среди военных. Боролись с эпидемиями тогда не медицинскими, а скорее медико-полицейскими мерами. Военные привлекались для создания карантинных застав, несения службы на противоэпидемических кордонах, эвакуации жителей из эпидемических очагов. Подобного рода деятельность военным приходилось вести и на Ставрополье, на территории губернии (области) находились карантинные заставы, своеобразные барьеры на пути распространения инфекционных заболеваний.

Для оказания срочной медицинской помощи больным и раненым военнослужащим на Ставрополье создавались военные госпитали. Первые из них, судя по архивным источникам, стали появляться в начале XIX в., в городах, расположенных достаточно близко от театра военных действий, – Кизляре, Моздоке, других населенных пунктах. Позднее, в 30-е гг. XIX в., военный госпиталь был открыт в Ставрополе. Так же на дорогах губернии (области) создавались госпитальные отделения, госпитальные пункты или больничные избы «для оказания врачебной помощи заболевшим чинам военного ведомства».

Медицинская помощь крестьянам, мещанам, другим жителям губернии (области) достаточно часто оказывалась в военных госпиталях. Однако и врачи гражданского ведомства оказывали помощь воинским частям, находившимся на территории Ставрополя, например, вместе с военными врачами осматривали военнослужащих, отправлявшихся к местам сражений, выявляли носителей эпидемических заболеваний.

Важную роль в восстановлении здоровья раненых и больных играли бальнеологические курорты Кавказских Минеральных Вод. Военачальники кавказских войск уделяли достаточно большое внимание развитию курортов, их использованию для лечения раненых и больных, строительству городов возле источников. Ртищев, Торماسов, Ермолов, Розен, Емануель, Граббе, Воронцов, Барятинский – это те военачальники, с чьими именами связано формирование архитектурного облика Пятигорска, Кисловодска, благоустройство источников, разработка системы их рационального использования. Сначала источники

служили только для лечения военнослужащих, но по мере освоения Россией территории кавказского региона «на воды» стали приезжать и из центральных губерний. Кавказские Минеральные Воды посещали А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, декабристы. Общество, собиравшееся летом для лечения на курортах, представляло собой достаточно интересный историко-культурный феномен, и существование этого феномена было следствием российского присутствия на Кавказе.

Содержание продовольственной базы для войск, развитие сельского хозяйства было одной из насущных задач России в кавказском регионе, в том числе на Ставрополье. Именно сельское хозяйство должно было стать основным занятием населения, переселяемого российским правительством в Кавказскую губернию.

Южные рубежи губернии были наименее защищенными от горских набегов, поэтому одними из первых территории в районе Моздока, Кизляра стали заселять казаки. Климат там был жаркий, засушливый, для хлебопашества малоприспособленный. Зато виноград в этих природных условиях давал прекрасные урожаи, что стало основой для развития там товарного виноделия. Вино это пользовалось спросом и в столицах, и на месте производства, где его постоянным покупателем были подразделения Грузинского, а затем Отдельного Кавказского корпуса, так как в войсках в то время полагалась «винная порция». Важно заметить одну особенность сельского хозяйства Ставрополья в целом – его изначальную товарность. Наличие в регионе постоянного покупателя – войск Кавказского корпуса – было основной причиной того, что агроэкономика губернии (области) была с самого начала ориентирована на рынок.

Земледелие, хлебопашество получили широкое развитие в северных, западных и центральных районах Ставрополья, в местах расселения государственных и помещичьих крестьян. Земледелие было основой аграрной экономики России и по замыслу правительства должно было занять надлежащее ему место в экономике Кавказской губернии. Стоит сказать, что занятие земледелием служило как бы показателем того, что данное крестьянское хозяйство получило прочное обоснование на Ставрополье. Конечно же, как и иные отрасли сельского хозяйства губернии, хлебопашество было изначально товарным, что объяснялось наличием в регионе контингента российских войск.

Создание продовольственной базы для войск недалеко от мест дислокации было одной из тех задач, которые ставило перед собой правительство России, заселяя Предкавказье. Потребность кавказских войск в хлебе удовлетворялась зерновым хозяйством Ставрополья примерно на треть, остальное доставлялось из внутренних губерний, в частности, из Саратовской. Однако даже этот показатель, на наш взгляд, следует считать высоким, поскольку развивать земледелие в

Кавказской губернии приходилось практически с нуля. Климат кавказского региона существенно отличался от климата тех мест, откуда переселялись крестьяне, это создавало дополнительные трудности.

Запросы кавказских войск накладывали свой отпечаток на то, какие именно зерновые культуры выращивали ставропольские крестьяне. По нормам того времени армейские подразделения снабжались ржаным хлебом, мукой, сухарями. В связи с этим немаловажным обстоятельством ставропольским крестьянам, чтобы снабдить кавказские войска хлебом, приходилось выращивать рожь, хотя природно-климатические условия степного Предкавказья не совсем подходили для этой сельскохозяйственной культуры. Позднее, когда Кавказская война закончилась, зерновое хозяйство Ставропольской губернии быстро переориентировалось на выращивание пшеницы как культуры более ценной в коммерческом плане и более приспособленной к местным климатическим условиям. Были выведены новые сорта зерновых культур. Кроме ржи и пшеницы, ставропольские крестьяне и казаки выращивали и другие сельскохозяйственные культуры, в частности, просо, пшено, гречиху. Покупателем круп также выступали войска Кавказского корпуса. Приведенные факты позволяют утверждать, что зерновое хозяйство Ставрополя во многом было ориентировано на обеспечение российских войск на Кавказе хлебом и крупами.

Сенатор Д. Мертваго, посетивший в начале XIX в. Кавказскую губернию с целью ревизии, недаром назвал ее «мясным хутором России». Природные условия степного Предкавказья представляли собой прекрасную базу для скотоводства. Ставрополье снабжало скотом и обе столицы, и кавказские войска, через систему контрактов на поставку. В целях приспособления к местным условиям были выведены новые породы скота. Скотоводство Ставрополя, в частности, его мясная отрасль, как и другие направления сельского хозяйства губернии, приобрело изначально товарный характер и сыграло свою роль в обеспечении продовольствием кавказских войск России.

Отдельно следует сказать о коневодстве, о его развитии на Ставрополье. Сразу отметим одну важную особенность. Если в целом рассматривать сельское хозяйство губернии, то основным производительным слоем с полной уверенностью можно назвать государственных крестьян, поскольку казаков постоянно отвлекала служба, а помещичьи крестьяне были малочисленны (2% к концу 50-х годов XIX в.), но в сфере коневодства дела обстояли иначе: разведение породистых лошадей требовало достаточно высокой квалификации, и центрами племенного коневодства на Ставрополье были ряд помещичьих имений, хотя коневодством занимались также и зажиточные государственные крестьяне, и казаки.

Спрос на лошадей в период, пока длилась Кавказская война, был достаточно высоким. На конных заводах лошадей не только выращивали, но и обучали навыкам, необходимым в бою. Коневодство, таким образом, также носило товарный характер, лошадей со ставропольских заводов покупали не только для кавказских войск, они пользовались устойчивым спросом и в других частях империи. Но особо важную роль ставропольское коневодство играло в обеспечении боеспособности Кавказского корпуса.

Отдельно следует сказать о том, что части Кавказского корпуса, находившиеся на Ставрополье на отдыхе, использовали пастбищные и сенокосные угодья губернии для восстановления сил лошадей и обеспечения их фуражом.

Можно заключить, что одним из результатов российского присутствия в регионе стало формирование на Ставрополье агроэкономической инфраструктуры. Характерными чертами этой инфраструктуры были ее изначальная товарность и ориентация на материальное обеспечение войск России на Кавказе.

Будучи заинтересованными в мирных отношениях с горским населением, российские власти стремились привлечь его на свою сторону с помощью меновой торговли. Меновая торговля была в большей степени мерой политической, для российской стороны она зачастую оказывалась даже убыточной. Первоначально на меню горцам предлагалась только соль, затем ассортимент товаров стал расширяться. Благодаря хлебу, получаемому на меновых дворах, горские селения избегали угрозы голода. Меновая торговля являлась переходной формой между состоянием вражды и нормальными торговыми отношениями, и, сыграв свою политико-экономическую роль в определенный период, она стала постепенно отмирать, уступая место торговым отношениям, где вмешательство государства было не столь непосредственным.

Обеспечение коммуникационного контроля над присоединенной территорией было одной из важнейших задач России. С этой целью на Ставрополье прокладывались дороги, по которым двигались войска к театру военных действий, создавались почтовые станции, служившие тогда практически единственным средством информационного обмена между центром империи и ее окраинами. Протяженность дорог на Ставрополье в течение всего изучаемого периода росла, тяжесть их ремонта падала на плечи крестьян, но только так можно было достигнуть тех целей, которые стояли перед Россией на Кавказе. Формирование дорожно-транспортной инфраструктуры было одной из задач России в этом направлении и одновременно результатом ее деятельности.

Как мы видим, Кавказская война 1817–1864 гг. представляет собой целый комплекс действий сторон. Он не ограничивался только военными действиями.

Присоединение Кавказа к России объясняется во многом тем, что новые территории привязывались к основному имперскому массиву системой экономических, социальных, культурных связей, в создании которых активное участие принимали войска Кавказского корпуса.

Глистова О. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
аспирант кафедры истории России

Послевоенное изменение состояния городской среды КМВ в контексте урбанизированных процессов на Ставрополье в 50–60-е годы XX века: достижения и проблемы

Изучению послевоенного положения городов Ставрополья посвящен обширный пласт исторической литературы. В подобных работах, как правило, город как административная единица рассматривается лишь в контексте развития промышленности, сельского хозяйства, образования, но в настоящей работе мы рассмотрим города Ставрополья как живой урбанизированный организм. Главным аспектом в данном исследовании является принцип формирования качества городской среды и городского облика, перепланировка городского пространства, обновления уже существовавших застроек в 50-е годы XX века. Урбанизация на Ставрополье сопровождалась расширением деятельности городских жителей, отделяющихся от старой аграрной экономической и социальной основы. В процессах урбанизации на Ставрополье человек исследуется как составная часть, как элемент городского сообщества, как творец городской среды и житель урбанизированной среды.

Изучение облика и состояния ряда городов края является достаточно актуальной темой в современном обществе. Действительно, мы и сегодня являемся свидетелями самовольных застроек, незаконного строительства на территории городского пространства. Подобные противоправные действия нарушают не только генеральный план застройки города, но и видоизменяют сам его облик, тем самым нарушая права граждан.

Не стоит понимать термин «город» в его общепризнанном значении, т. е. это населённый пункт, отнесенный, согласно российскому законодательству, к категории городов. Город обладает значительной частью городского населения (по сравнению с сельскими поселениями), которое занято вне сельского хозяйства, например, в промышленности, науке, сфере обслуживания или торговли.

Обычно под словом «город» имеют в виду, помимо названного, еще один чисто количественный признак: город – это большое поселение.

Дело в том, что, имея городской статус, города Ставрополья, в частности, города КМВ в 50–60-е годы, еще не успели стать истинными городами, ни по характеру экономической базы, ни по качеству городской среды, ни по образу

жизни населения. Аграрная деятельность горожан в Ставропольском крае существовала и существует сегодня.

Вероятно, причинами, обусловившими устойчивость и жизненность сельских черт в городах края, явились молодость городов, не успевших вследствие непродолжительности городского стажа стать истинными городами, дефицит средств, который постоянно испытывали города, невысокий уровень жизни населения, для которых аграрные занятия служили необходимым подспорьем. Работа на огородах давала средства в борьбе за выживание. Российские горожане не только не отрывались от земли, а наоборот, связь с ней становилась все более крепкой.

На Ставрополье в города преобразовывались поселения, начавшие выполнять городские функции, например, центры административных районов края. Подобное преобразование на протяжении XX века проходило постоянно в СССР в целом и на Ставрополье в частности, и в таких районах страны, как Ставропольский край, «сельские города», в большой мере сохранившие сельские черты, составляют наиболее многочисленную группу.

Повседневная жизнь городского населения в послевоенные годы резко изменилась. Многие города края вступили на путь модернизации, которая и стала одной из главных причин урбанизации на Ставрополье.

Перед краевым исполкомом Ставропольского края стояла сложная задача по изменению облика городов края: восстановление городского хозяйства, а именно строительство новых и ремонт уже существующих дорог, благоустройство и застройка городских районов, набор для этих целей квалифицированной рабочей силы, повышение культурного уровня населения путем строительства домов культуры и кинотеатров, расширение городской территории в связи с механическим приростом населения. Например, в городах КМВ «рост населения и территории создавали трудности в развитии курортов: в благоустройстве, трудоустройстве и обеспечении жильем» (1).

Анализ архивных документов показывает, что в ходе изменения облика городов группы КМВ и ряда других городов нередко имели место нарушения «градостроительной дисциплины и недоброкачественное строительство» (2), более того, зачастую во многих городах края наблюдались случаи самовольного строительства и заселения жителей в незаконченные и еще не сданные дома.

В г. Кисловодске на территории детской больницы было начато «строительство Дома пионеров при наличии запрещения госсанинспекции» (3).

Подобная ситуация имела место и в г. Ессентуки, где Кольцовская экспедиция на территории своего административного здания возвела каркасное временное здание, которое, вероятно, строилось под клуб. Это здание будет зарегистрировано лишь в 60-е годы.

Помимо самовольного строительства, проблемой было нарушение техники безопасности, а именно заселение жильцов в еще неприятые или недостроенные дома. В г. Пятигорске ряд жилых домов были заселены при отсутствии «приемки» дома в эксплуатацию (4) и необходимого благоустройства – «отсутствие подъездов, тротуаров, наличие строительного мусора, отсутствие освещения» и т. д.

Неудовлетворительным является качество капитального и текущего ремонта жилого фонда в городах КМВ и Ставропольского края в целом. Исходя из данных документов крайисполкома, наблюдается низкий процент текущего и капитального ремонта, малое количество строящихся жилых объектов в городах КМВ, по сравнению с другими городами Ставрополья.

Наблюдается крайне высокий показатель брака в ходе проведения ремонтных и строительных работ. Например, в г. Кисловодске построенный дом был разобран и возведен вновь. В этом же городе по ул. Чкалова, 71, отсутствовали оконные проемы в ряде квартир. Конечно, подобный брак и неудовлетворительное отношение к застройке городского пространства нанесли серьезный урон городу (5). Более того, в г. Минеральные Воды «законченных капитальным ремонтом жилых домов вообще не имеется», хотя по годовому плану должно быть выполнено 2 жилых объекта капитального и текущего ремонта.

На неудовлетворительное состояние городской среды, помимо выше изложенных недостатков, повлияла незаконная прописка граждан в Ставропольском крае в 50–60-е годы XX века. Допускается прописка приезжающих граждан на жилую площадь, не отвечающую по своим размерам установленным санитарным нормам. Руководители ряда строительных организаций принимают на работу граждан без паспортов, нигде не прописанных. Сельские и поселковые советы не обеспечивают местных жителей, убывающих временно за пределы непаспортизованной местности, справками установленного образца, удостоверяющими личность (6).

Тем не менее, отличительной чертой городов-курортов Ставрополья на фоне других городов края явилась их «специализация». Сохраняя свою «специализацию», город превращается в своеобразный спецкомплекс, где расширяются возможности выбора профессии, места работы, учебы, проведения досуга.

Как правило, город, являясь генератором интеллектуального потенциала, неразрывно связан с особой средой, которая сочетает в себе различные формы и способы общения, тем самым определяя притягательность в сознании населения, что мы и наблюдаем на примере городов и городского пространства группы КМВ начиная с 1955 года. Именно поэтому нельзя не согласиться с утверждением

социолога Ахиезера А. С., который считает, что «качество городской среды определяется не только способностью городов реализовывать и концентрировать творческий потенциал, но и умением создавать необходимые условия для приобщения каждой личности к различным формам жизни общества» (7).

Рассматривая городскую среду и положение человека в ней, необходимо осветить важнейшие вопросы, которые встали перед городскими и краевыми исполкомами, а именно состояние здравоохранения в городах КМВ.

Уровень здравоохранения в городах-курортах достаточно низок. В Пятигорске врачебные участки организованы лишь формально, отсутствует взаимосвязь среди врачей в лечении пациентов, практически не организована помощь в предупреждении детских заболеваний (8). Больницы и поликлиники не оснащены необходимой для лечения и диагностики аппаратурой. Не осуществляются меры по поднятию санитарной культуры среди сфер обслуживания.

В г. Кисловодске наблюдаются те же недостатки. Детская больница не ведет учет больных, не все дети охвачены прививками. В медицинских учреждениях отсутствует контроль за здоровьем пациентов, наблюдается слабая оснащенность больниц медикаментами и квалифицированным персоналом (9).

Зачастую Скорая помощь не приезжала вовремя по вызову на дом ввиду отсутствия дорог, невозможности подъехать к дому, продолжительного времени езды к пациенту, особенно это касалось отдаленных черт города. Все это часто способствовало летальному исходу больных. Доктора, проявляя халатность, ставят неверные диагнозы. Не проводится профилактика детских заболеваний.

Все вышеперечисленное способствовало неудовлетворительному состоянию городской среды на Кавминводах, несмотря на наличие санаторно-курортной базы в 50-е годы XX века.

Послевоенное состояние городского пространства в целом было неудовлетворительным. Несмотря на контроль, который осуществлял крайисполком на Ставрополье, мы наблюдаем значительные и зачастую непростительные промахи руководства края. Несмотря на то, что ряд «сельских» городов пытались быть урбанизированными городами, они так и не смогли изменить себя и стать «настоящими» городами. И человек, житель города, не смог стать истинным горожанином, в 50-е годы он все еще был по сути «сельским жителем», живущим в городском пространстве.

Использованная литература и источники

1. ГАСК Ф. –1852, Оп. 14, ед. хр. 946. Протокол № 41. Решение № 277. О состоянии городов КМВ. Л. 103–105.
2. ГАСК Ф. –1852, Оп. 14, ед. хр. 678. Протокол № 11. Решение № 235. О неудовлетворительном качестве застройки в городах края. Л. 117–119.

3. Там же. Л. 18.
4. ГАСК Ф. –1852, Оп. 14, ед. хр. 1314. Протокол № 27. Решение № 673. О состоянии работ по благоустройству застраиваемых городских территорий в городах края. Л. 194.
5. ГАСК Ф. –1852, Оп. 14, ед. хр. 946. Протокол № 44. Решение № 277. О выполнении плана капитального и текущего ремонта в городах края. Л. 110–121.
6. ГАСК Ф. –1852, Оп. 14, ед. хр. 1311. Протокол № 24. Решение № 513. О мерах по укреплению паспортного режима. Л. 74–79.
7. Ахиезер А.С. Воплощение свободы, или сосредоточение зла?// http://www.libertarium.ru/libertarium/1_lib_ahies1
8. ГАСК Ф. –1852, Оп. 14, ед. хр. 857. Протокол № 75. Решение № 2019. О состоянии здравоохранения в Пятигорске. Л. 149–152
9. ГАСК Ф. –1852, Оп. 14, ед. хр. 929. Протокол № 24. Решение № 547. О состоянии здравоохранения в Кисловодске. Л. 39–42.

Гончарова Г. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующая отделом

Коста Хетагуров в воспоминаниях современников (воспоминания Александра Смирнова)

15 октября 1979 года в г. Ставрополе, по ул. Дзержинского, был открыт литературный музей. Фонды музея, которые начали формироваться задолго до открытия музея членом Союза журналистов К. И. Пронской, позволили создать основную экспозицию музея и восстановить мемориальную квартиру, где в 1894 году жил и работал основоположник осетинской литературы, поэт и писатель, художник и просветитель Коста Леванович Хетагуров. На протяжении почти 20 лет фонды пополнялись материалами согласно тематической направленности музея, и в настоящее время, согласно учетной документации, они насчитывают около 10 тысяч единиц хранения.

Особый интерес представляют воспоминания современников о К. Л. Хетагурове.

Смирнов А. В. «Воспоминания о К. Л. Хетагурове и его друзьях и знакомых в г. Ставрополе Кавказском». 1953–1954 гг. Основной фонд литературного музея, инвентарный № 215.

Александр Васильевич Смирнов (1883–1956 гг.) – сын Василия Ивановича Смирнова, друга и учителя Хетагурова. В 1904 году, по завершении обучения в Ставропольской гимназии он уехал в Москву, где в 1910 году закончил юридический факультет Московского университета. В послевоенное время работал инспектором конных заводов СССР. Участвовал в создании памятника Юрию Долгорукому в Москве (по его консультации и рисункам изготовлена лошадь Юрия Долгорукого).

Воспоминания записаны рукой Смирнова в школьной тетради. К записям приложены фотографии, иллюстрирующие изложенное.

Вид домика Смирнова (фотография 1953 года). «В старое время домик был несколько посвежее, деревья, растущие по улице, были помоложе. Первые два окна освещали зал, а дальнее окно – гостиную. В зале стоял рояль, на котором училась, а затем мастерски играла Гали Васильевна Смирнова, на этом же рояле частенько играл и что-то напевал Константин Леванович, когда бывал у нас. Играл он неуверенно, школы у него не было никакой, и при этом всегда напевал, подбирая сам для себя аккомпанемент. Слух у него был развит, и аккорды он упорно и старательно находил. Когда собирались гости – музыки бывало всегда много: играл на виолончели Николай Васильевич Волобуев, хороший музыкант,

учитель музыки в Ставропольской гимназии, дружески знакомый Василия Ивановича и Коста Левановича. Иногда Коста вдохновлялся и что-либо декламировал – очень хорошо. Голос у него был несколько хриплый, но приятного тембра. И прекрасная дикция. Он был смел и никогда не терялся. Иногда неплохо исполнялись мелодекламации под аккомпанемент Гали».

Вид домика Смирнова со двора. «Слева видны частично ворота на улицу, а внизу, направо у дерева, два окошка из комнаты, которую занимал Хетагуров. Левее деревянная пристройка – входная дверь в квартиру, которая сохранилась с тех времен без изменения. Помещение, которое занимал Хетагуров, было совершенно изолировано и состояло из двух комнат. В первой, с двумя окошками, стоял скромный гарнитур мебели: диванчик, столик, два кресла, а около окон мольберт для рисования и работы масляными красками. В другой комнатке была небольшая русская печь, в простенке между ней и стеной – скромная холостяцкая постель, а на вешалке висели: бешмет, пояс, кинжал, бурка, шапка. Все это напоминало жизнь в ауле, где часто в доме были низкие потолки, небольшие окошки и суровая обстановка. Коста не был богатым».

Большой дом, в пять окон, богатого купца Осипа Степановича Третьякова, расположенный в верхней части города, «Воробьевке». «Во дворе усадьбы Третьякова, против ворот, размещался другой дом, который в 70-х годах XIX века арендовал В. И. Смирнов. Хетагуров, будучи гимназистом, уже тогда бывал в доме своего учителя.

В его записях упоминаются Аграфена Осиповна, Люба и другие – это дети купца Третьякова, простые и веселые современники Коста, а купчиха Третьякова Лукерья Федоровна, много времени спустя, говорила: «Костя, жаль, что ты азиат, а то бы я за тебя Аграфену выдала замуж...».

В районе Мойки (ныне ул. Краснофлотская, дом 7), где старые каменные столбы ворот огораживают усадьбу, была дача известного в Ставрополе адвоката Дмитрия Ивановича Евсеева. Коста много времени был связан с ним по газете «Северный Кавказ». Дача эта никакой ценности не составляла, и вся ее прелесть была в том, что она была на краю города и своей усадьбой примыкала к Архиерейскому лесу. Много зелени и много воздуха...

Здесь часто собирались гости Евсеева и всю ночь напролет играли в карты. Коста в карты никогда не играл. Кроме дома, в глубине усадьбы располагалась мазаная глиной времянка с камышовой крышей, в ней неоднократно жил Коста. Известно, что адвокат Евсеев проиграл в карты деньги, принадлежавшие Хетагурову, и потом никак не мог сосчитаться с Коста... Он втянул его в пайщики газеты «Северный Кавказ» и тем доставил ему много огорчений. Говорили, что, поселив Коста на своей даче, Евсеев думал этим как-то

расчитаться с Хетагуровым по задолженности. Летом Коста мог на этой даче отдыхать и работать, но тяжело было с продуктами питания. Дача от рынков и магазинов была далеко, а Коста был одинок и стеснен в средствах, прислуги он не мог иметь. Расстояние до центра города километра полтора. Ходил Константин Леванович, из-за больной ноги, опираясь на палку и слегка прихрамывая. Часто он был вынужден нанимать извозчика, на что не всегда хватало денег. Хетагуров был светским человеком, в лучшем смысле этого слова, любил людей, любил быть в общении с людьми – тянулся к людям, которые в свою очередь тянулись к нему. Часто, не перенося одиночества, он удалялся в город.

Примерно в 1891 году, когда мне было лет 8, я был в гостях у Коста.

Хетагуров всегда любил молодежь, особенно детей, и такой же любовью отвечали ему дети и подростки. Всегда хотелось быть около него, он как-то умел разговаривать с детьми, сам был добр и весел. В то лето я вспомнил, что Коста именинник.

«Дай, пожалуйста, один рубль», – сказал я своей маме. «Зачем тебе рубль?» – спросила она. «Коста именинник. Я пойду на дачу его поздравить и нужно что-нибудь подарить». Мать уважила мою просьбу и дала рубль. Счастливый я вышел из дому, чтобы купить подарок. Но вот вопрос: «Что купить? Да так, чтобы было что-то интересное, а часть денег осталась мне». Пока я ходил по магазинам, я думал о Коста, он представлялся мне аккуратным: в хорошей черкеске из осетинского сукна, чистый чесучовый бешмет, серебряный пояс с кинжалом, хорошая каракулевая шапка – и я подумал, что такой «горец» должен иметь хорошо начищенные сапоги. В магазине я увидел большую круглую коробку ваксы с яркой этикеткой. Не задумываясь, купил ее в подарок Коста, представляя, как будут сиять его сапоги. Тут я вспомнил про мальчика Асланбека Шанаева, с которым был дружен. Он был осетин, мусульманин, сын лесного ревизора. С легкой руки матери его называли «Бибилька». Семью Шанаевых знал Коста и любил Бибильку за его выдержанность в духе горцев осетин... Биби сразу загорелся желанием идти к Коста на именины и тоже что-нибудь подарить. Купить в подарок такую же коробку ваксы показалось нам не особенно хорошо, и тогда свой выбор Бибилька остановил на хорошем куске яичного мыла с тесненным фабричным клеймом. Купив подарок, мы отправились на именины к Коста.

Было жарко, пыль стояла в воздухе, и как приятно было приближаться к лесу на окраине города. К нашему счастью, Коста был дома и в хорошем настроении. Он не знал, как выразить радость, что мы вспомнили и пришли к нему, а когда получил подарки, принялся так искренне хохотать, что долго не мог успокоиться. Видя, что мы утомились от путешествия по жаре, Коста упросил соседку со двора подать самовар, угощал нас чаем с вареньем из разных ягод и

сдобными булками. Когда после пяти часов вечера к нему стали съезжаться его знакомые взрослые, наши подарки были выставлены на виду и вызывали общий восторг.

Усадьба дачи Д. И. Евсеева, в то время когда там жил Коста Леванович, непосредственно примыкала к Архиерейскому лесу, и через усадьбу проходила тропа, по которой ходили в лес. Нужно отметить, что ставропольцы издавна любили маевки, пикники, прогулки в леса у Сенгилеевского озера, на реке Грушевке и Холодном Роднике, при Монастыре и на дачах Павлова, Бибертова, Ртищева. Много раз участником таких прогулок, всегда желанным, был Коста. Когда собирались на даче Евсеева, то всегда шли большой компанией в лес в сопровождении Коста.

Старое каменное здание в два этажа с полуподвалами, на повороте с улицы Воронцовской на улицу Большую (ныне пр. Октябрьской Революции – на К. Маркса) – дом Розанова. На верхнем этаже помещался дворянский клуб (собрание), в нижнем этаже нотариальная контора и квартира нотариуса Иванова, а правее редакция газеты «Северный Кавказ», в которой работал Хетагуров, а редактором и издателем был Евсеев. В угловом доме размещалась типография Берка, которая обслуживала газету «Северный Кавказ». Нужно отметить, что супруга Д. И. Евсеева – Адель Владимировна в девичестве носила фамилию Берк, так что и издательство, и типография были в руках родственников. Коста испытывал много терзаний, когда работал в газете «Северный Кавказ», т. к. если он помещал в газете стихотворение или статью, то ему старались заплатить как можно меньше, ссылаясь на то, что газета не имеет средств, а если таковые появлялись, то Евсеев под разными предлогами забирал их и проигрывал в карты на верхнем этаже в клубе.

В двухэтажном доме на углу Александровской (ныне Дзержинского) и Воронцовской (ныне пр. Октябрьской революции) на нижнем этаже размещалась типография Тимофеевой, а на верхнем этаже квартировал Д. И. Евсеев. Его квартиру оплачивал, за адвокатские услуги, владелец банкирской конторы армянин миллионер Макар Варфоломеевич Попов. Коста Леванович часто бывал у Евсеевых, связанный делами по газете «Северный Кавказ» с Дмитрием Ивановичем и по делам благотворительных обществ с Адель Владимировной. Нужно заметить, что у Евсеевых дом был открытый, где бывало много разных людей, встречи с которыми для Коста были интересны, нужны, а иногда необходимы.

В доме по ул. Большой (ныне пр. К. Маркса) жил инспектор ремесленного училища Никифор Илларионович Ларионов. Разносторонне образованный, прогрессивных взглядов, он всегда находился в среде людей, где смело мыслили и остро высказывались. В газете «Северный Кавказ» Ларионов вел раздел

иностранной хроники, с Коста Левановичем их связывали работа и обоюдное уважение. Первое время Никифор Илларионович жил один, впоследствии из Тифлиса к нему приехали его мать Евдокия Ивановна и тетка Акулина Ивановна. Это «...мамуся и тетуся...», которым Коста просит передать привет в одном из писем к моему отцу Василию Ивановичу Смирнову. Эти дамы очень любили Хетагурова, в ответ на это Коста был почтителен и дружески привязан к ним.

Воспоминания Александра Васильевича Смирнова дают возможность прикоснуться к той стороне жизни Хетагурова, которая определяет человеческие качества выдающегося поэта и художника, публициста и просветителя, расширяют знания о круге его знакомств, позволяют воссоздать атмосферу культурной и бытовой жизни города, который Коста считал своей второй Родиной. Этот материал, вне сомнения, является достоянием, которое требует дальнейшего изучения и введения в научный оборот.

Ермолаев Н. И.,
г. Ставрополь,
краевед;

Отюцкий И. В.,
г. Ставрополь,

Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующий отделом археологии

Каменный крест из балки Грушевой в окрестностях города Ставрополя

1. Каменный крест находится в 2,5 км к западу от известного археологического памятника – Грушевского городища.

Место, где располагается крест, представляет собой глубокую лесистую балку, по северному берегу которой проходит лесная дорога. В 80 метрах к югу от дороги лежит большой обломок известковой плиты. В свое время на ее поверхности и был установлен описываемый крест. Такое утверждение вытекает из следующего. При внимательном осмотре верхней площадки плиты обнаружилось выдолбленное углубление, размеры которого соответствуют основанию креста. Кроме того, выявились каменные фрагменты крепления креста на месте его установки. Эти фрагменты представляют собой местный материал, отличающийся рыхлостью и щелястостью.

В настоящее время крест прислонен вертикально к одной из граней плиты. Рядом – удобная стоянка с площадкой и родником.

2. Крест – четырехконечный; все концы расширяются от центра к краям. В средокрестии высечено углубление под иконку. Имеются следы ремонта.

Основные размеры креста: высота наземной части – 140 см; ширина боковых концов – 26 и 25 см, верхнего – 37 см, нижнего – 42 см. Высота боковых концов – 47 см. Толщина креста – различная – от 17 см наверху до 24 см внизу.

Что касается углубления под иконку, то оно – почти квадратной формы – 16 см по вертикали и 16,5 см по горизонтали. Внутри этой ниши расположена еще одна – с размерами 11 x 9 см. Общая глубина ниши – от 4 до 5,5 см. Маленькая предназначалась для самой иконки, а большая – для защитной рамки из стекла. Такой вывод напрашивается после осмотра углубления. В 4-х местах по периметру большего углубления найдены обломки гвоздей, закреплявших стеклянную рамку. В левом нижнем углу большего углубления сохранились остатки восковой шпаклевки, служившей дополнительным креплением для защитной рамки.

3. Материал, из которого изготовлен крест – ракушечник. Белый по цвету, плотный по структуре, он отличается от камня на склонах балки Грушевой, а также района балок хут. Грушевого и с. В. Татарки.

По технологии изготовления напрашиваются следующие выводы: сам крест выпилен, а не вытесан, т. к. на его углах и в «пазухах» боковых концов имеются следы режущего инструмента. Углубление под иконку выдолблено.

Исходя из сложности изготовления подобного креста и, соответственно, его дороговизны, думается, что он был выполнен, скорей всего, в одной из мастерских города Ставрополя.

4. О причинах установления каменного креста в данном месте можно сказать, что связано это с каким-то событием, случившимся на проселочной дороге, связывавшей станицу Сенгилеевскую через хутор Грушевый с селом Татарка.

Общий характер местности, ее осмотр дают все основания считать, что на месте установки креста нет никакого захоронения.

Наиболее вероятное объяснение установки креста – благодарение. Тем более что на внешней стороне его верхнего конца имеются 2 кованых железных гвоздя, расположенных по вертикали друг над другом. Это указывает на закрепление здесь какой-то пояснительной таблички.

5. При определении времени установления описываемого креста за основу взята карта из энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. На ней указана упоминаемая проселочная дорога. Самым ранним в нашем случае событием, отмеченным на данной карте, является появление железной дороги Ростов – Владикавказ (1875 год). Сама энциклопедия издана в 1895 году. И позже 1917 года крест установлен быть не мог, по известным историческим причинам.

Таким образом, предположительное время установки каменного креста в балке Грушевой довольно широкое – от 1875 до 1917 года.

Животовская Л. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
младший научный сотрудник

**Коста Хетагуров в воспоминаниях современников
(воспоминания Е. И. Прокопенко)**

В г. Ставрополе, по улице Дзержинского, находится музей-усадьба художника-академиста В. И. Смирнова с мемориалом К. Л. Хетагурова. Этот музей был основан в 1979 г. членом Союза журналистов СССР К. И. Пронской. На протяжении многих лет Ксения Ивановна собирала разнообразные тематические материалы о К. Л. Хетагурове и его друге и учителе В. И. Смирнове. На сегодняшний день, согласно учетной документации, здесь насчитывается около 10 тысяч единиц хранения.

В ходе сверки фонда В. И. Смирнова особый интерес у меня вызвали воспоминания Елены Ивановны Прокопенко, записанные со слов ее двоюродной сестры Валентины Акимовны Строковой.

Елена Ивановна и Валентина Акимовна были внучками купца И. С. Третьякова и с детства жили в доме деда. Их воспитанием занималась родная тетка – Агриппина Иосифовна Третьякова-Михайловская. Агриппина Иосифовна – дочь купца И. С. Третьякова в восемнадцатилетнем возрасте вышла замуж за семинариста Павла Михайловского. Через два года муж умер от чахотки, и она с малолетним сыном вернулась в дом отца. В качестве вдовы она пользовалась большей свободой, чем в дни девичества. Она могла ходить в гости и принимать у себя подруг и знакомых.

Молодая вдова Груня помогала по хозяйству матери. Характер у Груни был мягкий, наружность привлекательная. Роста среднего, стройная, изящная, глаза серые, щеки с нежным румянцем. Кто бы ни встречался с ней, точно мог сказать, что она из истинно русских женщин. Конечно, ее появление в ставропольском обществе не осталось незамеченным. Чаще всего она бывала в семье художника и преподавателя Смирнова. Квартира Василия Ивановича находилась в центральной части города, и туда, к приветливому хозяину, стекалось очень много людей, связанных с литературой и вообще с искусством.

В начале 90-х годов прошлого века в этот дом попал в качестве гостя и друга осетинский поэт Коста Хетагуров. Многие связывало этих двух людей. Смирнов был представителем той интеллигенции, которая стремилась к усовершенствованию жизни, к изменению существующих порядков в стране, где царил произвол царизма. Хетагуров к тому времени уже зарекомендовал себя противником существующего строя и подвергался преследованиям. Ясно, что

кружок, собиравшийся у Смирнова, был по сердцу вольному сыну гор. Там и произошла встреча Груни Михайловской с Коста.

Вскоре после знакомства у Смирновых Коста появился в доме И. С. Третьякова и сразу пришелся что называется ко двору, для всех его обитателей. Что касается национальности, то для хозяина довольно было знать, что осетины христиане, а о политической благонадежности Коста он не задумывался. Хетагуров держался со всеми просто, доброжелательно, что располагало к нему всех, кто встречался на его пути. Возраст его говорил сам за себя – ему было только тридцать с небольшим лет. Не надо забывать, что время у него было насыщено делами. Коста никогда не сидел просто так. Он писал в газету «Северный Кавказ», издаваемую в Ставрополе. К тому же он был художником и очень много рисовал, тем более, что наставник его, Смирнов В. И., всеми силами поддерживал его и вдохновлял на плодотворную работу. Коста не только хорошо говорил на русском языке, но и отлично умел читать стихи, свои и чужие. Больше всего он любил декламировать Лермонтова. Близок по духу был ему мятежный русский гений. Недаром на открытии памятника Лермонтову в 1889 г. он выступил с пламенными строками своих стихов, посвященных поэту:

Не умрет, не поблекнет в тебе уж тогда
Его образ задумчивый, гордый,
И в ущельях твоих будут живы всегда
Его лиры могучей аккорды.

Эти стихи, посвященные любимому поэту, он читал с особенным чувством.

Скоро Коста стал своим человеком в доме Третьякова. Способствовало тому умение поэта с каждым человеком найти нужную тему для разговоров. А среди молодежи славились его остроумие, веселость, умение быть душой общества. А как Коста умел танцевать! Прежде всего, нравилась его стройная, точно вылепленная ваятелем фигура. Одежда тоже привлекала взоры знакомых женщин. Он редко надевал европейское платье, чаще был в своем, национальном. Бешмет, черкеска отличались необыкновенной аккуратностью и сидели на нем отлично. Танцевал он мастерски. Однако к бальным танцам расположен не был. Преображался во время исполнения кавказских танцев. Глаза его сверкали, все лицо озаряла улыбка, делавшая его неотразимо симпатичным, даже красивым. Вот он начинает медленно выступать среди любопытных, которые, отступая, дают ему место для разбега. Все тело напрягается, кажется, что он вырастает, устремляется вперед и несется в зажигательном танце под гул восхищенных зрителей. Иногда он напевал мотивы своих родных песен, вспоминая горы и детские годы. Часто брал карандаш и набрасывал контуры каких-то возникших в

его воображении образов. Рисовал он очень хорошо. Предпочитал масляные краски. Все эти достоинства привлекали к поэту людей, особенно женщин.

В. А. Уланова: «Трудно сказать, когда именно произошло сближение между моей теткой Михайловской и Коста. Тетка была так же веселой, общительной, любила компании. Ей было двадцать с небольшим лет, жизнь с Михайловским не удалась. Кстати сказать, мужа выбирал отец. Ему казалось, что дочь, будучи женой священника, всегда будет окружена вниманием со стороны довольно бедного мужа. Да и материальное положение священника казалось устойчивым и надежным. Оказалось иначе: дочь стала вдовой, едва переступив двадцатилетний рубеж».

Скоро встречи «красотки Груни» и Коста участились. Встречались они у Смирновых, дома у Груни и на прогулках. В то время молодежь выезжала по воскресеньям и праздникам за город, любили посещать женский монастырь, расположенный на самой окраине города. В монастыре были целые улицы небольших домиков (кельи), в которых жили пожилые монахини (матушки) и черницы-прислужницы. В монастыре было очень хорошее хозяйство. Держали коров, сеяли, сажали фруктовые деревья, цветы. У матушек можно было за умеренную плату достать молока, белого мягкого хлеба, фруктов, овощей, рыбу и т. д. Девушки-черницы быстро ставили самовары и вынимали из банок разнообразные сорта варенья. Около каждой кельи, в садах стояли простые деревянные скамейки. Общество не смущали монастырские обычаи и законы. Никто не мешал молодежи веселиться, даже петь светские песни под аккомпанемент мандолин или гитар. На дворе можно было чувствовать себя свободно, но если дождь загонял гуляющих в кельи, там полагалось вести себя тихо и скромно. Это было очень редко, так как обычно на прогулку выезжали только в ясную погоду поздней весной и летом. Иногда совершали прогулки в окрестные леса. Для этого нанимали экипаж или линейки, так как пешком идти было далеко. Иногда компания разделялась на пары. В паре с Коста почти всегда была Груня Михайловская.

В один из праздничных летних дней компания отправилась на прогулку, прихватив с собой фотографа. Попали в монастырь, заказали самовар и все, что полагается к чаю. Кому пришла в голову мысль сфотографироваться за столом, трудно сказать. Расселись. Рядом Коста и Груня. Присутствующие, знакомые с их взаимной симпатией, потребовали, чтобы Коста прикрыл буркой (она была на случай дождя) Груню. Второй снимок показывал их взаимное расположение. Оба, повернувшись лицами, смотрят неотрывно в глаза друг другу.

Отношения Агриппины и Коста достигли того предела, когда всем стали ясны истинные чувства обоих. Со слов Улановой, Коста часто просил ее уговорить «маманию» (Груня была ей крестной матерью) выйти за него замуж.

В. А. Уланова: «Могут спросить: хотел ли Коста жениться на А. И. Михайловской?»

Могут ответить: да, хотел. И с его, и с ее стороны была взаимная симпатия, понимание, может быть нежность друг к другу.

Хотела ли Михайловская стать Хетагуровой? И на этот вопрос можно ответить положительно».

Но были причины, разрушившие их отношения, приведшие к полному разрыву. Прежде всего, вдова Михайловская жила у своего отца. Значит, должна была считаться с его взглядами и желаниями. Увлечение дочери опальным поэтом отец, конечно, серьезным не считал, но смотрел сквозь пальцы на их дружбу. Да и сам он любил веселого, остроумного Коста и всегда принимал его в своем доме как желанного гостя. Но, конечно, для овдовевшей дочери не хотел он преследуемого за убеждения человека, да еще и нерусского. Коста в то время не имел прочного занятия, которое бы устраивало семейную жизнь, да и сама Груня боялась окончательно доверить свою судьбу и судьбу подрастающего сына человеку, у которого жизнь складывалась не так уж счастливо.

В. А. Уланова: «Больше всего, как она поясняла Улановой, был вопрос о подрастающем сыне. Мысль о том, что Коста не может любить чужого ребенка, волновала ее больше всего. Да и были вокруг люди, которые отговаривали ее от решительного шага».

Жалеть и вспоминать свой роман с Коста ей пришлось спустя несколько лет, когда она вторично вышла замуж, за Ивана Владимировича Алексеева.

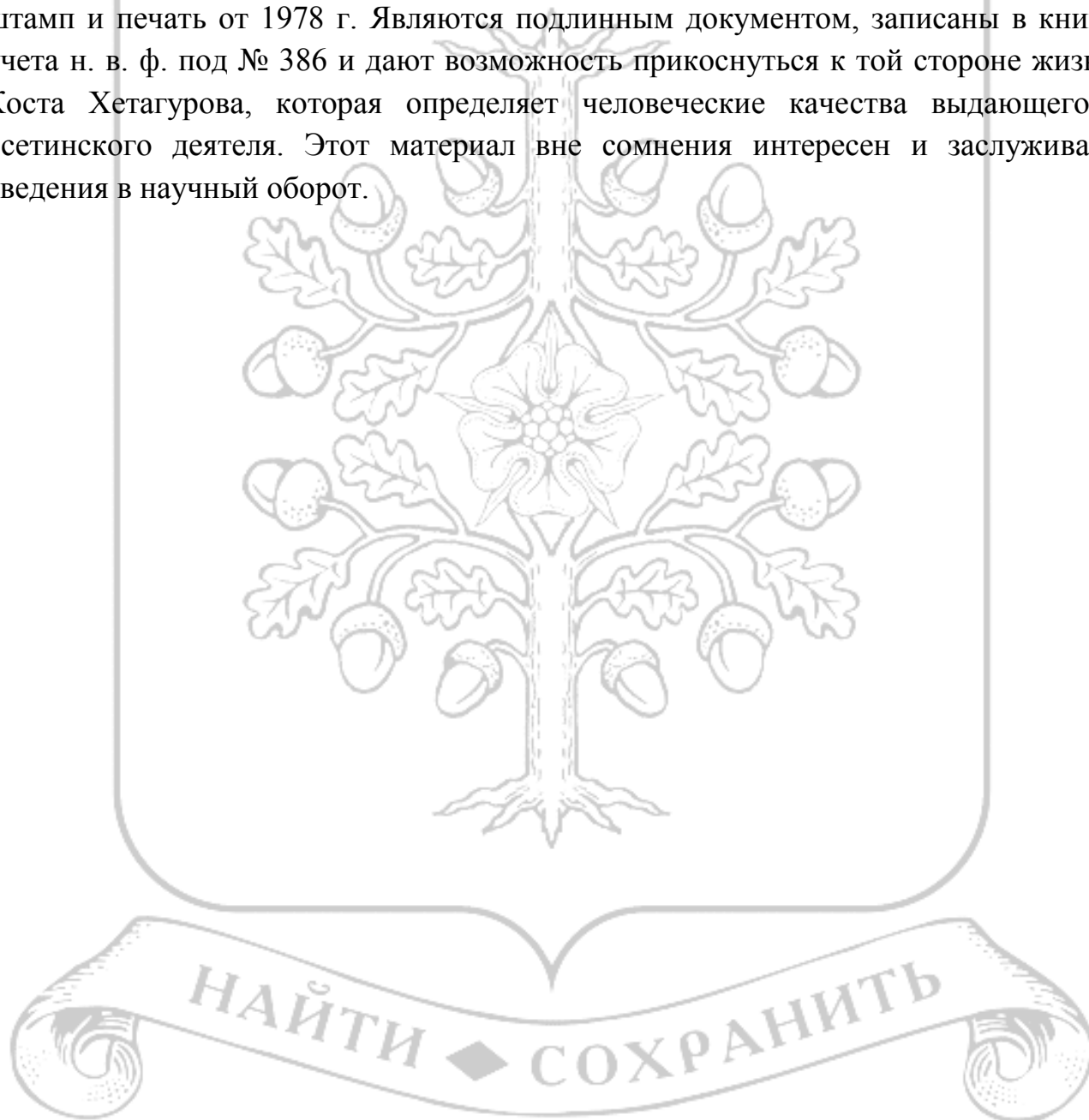
Он работал начальником станции Дивичи (так она тогда называлась). Брак этот был для нее тяжелым испытанием. Внешне респектабельный, красивый, Алексеев оказался человеком самых разнузданных страстей. Стихия его – выпивки, компании, ресторанный шумиха и волокитство. Прошло несколько лет, и она вынуждена была покинуть супруга и вернуться в Ставрополь.

Агриппина Иосифовна часто вспоминала о своем недолгом романе и говорила, что все самое светлое в ее жизни было связано с именем Коста, который оказал огромное влияние на ее развитие, научив читать серьезные книги и «отбив от церкви».

По воспоминаниям Прокопенко и Улановой, у нее долгое время хранились в память о Коста его картина «Терек» в бархатной раме, небольшого формата с изображением бурных потоков одной из рек Кавказа, тоненькая книжка стихов в мягкой обложке светло-желтого цвета, форматом чуть меньше обыкновенной ученической тетради, с надписью: «Посвящается А. И. Михайловской» и вложенные в нее две пожелтевшие фотографии, запечатлевшие тот памятный пикник в монастыре.

Картина хранится в фондах нашего музея, тетрадь ныне утеряна, а фотографии (возможно, сохранившиеся через других людей) в какой-то временной промежуток ошибочно соединили в один снимок, который успешно публикуется в разных изданиях.

Воспоминания написаны от руки в ученической тетради, с подлинной подписью Елены Ивановны Прокопенко, и заверены Исполкомом Воровсколесского сельского совета Курского района, о чем свидетельствует штамп и печать от 1978 г. Являются подлинным документом, записаны в книгу учета н. в. ф. под № 386 и дают возможность прикоснуться к той стороне жизни Коста Хетагурова, которая определяет человеческие качества выдающегося осетинского деятеля. Этот материал вне сомнения интересен и заслуживает введения в научный оборот.

Колосовская Т.А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
доктор исторических наук,
доцент кафедры археологии и региональной истории

Проблемы крестьянской колонизации Северного Кавказа периода Кавказской войны в трудах историков-краеведов XIX – начала XX в.

«История России есть история страны, которая колонизируется, области колонизации расширяются в ней вместе с государственной ее территорией» (2), – писал В. О. Ключевский. Заселение окраин, в том числе и Северного Кавказа, российское правительство рассматривало как способ упрочения в них русской государственности. Какие формы и методы колонизации доминировали на различных исторических этапах, с какими трудностями сталкивались переселенцы в новых природно-климатических, социальных и этнических условиях, в чем заключалась специфика их адаптационно-деятельностной модели – эти и другие вопросы российской колонизации Северного Кавказа широко освещались в трудах историков-краеведов XIX – начала XX в.

В условиях нарастающего противостояния между горцами и российской администрацией с конца XVIII в. под защитой укрепленных линий на Северном Кавказе начинают активно создаваться поселения гражданских переселенцев, в первую очередь крестьян. «Они шли, – писал Г.Н. Прозрителев, – с крепкой надеждой на свои силы, на свою выносливость в труде, на свое умение взяться за дело и с беспредельной любовью к родине, которой нужны были верные сыны, чтоб удержать за ней ее новые владения и поддержать там ратных людей, своею жизнью и кровью заплативших за эти приобретения» (5, с. 3).

По данным дореволюционных исследователей, переселялись крестьяне в степи Предкавказья из различных губерний Российской империи: Харьковской, Курской, Пензенской, Азовской, Воронежской, Рязанской, Тульской, Калужской, Симбирской, Орловской и др. (5, с. 7). Так, описывая крестьянские поселения Кавказской губернии рубежа XVIII – XIX вв. И. В. Ровинский отмечал, что «все сии селения строением своим весьма похожи на села или Харьковской, или Курской губерний, с той только разницей, что Кавказские еще новы» (8, с. 493–495).

Крестьянское заселение в конце XVIII в. ограничивалось в основном районом между Ставрополем и Моздоком. Здесь переселившиеся крестьяне имели возможность получить довольно значительные душевые наделы земли. Как отмечали краеведы, «при занятии Кавказской линии всякий владел таким числом земель, каким кто хотел» (3, с. 98).

В каждом вновь образуемом селении располагались люди из разных мест и принадлежащие различным социальным категориям, но преимущественно однодворцы – знакомые с военным делом и способные за себя постоять. В преобладании среди переселившихся «служилого элемента» была заинтересована сама кавказская администрация, так как, по словам Г. Н. Прозрителева, «война на Кавказе и его колонизация российским населением шли рука об руку» (6, с. 19).

Кроме поощряемого правительством организованного переселения, происходило и стихийное заселение края беглыми крепостными крестьянами. Свободу и лучшую жизнь беглецы стремились найти там, где российская власть еще не вполне утвердилась, хотя и заметно упрочила свои позиции.

Бежавшие на Кавказ крестьяне на свой страх и риск занимали места под поселение по своему усмотрению, где-нибудь подальше от занятых уже пунктов. Эти поселенцы образовывали небольшие поселки, в официальных документах именуемые «дурноселовками». Очень скоро к ним прибывали другие, такие же беглые, поселок разрастался, и возникало целое село, по словам Г. Н. Прозрителева, «даже с церковным звоном и захожим священником» (6, с. 34). Такие села, без ведома властей, возникали по Царицынскому тракту в Прикумье, в изгибах р. Кумы, в «кутах» – глухих, но привольных местах. «Кутов» таких было много, но сохранилась память только о «Фроловом-Куте» и о «Масловом-Куте».

Примером возникновения одной из «дурноселовок» может служить история основания села Петровского (ныне г. Светлограда), приведенная А. Твалчрелидзе: «Народное предание говорит следующее о возникновении села. Когда-то площадь, занятая теперь селом, сплошь была покрыта большим лесом; вокруг леса жили аулами татары, которым принадлежала и вся земля, находящаяся теперь во владении петровцев. В 1750-х годах сюда пришел, спасаясь от преследования помещика, беглый крепостной крестьянин Петр Бурлак (бурлаками в то время назывались в народе все вообще беглые, бродяги, – *Авт.*) и поселился в лесу. Познакомившись и сведя дружбу с татарами, он стал заниматься с ними воровством, грабежом, а подчас и разбоями. К Бурлаку скоро стали являться его земляки, такие же беглые крестьяне из внутренних губерний России (многие из них с семьями), и вот в глухом лесу явился русский поселок, население которого быстро увеличивалось, с одной стороны, естественным приростом, а с другой – все новыми и новыми пришельцами из других мест. Поселенцы усердно принялись за расчистку площади в лесу, вырубая его самым беспощадным образом. Название свое село получило от основателя его Петра Бурлака» (9, с. 399).

Интересно, что на Кавказе при составлении статистических сведений о количестве переселенцев, беглых крепостных относили к категории «не

помнящих родства». Конечно, среди этой категории действительно могли быть люди, совершившие какие-либо преступления и бежавшие на Кавказ с целью избежать заслуженного наказания. Однако, как отмечал Г. Н. Прозрителев, почти все «не помнящие родства» были беглыми крепостными, «ушедшими в широкие степи Кавказа от помещичьей неволи» (6, с. 32). Дело в том, что в случае задержания беглые крепостные не называли своего действительного происхождения и места жительства, а именовали себя Иванами, не помнящими родства. Выбор имени определялся тем, что именины этого святого по православному календарю праздновались 64 раза в год и, говоря на удачу день своего рождения, беглецы рассчитывали, что на какого-нибудь Ивана да попадут.

Заинтересованное в скорейшем заселении региона российское правительство закрывало глаза на таких беглецов, и, как правило, все они причислялись к казачьему сословию. «Раз ступил на казачью землю, – писал Г. Н. Прозрителев, – такой Иван делался свободным и зачислялся в казаки» (6, с. 32).

Особенностью новых поселений было значительное преобладание мужского населения, по сравнению с женским. В силу достаточно быстрого продвижения российской армии на юг правительство было заинтересовано в «подвижности» населения в регионе, поэтому переселение женщин ограничивалось. Так, по данным Г. Н. Прозрителева, в с. Пелагиаде на 1668 мужчин приходилось только 973 женщины, (т. е. соответственно – 66 и 34 %), в с. Малка на 609 мужчин – 110 женщин (т.е. соответственно – 85 и 15 %) (5, с. 12).

Если к гражданским переселенцам добавить еще военные части при крепостях, то получится значительное доминирование числа мужчин по сравнению с женским населением в новом крае. Это обстоятельство способствовало возникновению крайне неравноценных браков по возрастам между мужчинами и женщинами. Обычным явлением на Северном Кавказе стали браки стариков с молодыми девушками, не достигшими и 16 лет.

К особенностям повседневной жизни первых переселенцев в регионе краеведы относили и отсутствие у них возможности исполнения религиозных обрядов, что, по словам Г. Н. Прозрителева, «только усугубляло тяжелое положение первых переселенцев» (5, с. 13). Дело в том, что правительство и Св. Синод запрещали переселенцам строить православные церкви и иметь своих священнослужителей. Существовали, очевидно, опасения, что население не в силах будет поддерживать церкви и духовенство, а может быть, и опасения за прочность приобретения края. Только в результате усиленного ходатайства Кавказского наместника П. С. Потемкина Св. Синод разрешил возводить храмы, но только в тех селах, в которых мужское население превышало 500 человек (5, с. 13).

Жизнь на новых местах осложнялась целым рядом природно-климатических особенностей региона. Серьезной проблемой переселенцев был недостаток питьевой воды. «Продолжительная засуха, – отмечал Г.Н. Прозрителев, – уничтожила родники с хорошей водой, и приходилось дорожить каждой лужицей, а это отражалось на здоровье и делало жизнь невыносимой» (7, с. 11).

Лес, росший в изобилии во многих местах губернии, не всегда способствовал благоприятному обустройству переселенцев. Как писал Г. Н. Прозрителев, «поселенцы заметили, что заболевания лихорадкой связаны с лесистыми местами. Это убеждение дало основание к истреблению леса, от которого во многих местах не осталось и кустарника. Вырубка шла без всякого порядка и осторожности и носила характер полного истребления. А это в свою очередь повело к уничтожению родников, обнажению песков, образованию оврагов и яров и ухудшению условий для посевов» (7, с. 11–12). Тяжелое положение первых переселенцев усугублялось стихийными бедствиями: засухами, восточными суховеями, пыльными бурями, налетами саранчи и др. Все это вело к неурожаем и голоду.

Нередким явлением среди переселенцев были эпидемические заболевания, усугублявшиеся отсутствием медицинской помощи. На рубеже XVIII – XIX вв. из Большой Кабарды распространилась чума. Хотя поставлены были карантинные пункты, чума проникла и на Ставрополье, где особенно проявилась в 1810 г.

Частым заболеванием переселенцев была лихорадка, от которой особенно страдали поселения, расположенные в низинах при реках, заросших камышами. Примером тяжелого положения переселенцев может служить селение Покойное. По сведениям Г. Н. Прозрителева, благодаря разливам р. Кумы и комарам, тучами нападавшими из камышей, лихорадка сводила в могилу поселенцев и они умирали как мухи. Новые пришельцы находили только одни могилки. Само село стало называться «Покойническое». С течением времени это название преобразовалось в Покойное, и первое мрачное значение этого слова забылось (7, с. 7.).

Трудно было обзаводиться поселенцам хозяйством из-за набегов горцев. «Давно ли, – вспоминал один из современников колонизации, – горцы опустошали вновь населенные станицы по реке Кубани или около Ставрополя? Ныне набеги горцев с целью поджечь эти вновь населенные станицы, угнать у жителей скот и увести в плен жен и детей убитых казаков почти забыты, и невольно думаешь: неужели было время, когда там, где ныне свободно пашет хозяин и безопасно ночует в степи проезжий, нельзя было проехать без охраны и днем? А между тем, действительно было время, когда поселенец не мог и носа показать за черту станицы не вооружившись с ног до головы» (4, с. 26). Как правило, возникающие селения окапывались рвом, ворота с закатом солнца

закрывались, становилась стража, въезд и выезд воспрещались. На поле для работ крестьянин должен был выезжать с ружьем и до заката приезжать в село. На ночлег в поле не оставались.

Но и эти меры не всегда помогали. Зачастую горцы нападали на селения, сжигали дома и сложенные скирды сена и соломы, убивали встречных, брали в плен, угоняли скот. В таких случаях на защиту гражданского населения выступали военные. В целом, отмечал Г. Н. Прозрителев, «вся надежда была на казаков, если они вовремя успеют прискакать с соседнего поста на защиту...» (7, с. 7). Несмотря на предосторожности, в результате набегов со стороны горцев каждое село теряло ежегодно по несколько человек убитых или взятых в плен и десятки голов угнанного скота.

В не менее бедственном положении в работах историков-краеведов предстают и села помещичьих крестьян. Опираясь на данные историка-краеведа И. В. Бентковского, приведем несколько примеров. Так, майор Мазулевский в 1819 г. купил поместье, расположенное близ упраздненного города Александровска и переселил туда из Орловской губернии 150 душ помещичьих крестьян. К 1828 г. из переселившихся крепостных осталось только 19 мужчин и 11 женщин, все остальные умерли. Подпоручик Иван Бердзенидзе переселил в поместье на р. Куре 3 двора крепостных крестьян. В 1822 г. хутор был разграблен и сожжен чеченцами, а все его жители уведены в плен (1, с. 5).

Само по себе переселение крепостных крестьян на Кавказ, по мнению И. В. Ровинского, происходило намного легче, чем переселение государственных крестьян. Дворянин, переселяющий своих людей, по мнению современника колонизации, «осмотря все удобства нового местоположения», доставит всевозможные способы для водворения крестьян и обзаведения хозяйством, так что в одно время пришедшие люди, по хорошему расположению господина, помогают один другому строиться, принимаются за пашни, имея заготовленные заранее семена хлеба. При том обрабатывать и удобрять новые земли удобнее, производить можно все, что придумывает и улучшает помещик, а его людям остается только выполнять распоряжения для благосостояния своего (8, с. 491).

Однако на практике крепостные крестьяне попадали в не менее, а может даже и более тяжелые условия, чем другие категории переселенцев. Наряду с совершенно новыми для них природно-климатическими условиями и разорительными нападениями, их жизнь осложнялась непомерной эксплуатацией со стороны своих хозяев. Сами кавказские помещики были по большей части военными или гражданскими чиновниками, получившими землю за службу. Они, как правило, не жили в новых имениях, а управляли ими через своих управляющих. Те же в свою очередь меньше всего стремились вносить какие-либо агрономические новшества и технические усовершенствования в

хозяйственную деятельность крепостных, а выжимали из них максимальное количество феодальных повинностей.

Таким образом, по единодушному мнению дореволюционных исследователей, массовые крестьянские переселения на Северный Кавказ на рубеже XVIII – XIX вв., при отсутствии даже точной карты Кавказского края и слабости местной администрации, были «делом весьма затруднительным». Колонизация сопровождалась «естественными промахами и ошибками» (З, с. 98), такими как самовольные поселения и захваты земель. В связи с этим, переселенцы в новых краях были в большинстве случаев предоставлены сами себе, и успех предприятия зависел, в частности, от их собственных умений и средств. Тяжелые условия жизни, обусловленные неустроенностью нового края, постоянной военной обстановкой и опасностью подвергнуться разорительным набегам со стороны горцев, вызывали недовольство среди переселенцев. Некоторые из них стремились вернуться на прежние места жительства или уйти в другие районы страны. При этом поражает упорство оставшихся, которые, несмотря на целый ряд вышеперечисленных трудностей, отстаивали свое право жить на понравившейся им земле и переходили к постепенному хозяйственному освоению региона.

Использованная литература и источники

1. Бентковский И.В. Крепостная колонизация в бывшей Кавказской ныне Ставропольской губернии. – Ставрополь, Б.г.
2. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. – М., 1993.
3. Краткий исторический очерк постепенного заселения русскими Северного Кавказа, вообще, и Ставропольской губернии, в частности // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Кн. XIX. – Тифлис, 1897.
4. Мельников А. Нападение горцев на станицу Темнолесскую в 1835 г.: по рассказам очевидцев // Труды СУАК. – Вып. 1. – Ставрополь, 1910.
5. Прозрителев Г.Н. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1912.
6. Прозрителев Г.Н. Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях // Памятная книжка Ставропольской губернии на 1919 г. Ч. 1. – Ставрополь, 1919.
7. Прозрителев Г.Н. Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях. – Ч. 2. – Ставрополь - Кавказский, 1925.
8. Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству: [В т. ч. описание уездного г. Ставрополя с земляною крепостью]. – СПб., 1809.
9. Твалчредидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. – Ставрополь, 1897.

Мешечко Н. В.,
г. Изобильный,
Музей истории Изобильненского района,
младший научный сотрудник

Они расписались на рейхстаге

Весна 1945 года. Война, принесшая человечеству неисчислимые потери и бедствия, приближалась к концу. В течение 23 суток – с 16 апреля по 8 мая 1945 года – войска 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов (командующие Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев) разгромили берлинскую группировку войск противника. Последней ставкой Гитлера, фашистского правительства и командования стал бункер имперской канцелярии, расположенный восточнее Бранденбургских ворот. Взятие этого бункера означало конец войне. Но в сознании советских солдат и всего нашего народа именно рейхстаг представлялся символом окончательной победы. 30 апреля над рейхстагом взвилось Знамя Победы. А 8 мая представители поверженной Германии подписали акт о безоговорочной капитуляции.

Стены рейхстага в те первые майские дни 1945 года с невероятной быстротой превращались в страницы истории. На куполе, фасаде здания, в трещинах, оконных проемах находились красные флаги разных размеров. Все нижние камни на уровне 3-х человеческих ростов были исписаны. Надписи советских воинов превратились в своеобразную летопись Великой Отечественной войны, переключку воинов, прошедших небывалую по напряжению и драматизму войну. Наша Победа явилась приговором германскому фашизму, и каждый участник битвы, как судья, ставил свою подпись под приговором.

Участник Берлинской битвы поэт Евгений Долматовский разыскал многих людей, расписавшихся в мае 1945 года на рейхстаге, и рассказал о них в книге «Автографы Победы». Он поведал, как возникли первые надписи на стенах и колоннах рейхстага. В частях, находившихся вблизи рейхстага и нацеленных на его штурм, готовились флаги и флажки. Флагов, выданных Военным советом третьей ударной армии, было девять. Один из них и был установлен Михаилом Егоровым и Мелитоном Кантария. Были подготовлены флаги и в стрелковых частях, и в артиллерийских бригадах, и у танкистов. На полотнищах некоторых флагов были выписаны номера частей. Их втыкали в расщелины, привязывали к выступам и колоннам. Некоторые знаменосцы писали на материи свои фамилии или номер полка. «Безымянных» флагов было немало. Поэтому бойцы, закрепляя их, штыком или кинжалом рядом на штукатурке выцарапывали свою фамилию или те слова, которые считали необходимыми. Товарищи, находившиеся рядом,

тоже оставляли свои имена. Таким образом, первые надписи на рейхстаге явились дополнением к установленным на здании знаменам.

В книге Е. Долматовского «Автографы Победы» напечатан очерк «Дедушке был 21 год». Он о нашем земляке, жителе города Изобильного Иване Андреевиче Воробьеве.

Воробьев родился 28 августа 1924 года в селе Труновском Ставропольского края. Боевой путь Ивана Андреевича начался с освобождения родного Ставрополя. География сражений, в которых он принимал участие, очень широка. Исходил весь юг России: освобождал Ростов, Таганрог, Одессу, Николаев, Никополь и Кишинев. Под Мелитополем был ранен, два месяца провел в госпитале. В 20 лет фронтовая судьба привела его на дорогу, ведущую к Берлину. В боях под Кюстрином, где наши войска героически держали в окружении вражеский гарнизон, старшина И. А. Воробьев был награжден орденом Красной Звезды. Дальше он шел к Победе, написав на каске, как делали многие солдаты, – «Даешь Берлин!».

По его воспоминаниям, бои в Берлине в последних числах апреля 1945 года были самыми трудными. Тогда ему пришлось заменять выбывшего из строя командира взвода. За участие в этой битве Воробьев был награжден орденом Отечественной войны. Он помнил ожесточенный бой, который продолжался днем и ночью. Стало светать. Вдруг выстрелы стихли, дымная завеса стала рассеиваться. Бойцы вышли из укрытия и увидели на Бранденбургских воротах красный флаг. Иван Воробьев осмотрел Бранденбургские ворота и вместе с соратниками пошел к рейхстагу, где и расписался.

После войны работал сменным мастером на хлебоприемном пункте города Изобильного.

В 1975 году в телестудии Останкино состоялась встреча фронтовиков, расписавшихся на рейхстаге. На этой встрече присутствовали и Долматовский, и Воробьев. Позже Евгением Ароновичем Долматовским был снят документальный фильм «Автографы Победы», для съемок которого приглашали И. Воробьева. В музее истории Изобильненского района хранятся фотографии этой встречи и копия этого фильма. Среди документов Воробьева в фондах музея есть его переписка с Иваном Никитовичем Кудиновым – начальником советского Музея Истории разгрома фашистских войск в Берлинской операции. Еще до выхода в печать книги «Автографы Победы» в газете «Красная звезда» от 21 февраля 1971 г. была опубликована статья Е. Долматовского «Автографы Победы», где было рассказано о боевом пути И. А. Воробьева. Через некоторое время Воробьеву пришло письмо от начальника музея И. Н. Кудинова с просьбой выслать воспоминания, фотографии, документы для пополнения экспозиции мемориального музея в Берлине. Иван Андреевич откликнулся. Из второго

письма Кудинова: *«Уважаемый Иван Андреевич, здравствуйте! Получил Ваше письмо. Благодарим, что откликнулись на просьбу музея. Теперь наш разговор будет предметнее, поскольку нам известно, чем Вы располагаете. Из перечисленного Вами нам наилучшим образом подойдут благодарности Верховного Главнокомандующего за участие в боях на подступах к Берлину и в Берлине и Ваша личная фотография. Причем фотографию мы переснимем, а оригинал вышлем Вам. Благодарности также переснимем. На снимке напишем, что оригинал хранится в музее в Берлине, заверим это печатью и пришлем Вам снимок. Фото и благодарности будут размещены в экспозиции музея...».*

В процессе переписки Иван Андреевич выразил желание вновь побывать в местах, где закончился его боевой путь. На что Кудинов ответил: *«...Я не имею возможности приглашать кого-либо из Союза в Берлин. Но я могу порекомендовать обществу германо-советской дружбы пригласить Вас в Берлин к какой-нибудь юбилейной дате. Я поговорю с немецкими товарищами на сей счет и позже сообщу результат этого разговора...».* Это было последнее письмо из Берлина от 27 мая 1971 года. Только через 14 лет, незадолго до смерти, в 1985 году по туристической путевке Иван Андреевич приехал в Берлин. Об этой поездке он не мог рассказывать без слез, ведь снова, как сорок лет назад – в 1945 году, он побывал там, где осталась роспись 21-летнего парня: «Здесь был И. Воробьев». Умер Иван Андреевич Воробьев 13 апреля 1988 года, после продолжительной болезни. Его дочь Г. И. Гончаренко после смерти отца передала в музей его документы.

В 1945 году на стенах рейхстага в Берлине еще 7 избытокенцев оставили свои автографы: Дмитрий Деревянко, Григорий Бобрышев, Турчаков Алексей, Лидия Демкина, Дмитрий Давыдов, Ковалькова Мария, Тарасов Василий.

Деревянко Дмитрий Иванович родился 31 октября 1924 года в селе Большая Джалга Ипатовского района Ставропольского края в крестьянской семье. Дмитрий пережил нищету, голод 1933 года. Он помнил, как пришли представители власти и забрали все, даже самодельные санки. После этого его отец ночью с семьей ушел в город Георгиевск. Там Дмитрий окончил школу и поступил в техникум механизации сельского хозяйства.

Когда началась Великая Отечественная война, учебу пришлось бросить. В январе 1943 года он был призван в армию. В боях под станицами Свистельниково, Крымская был ранен. После лечения в госпитале был направлен в 117-й запасной полк, а затем – в 328-ю стрелковую дивизию в 77 истребительный противотанковый батальон. В составе этой дивизии Дмитрий Иванович

участвовал в освобождении Северного Кавказа и Украины, форсировал Буг, освобождал Польшу.

В декабре 1943 года воинская часть Деревянко вошла в состав 1-го Белорусского фронта. С боевыми товарищами он форсировал реку Одер, брал Потсдам, Берлин, штурмовал рейхстаг. 9 мая 1945 года, когда ликовавший весь советский народ, он нацарапал на стене рейхстага: «Деревянко Дмитрий Иванович».

Награжден орденом Красной звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями: «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией». Демобилизовался в 1947 году в звании лейтенанта, после чего закончил учебу в техникуме.

В 1955 году Деревянко переехал в поселок Рыздвяный Изобильненского района. Работал заведующим мастерскими Рождественской МТС, с 1960 года – техническим руководителем АТК СГПУ, затем главным инженером АТК СГПУ. Будучи на пенсии, продолжил работу до 1985 г. Награжден медалью «Ветеран труда». Живет в поселке Рыздвяном.

Григорий Николаевич Бобрышев родился 26 декабря 1925 года в станице Новотроицкой. В семилетнем возрасте он лишился родителей и воспитывался в Григорополисском детском доме. Здесь же и окончил школу.

В 1942 году ушел в партизанский отряд, защищавший Ставрополье. После освобождения края попал в действующую армию, став солдатом 77 истребительно-противотанкового батальона. Освобождал Новороссийск и Анапу. В 1943 году под Анапой получил тяжелое ранение. После госпиталя попал связистом в 33-ю Холмско-Берлинскую Краснознаменную ордена Суворова стрелковую дивизию. Освобождали Холм и Новоржев, Эстонию, Латвию, Польшу. С боями прошла эта дивизия по территории Германии, участвовала в штурме Берлина. К вечеру 2 мая, после уничтожения гарнизона Берлина, гвардии старший сержант Григорий Бобрышев оставил свой автограф на стенах рейхстага. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями: «За освобождение Варшавы», «За Победу над Германией», медалью Г. К. Жукова. Демобилизовался в 1950 году, прослужив пять послевоенных лет в Германии.

Вернувшись в родные края, был направлен в культпросветшколу в городе Ростове. Получил специальность методиста клубной работы. С 1954 по 1972 год работал директором Дома культуры станицы Новотроицкой. После работал воспитателем Новотроицкого СПТУ-2. Вел активную военно-патриотическую работу с молодежью. Живет в станице Новотроицкой.

Турчаков Алексей Кузьмич родился 20 марта 1925 года в селе Птичьем. Образование – 4 класса. В семье было восемь детей.

В 1943 году Алексей попал воевать на 1-й Украинский фронт в 12-й мотострелковый Волновахский Краснознаменный ордена А. Суворова и Б. Хмельницкого полк – в роту управления. Был телефонистом. Боевой путь Алексея Кузьмича пролегал через Западную Украину, Польшу, Германию. Форсировал реки Буг, Вислу, Одер, Шпрее. Освобождал Варшаву, брал штурмом Берлин. Закончил войну в чине ефрейтора. После войны еще четыре года служил в Германии, награжден знаком «Отличный связист». Демобилизован в апреле 1949 года. Награжден орденом Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу», медалями: «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией». Имеет 8 благодарностей от Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. В. Сталина. В фондах музея хранятся документы Турчакова.

Послевоенную трудовую жизнь связал с совхозом «Изобильненский». Работал учетчиком. Умер 29 апреля 2006 года.

Головина (Демкина) Лидия Васильевна родилась 19 апреля 1925 года в станице Рождественской. Мечтала стать учителем, поступила в Ставропольский педагогический институт на филологический факультет. Учебу прервала Великая Отечественная война. В 1943 году Лида ушла добровольцем на фронт. Ее зачислили телефонисткой в 12-й железнодорожный эксплуатационный полк. Километр за километром оставались позади. Лида помнит: заняли Гродно, на станции обратили внимание на десяток вагонов. Оказалось, что в них были советские военнопленные. Измученные, голодные; здесь же лежали мертвые. Сколько было радости, когда они увидели своих людей! Затем освобождение Варшавы. 2 мая 1945 г. она уже в Берлине, а 9 мая – долгожданная Победа! На здании рейхстага связистка оставила надпись «Демкина Л. В.». Лидия Васильевна награждена медалями: «За Победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За доблестный труд», орденом «Знак Почета». Демобилизована 27 августа 1945 года.

После войны работала в сельском совете станицы Рождественской Ставропольского края. Умерла в 1983 году.

Краевед из села Московского Вилор Алексеевич Бочарников очень много сделал для увековечивания памяти земляков. Им собран богатейший материал об односельчанах – участниках Великой Отечественной войны. Благодаря его трудам стали известны имена М. К. Ковальковой и В. М. Тарасова, расписавшихся на рейхстаге.

Ковалькова (Шкурина) Мария Кузьминична родилась 26 августа 1920 года в селе Подлужном Ставропольского края. В семье было трое детей, но жили зажиточно и в годы коллективизации их семью «раскулачили», после чего они переехали в Апанасенковский район. Осенью 1942 года, во время оккупации, Шкурины вернулись в село Московское Изобильненского района. 1 июня 1944 года Мария закончила Ставропольский мединститут. Уже 5 июня была направлена в хирургический полевой госпиталь 2027 69-й армии при 1-м Белорусском фронте. Раненых принимали с поля боя, размещали их в лесу в палатках и землянках. Здесь находились и служебные помещения, и операционные, и перевязочные отделения. Солдат, требовавших длительного лечения, отправляли в глубокий тыл на санитарных летучках – так тогда называли санитарные поезда.

Особенно тяжелые воспоминания Марии Кузьминичны связаны с последними днями войны. В начале апреля 1945 года их госпиталь находился в немецком городе Штарнберг. В конце работы, около 5 часов вечера, неожиданно над госпиталем пронесся немецкий самолет и начал бомбить советский эшелон с пополнением для фронта. Бойцы и офицеры не успели выбежать из вагонов, поэтому было очень много убитых и раненых. Личный состав госпиталя делал все возможное для спасения жизни солдат. Мария Кузьминична стала донором крови для солдата, которому оторвало обе руки. В День Победы – 9 мая 1945 года Мария Кузьминична дежурила в госпитале. Она оставила свой автограф на стене рейхстага. Была она небольшого роста, и солдаты подняли ее на руках повыше, так как внизу все стены были уже исписаны.

Закончила свою военную карьеру в декабре 1946 года в звании старшего лейтенанта медицинской службы. Награждена орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени, медалями – «За Победу над Германией», «Ветеран труда». Работала педиатром в больнице села Московского. Была очень спокойной, трудолюбивой и ответственной. Умерла в 1996 году.

Тарасов Василий Михайлович родился в селе Московском 1 января 1914 года. Образование получил в ликбесе, когда уже был допризывником. Работал трактористом в колхозе имени Кирова. Осенью 1936 года призван в РККА в 9-й Кавалерийский полк в город Изъяслав. Через год перевели в Забайкальский Военный округ в 1448 танковый полк башенным стрелком на БТ-7. Во время событий у озера Хасан и на реке Халхин-Гол полк придвинули к границе, но в боях не участвовали. Демобилизован в декабре 1938 года. После непродолжительного пребывания в селе Московском Василий устроился в военизированную охрану на станции Кавказская. В 1939 году его направили в

город Тернополь охранять железную дорогу. Там и застала Великая Отечественная война.

По направлению попал в 15-й танковый учебный полк в город Владимир. После окончания направили в 19-ю танковую бригаду механиком-водителем. Воевал на Курском направлении во время отступления в 1942 году. Был ранен осколками в живот и в лоб. После выздоровления был направлен на Волховский фронт под Пулковские высоты. Василия Михайловича назначили командиром отделения автороты. Во время прорыва блокады ездили через Ладогу по Дороге жизни. В феврале 1945 года переведен на 1-й Украинский фронт. Участвовал в сражении за Берлин. 2 мая подъехали к рейхстагу. Зашли – на стенах надписи. Василий Тарасов подобрал уголек и расписался. После окончания войны был направлен на Дальний Восток. Демобилизовался 16 февраля 1946 года. Вернулся в село Московское. До пенсии работал трактористом. Умер в 1996 году.

Один из основателей нашего музея – Алексей Андреевич Синклинер, вел большую исследовательскую работу по теме «Великая Отечественная война». Его работы публиковались в сборниках, «Военно-историческом журнале», в краевых и районной газетах. Он автор ряда монографий. В статье А. А. Синклинера «Доблесть разведчика» описан боевой путь офицера разведки Д. В. Давыдова, жителя города Изобильного, расписавшегося на рейхстаге.

Давыдов Дмитрий Васильевич свой боевой путь начал под Нарофоминском, в войсках, которые осенью 1941 года сдерживали натиск гитлеровцев, рвавшихся к Москве. В марте 1942 года офицер Давыдов стал помощником начальника разведки танкового корпуса, который вел бои под Ржевом. Потом были бои в Смоленской области, под Курском. На Курской дуге Дмитрий был ранен, но остался в строю. После разгрома врага на огненной дуге Д. И. Давыдов стал начальником разведки танкового корпуса. Осенью 1943 года участвовал в освобождении Украины, форсировании Днепра. В начале 1944 года корпус был переброшен в Прибалтику. Дмитрий Васильевич участвовал в освобождении Риги, громил врагов в Восточной Пруссии. Разведбатальон во главе с Давыдовым первым вышел к Балтийскому морю. Потом в составе фронта под командованием Маршала Рокоссовского танкисты освобождали Польшу, участвовали в Берлинской операции. Среди многочисленных автографов Победы на рейхстаге была и фамилия Давыдова.

В 70-х годах переехал в город Изобильный.

В течение десяти лет после штурма задымленное, иссеченное осколками, исписанное именами победителей, здание рейхстага возвышалось на окраине Западного Берлина как мрачный памятник. Эта каменная руина оставалась

неприкосновенной, окруженная пружинистой проволочной спиралью. В 1955 году 25 октября в Бонне (ФРГ) было принято решение о восстановлении здания рейхстага и выделено 100 миллионов марок на капитальный ремонт. При всей незаконности этих действий решение бундестага медленно претворялось в жизнь. Первым актом ремонта рейхстага стало уничтожение всех надписей советских воинов, сделанных в 1945 году. Этот поступок особенно больно отозвался в сердце тех, кто участвовал в штурме Берлина. С большим трудом, путем долгих переговоров удалось сохранить несколько плит с росписями. В ноябре 1963 года четыре тяжелых ящика с драгоценными реликвиями были доставлены в Москву. Теперь эти плиты находятся в Музее Вооруженных Сил, одна из них экспонируется в музее Революции. Победителям досталась лишь малая частица своих исторических автографов. Надписи советских воинов стерты с камней рейхстага, но их невозможно стереть из памяти людей и со страниц истории.

Использованная литература и источники

1. Бабанский В. «Он расписался на рейхстаге», газета «Заря коммунизма» от 12.11. 1984 г.
2. Бочарников В.А. «Война глазами фронтовиков», Часть 1, с. Московское, 2003 г.
3. Бочарников В.А. «Рассказы ветеранов. С – Я», с. Московское, 1994 г.
4. Гончаренко Г.И. «Он так любил этот праздник», газета «Наше время», 16.04.2005 г.
5. ГУК «Музей истории Изобильненского района», город Изобильный, ф. 4 ед.хр. 5.
6. ГУК «Музей истории Изобильненского района», город Изобильный, ф. 4 ед.хр. 10.
7. ГУК «Музей истории Изобильненского района», город Изобильный, ф. 11 ед.хр. 30
8. Долматовский Е.А. «Автографы Победы», М., 1972 г.
9. Синклинер А.А. «Доблесть разведчика», газета «Заря коммунизма», 1982 г.
10. Воспоминания: Г.И.Гончаренко, Т.В. Головиной, А.А. Турчакова, ветеранов Великой Отечественной войны – Г.Н. Бобрышева, Д.Н. Деревянко, Р.А. Власович.

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Лубова С. Ф.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
аспирант кафедры культурологии и библиотековедения

К вопросу о психологической основе культурных контактов населения Центрального Предкавказья в эпоху раннего средневековья

Использование методов исторической психологии для изучения Северного Кавказа в период древности и средневековья является особенно важным, так как на этой небольшой территории проживало, как и в настоящий момент, большое количество народов, для каждого из которых характерны свои обычаи, лингвистическое и костюмное своеобразие.

Рассматривая особенности развития языка и письменности, распространения вероисповеданий, формирования моды на территории Центрального Предкавказья в эпоху раннего средневековья, которые имели свои отличительные черты в силу влияния экономического и культурного пространства Великого шелкового пути (ВШП) и других транспортных магистралей, возникает необходимость обращения к таким явлениям, как эмоции, чувства, когнитивные модели и ментальные структуры, сознательная или неосознанная мотивация поступков, особенности их восприятия современниками и потомками (1).

Ряд раннесредневековых городов исследуемого периода сформировались на перекрестке важнейших торговых магистралей того времени. Поэтому в Центральном Предкавказье – древнейшей контактной территории – в различные периоды, в том числе и в эпоху раннего средневековья, развитие языка, использование письменности, распространение вероисповеданий и моды происходило под психологическим и культурным влиянием различных этнических анклавов. Данное явление обусловлено следующими причинами:

1) деятельность некоторых авторитетных личностей (титулованных особ, представителей культурной и общественной элиты) (2). Так, отдельные престижные кланы в период раннего средневековья играли особую роль в формировании моды. Возвышение и падение этих правящих кланов, их политическая история должны были влиять на развитие и распространение моды среди их сторонников (3);

2) развитие международной торговли, коммерческие интересы (4). Район Центрального Предкавказья находился на пересечении торговых путей, исконно связывающих места прямых и тесных контактов Византийской империи, стран Востока с населением Кавказа. Греческие торговцы, двигаясь на восток, предпочитали проходить через области «нейтральных», а впоследствии

провизантийских западнокавказских племен. Последние, видимо, получали определенную мзду (шелк, бусы и др.) «за проезд через перевал». Впоследствии представители государств Востока также предпочитали эти торговые магистрали, либо выбирали более восточные направления, поскольку поддерживались союзными племенными группировками Восточного Предкавказья (их территории являлись приграничными);

3) внешнеполитические отношения, императорские подарки. Византия и Иран в VI–VIII вв. вели дипломатическую игру, в ходе которой широко практиковались богатые подарки и титулы вождям северных племен, щедрые денежные раздачи и т. д. (5);

4) географический фактор. Население Северного Кавказа, в силу своего геополитического положения – близкого расположения степной части Евразии, находилось длительное время в непосредственной контактной зоне с кочевыми племенами. Поэтому местное население воспринимало достаточно много элементов культурных традиций, языка и костюма кочевников – скифов, сарматов, алан, различных тюркских народов;

5) новые идеологические течения (4) (появление греческих и др. миссионеров, принятие христианства и др.) и, как следствие, новые религиозные взгляды. Христиане, мусульмане и буддисты открыто демонстрируют свои религиозные взгляды посредством одежды (6);

6) необходимость сохранения культурных особенностей народа на локально-ограниченной территории вынуждала местное население использовать в качестве отличительных признаков культурные составляющие (язык, костюм и т. д.). Таким образом, костюм на Северном Кавказе является этномаркерующим фактором. Удобство ношения – не менее важное условие того, чтобы та или иная одежда вошла в разряд модных тенденций;

7) завоевание земель и перемещение кочевников (сезонные перекочевки, военные походы). Появление представителей кочевых этносов в Предкавказье сопровождалось не только военными, но и костюмными столкновениями. Исходя из практических и эстетических соображений местное население впитывало элементы и бытовой моды кочевников. В ряде случаев в военных походах кочевников принимали участие представители горского населения, в случае успеха привозящие не только добычу, но и осмысленные представления о веяниях военной, строительной, сельскохозяйственной, костюмной и др. моды. Здесь же следует отметить и маргинальные взаимоотношения, в частности – грабежи. Караваны, проходящие через перевалы Предкавказья, часто подвергались нападениям со стороны местных племен;

8) межплеменные браки. Вещи среднеазиатского, китайского, закавказского производства могли оседать в памятниках Северного Кавказа в качестве

подарков, калыма, приданного (7);

9) социальные или экономические движения (ремесленники в чужих странах) (8). Крестообразные церкви Алании выстроены в восточно-византийском стиле, что предполагает участие в их создании византийских или абхазских мастеров.

В связи с прохождением торговых магистралей, конфессиональным влиянием со стороны Византии, Ирана, Халифата, а также политическим присутствием Хазарского каганата на территории Центрального Предкавказья можно встретить ряд пунктов, где обнаружены надписи иностранного происхождения. Например, на стенах восточной половины храма (в апсиде) Сентинского храма (в ущелье р. Теберда) открыты три группы греческих надписей. Из них наиболее древняя датируется 965 г. – «+Освящен, обновлен храм пресвятой Богородицы в царствование Никифора, императора в августе (?)... и Давида, эксусиократора Алании, и Марии эвкусиократориссы 2 апреля, в день святой антипасхи (?), рукою Феодора, митрополита освященного Алании, от сотворения мира в 6473 г. Написано рукою имярек, апокрисария патрикия» (9).

Нижне-Архызское городище, Хумаринское городище, Змейский могильник, район современных КМВ являются памятниками, на примере которых можно проследить пересечение образцов письменности греческого, иранского, арабского, тюркского и др. происхождения. Например, в Нижне-Архызском городище обнаружены надписи греческого, арабского, тюркского происхождения (10); в Змейском могильнике – куфическая и рунические надписи (11); в районе Кавказских Минеральных Вод – греческая (Рим-гора) и арабская (г. Бештау) надписи (12) и др.

Как отмечалось выше, в данном регионе обнаружены аланские и тюркские надписи на греческом языке, а также китайские надписи. Например, «древнеосетинская Зеленчукская надпись» X–XII вв. написана греческими буквами на алано-осетинском языке (13). Приходно-расходные записи китайского купца, обнаруженные в Мощевой Балке, говорят о том, что в его сознании была сформирована та меновая канва, которая позволяла перевести стоимость местных товаров в удобные для него «вэни». Данная находка дает возможность предположить, что торговец знал местный диалект или пользовался услугами переводчика, что свидетельствует о попытках создания своеобразного прообраза «биллингва франка». Впоследствии в данном регионе такую роль играл греческий язык. В условиях взаимовыгодной торговли местное население и иностранные купцы стремились создать для обмена удобные условия, в том числе лингвистические.

Как отмечалось выше, в данном регионе обнаружены аланские и тюркские надписи на греческом языке, а также китайская надпись (находка в Мощевой

Балке комплекса китайских предметов, среди которых находился фрагмент розовой бумаги со скорописью «...4-й месяц, 14-й день... 2000 взней получено..., купил мяса на 4 взня...»). Лингвистические столкновения являлись причиной поиска наиболее удобной контактной формы. Например, «древнеосетинская Зеленчукская надпись» X–XII вв. написана греческими буквами на алано-осетинском языке (13). Надпись впервые была дешифрована В. Ф. Миллером, пришедшим к выводу: «Перед нами древняя осетинская надпись, представляющая попытку выразить греческими буквами осетинские слова» (14)¹.

Изменения на идеологическом уровне, во многом благодаря деятельности греческих миссионеров, повлекли за собой преобразования в духовной, культурной, политической жизни местного населения. Устойчивое на протяжении нескольких веков функционирование ВШП через Западную Аланию и политика протекционизма со стороны аланских правителей способствовали не только ускоренному развитию, но и проникновению в верховья Кубани, начиная с VII в., христианской религии (15).

Влияние византийского искусства прослеживается в культовых памятниках Центрального Предкавказья: Зеленчукские храмы, Сентинский храм, храм Шоана. Данные монументальные сооружения выстроены в стиле «чистого креста», план которого соответствует принципам восточной школы византийской архитектуры. Между архитектурой Малой Азии и Кавказа, находившихся в постоянных оживленных торговых сношениях друг с другом, происходил взаимный обмен архитектурным опытом на разных этапах исторического развития. С организацией епархиального центра, строительством кафедрального собора и началом массового крещения в Нижнем Архызе началось быстрое оживление, концентрация населения и строительство городских кварталов (16).

В связи с распространением определенного вероисповедания, того или иного внешнеполитического влияния и, как следствие, в связи с переменами во взглядах и поведении населения Центрального Предкавказья в эпоху раннего средневековья наблюдается ряд изменений в приоритетных видах одежды.

«По одежде встречают, по уму провожают», – в этом выражении очень тонко подмечена роль, которую играет одежда в социальной презентации человека. Она выступает как средство общения, как инструмент воздействия на поведение и отношение к ее обладателю других людей.

Костюм – это образно решенный ансамбль, в центре внимания которого – человек. Костюм – это Я – концепция, которую носят на себе. С помощью одежды можно достичь психологической самокоррекции (17). Феномен моды, известный во все исторические эпохи, открывает в костюме широкие возможности для

¹ Существует и иная интерпретация надписи. В частности, существует ее перевод с тюркского – см. Кудавев М. Зеленчукская надпись // Коммунизм Джал, 1965, 14 февраля (на балкарском яз.).

выражения индивидуальности человека, позволяющие корректировать свой внешний вид, демонстрировать или скрывать определенные черты характера (18).

Почему люди следуют моде? Мода играет важную роль в тех случаях, когда индивид испытывает потребность «скрыть» свое Я (19). На Северном Кавказе ношение национального костюма имело, в том числе, защитную функцию, так как за костюмом данной нации стоял весь этот народ (семья, родственники и др.).

Мода – интернациональное явление (20). Процессы развития интернациональной моды позднего средневековья, а именно: осознанное стремление представителей высших сословий подчеркнуть свое расположение к автору новшества, признание его вкуса и, как следствие, желание вызвать его расположение к себе, стремлением показать свою принадлежность к знатному сословию, – напоминают процессы формирования международной моды в эпоху Великого переселения народов (21), что проявляется в феномене женской интернациональной моды. Престижные женские моды интернационального характера распространялись в первую очередь среди аристократии. В этом стратуме мода позволяла подчеркнуть особое положение ее носителей, их политическую и культурную ориентацию (отсюда феномен «византийской» или «сасанидской» моды), их связи с престижными кланами и правящими фамилиями Европы и Азии. Очень скоро «княжеская» мода начинает копироваться и другими слоями населения, которые подражают своей социальной верхушке (22).

Таким образом, в силу особого географического положения, внешних связей городов Центрального Предкавказья с народами, входившими в политические, торговые, военные, культурные отношения с жителями данного региона через посредство транзитных международных путей (23), среди местного населения в эпоху раннего средневековья появлялись те или иные признаки «иностранных» языка, письменности, религии, одежды и др. Данные изменения поддерживались представителями исследуемого региона по следующим причинам:

- психологическое воздействие через убеждение в принятии тех или иных решений, которое отражало политические взаимодействия;
- стремление приобщиться к культуре великих, а значит, престижных, цивилизаций;
- элементарное удобство новых образцов одежды и др.

Использованная литература и источники

1. Минц С.С. О междисциплинарности историко-психологического исследования: Материалы первого междисциплинарного рабочего семинара по исторической психологии. Краснодар, Кубан. гос. ун-т; МНЦИПИ, 2002, с. 11.
2. Килошенко М.И. Психология моды. – М., Издательство Оникс, 2006, с. 21.
3. Мастыкова А.В. «Княжеская» мода эпохи великого переселения народов и северокавказский женский костюм // РА, 2008, №3, с. 32.

4. Килошенко М.И. Указ. соч., с. 29.
5. Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999, с. 15, 93, 111.
6. Килошенко М.И. Указ. соч., с. 39.
7. Прокопенко Ю.А. Указ. соч., с. 80.
8. French D.H. Mucenacans in the Black Sea? // *Thrasia Pontica: Premier, Sump. enter. Resumes/ Sozohol*, 1979, p.7, sq.
9. Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Фресковые и эпиграфические находки в Сентинском храме // *РА*, 2004, № 3, с. 175–176.
10. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. / В.А. Кузнецов – Пятигорск: Издательство «СНЕГ», 2007, с. 68; Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. М., 1966, с. 60; Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983, с. 83; Демаков А.А., Орфинская О.В. Скальное погребение IX в. из Нижне-Архызского городища // III Минаевские чтения. Материалы научной конференции. Ставрополь, 1999, с. 75.
11. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ «ИР», 1992, с. 266; Кузнецов В.А. Христианство..., 2007, с. 47.
12. Эпиграфические памятники..., с. 23.
13. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ: Ир, 2002, с. 58, 59.
14. Биджиев Х.Х. Указ. соч., с. 117.
15. Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993, с. 68.
16. Кузнецов В.А. Христианство..., 2007, с. 79, 85, 108.
17. Шепель В. Магия личного обаяния // *Воспитание школьников*, 2007, № 4, с. 47.
18. Мастыкова А.В. Указ. соч., с. 27.
19. Килошенко М.И. Психология моды: теоретический и прикладной аспекты. – СПб.: СПГУТ, 2001, с. 111.
20. Килошенко М.И. Указ. соч., с. 39.
21. Мастыкова А.В. Указ. соч., с. 32.
22. Мастыкова А.В. Средиземноморский женский костюм с фибулами-брошами на Северном Кавказе в V–VI вв. // *РА*, 2005, №1, с. 22.
23. Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Изд-во «ИР». Орджоникидзе, 1971, с. 196.

Ляшенко В.С.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
аспиранты кафедры истории России

Образ жизни городского коммерческого населения Ставропольской губернии начала XX века

Меняющаяся социальная жизнь городов России эпохи модернизации начала XX века приносила изменения и в их экономическую структуру. Города Ставрополья не были исключением. В губернском Ставрополе и заштатном городе Святого Креста изменения в экономической жизни, прежде всего, проявлялись в эволюции хозяйственных отношений и изменении повседневной жизни горожан. Проникающие на Ставрополье изменения были характерны для российской провинции начала XX века и отражали сложный процесс, радикально изменяя не только социальный состав городского населения, но и хозяйственные отношения и повседневность этого локального микросообщества.

В начале XX века на Ставрополье появляются новые предприятия, занятые в перерабатывающей промышленности. В связи с этим возросла торговая деятельность коммерческого населения городов. Экспорт составляли продукты сельского хозяйства, прежде всего зерно и пшеничная мука. Ставрополь становился средоточием крупной оптовой торговли пшеницей и продуктами животноводства. Зажиточные купеческие семейства, такие, как Мяснянкины, Волобуевы, Алафузовы, Ивановы, наращивали капитал с выгодных операций купли-продажи сельскохозяйственных продуктов. Выгодные обороты в хлебной торговле осуществляли купцы К. Анпетков и А. Унаков, которым принадлежали крупная паровая мельница и маслобойный завод. Хлебные перевозки на ставропольской железнодорожной ветке росли с каждым годом. Дело в том, что производство товарного хлеба было сосредоточено в крупных зажиточных крестьянских хозяйствах, хлебной торговлей почти целиком заправляли различного рода посредники, ростовщики-спекулянты, получавшие огромные барыши за оказание своих услуг.

В последней четверти XIX века городское хозяйство города Святого Креста развивалось достаточно быстрыми темпами, укреплялась купеческая прослойка, появлялись первые сравнительно крупные предприятия. Быстрому росту города способствовало введение в нем в 1896 году нового Городового положения 1892 года. Увеличение городского населения способствовало развитию торговых и промышленных заведений. В 1907 году функционировало до 50 торговых заведений, пивоваренных, маслобойных, черепичный и 3 кирпичных завода. Еженедельные базары и ярмарки, как отмечалось на заседании Ставропольского

губернского правления 6 июня 1907 года, являлись удобными рынками сбыта сельскохозяйственной продукции.

Достаточно бурное экономическое развитие позволило новому предприимчивому, мобильному городскому человеку, отличавшемуся особым складом ума и психики, искать новые источники дохода и обогащения. Таким источником дохода для многих становилась торговая деятельность.

Говоря о российском городе начала XX века, следует отметить, что сложившиеся веками сословная замкнутость и корпорационные взаимоотношения под влиянием экономических и социальных реформ размываются. Главным связующим звеном в отношениях людей становятся их личные и профессиональные интересы. При этом горожанин мог играть различные социальные роли и отстаивать свои интересы: семейные, соседские, профессиональные, административные и другие.

Одной из таких социальных и хозяйственных ролей, исполняемых одним человеком, и была коммерческая деятельность. На протяжении XVIII–XIX вв. она являлась привилегией купеческого сословия. Процессы социальной мобильности, усилившиеся в начале XX века, способствовали не только разрушению сословной системы, но и потере некоторых сословных привилегий. Так, коммерция становится средством существования широких городских масс, это в полной мере относится и к Ставрополю.

Лингвистический анализ Отчета Ставропольского коммерческого клуба позволяет говорить о том, что в социальной жизни провинциального Ставрополя намечались тенденции разрушения корпоративности, поскольку коммерческая деятельность перестала быть привилегией лишь купеческого сословия. Жители Ставрополя, занимающиеся коммерцией, определяли себя как «группу обывателей Ставрополя, принадлежащую к сословию коммерсантов, служащих в торговых учреждениях города, чиновников...». Коммерческая деятельность постепенно становится доступной не только купечеству, но зажиточному мещанству, имевшему капитал и возможности его выгодного вложения.

Если купечество занималось крупной оптовой торговлей, содержанием гостиниц, то зажиточное мещанство, занимаясь бакалейной торговлей, открывало в черте города небольшие магазины. Содержание торговых заведений требовало затрат не только личного времени и сил предпринимателей, но и значительного капитала. Поэтому значительным в коммерческом населении Ставрополя оставалось купечество, обладая стабильными денежными инвестициями.

Образ жизни коммерческой элиты Ставрополя определялся совокупностью различных видов деятельности, к ним принадлежали оптовая и магазинная торговля, инвестиции в недвижимость в городе и в земельные владения за его пределами, участие в органах местного самоуправления.

Выгодной и в то же время наиболее рискованной, являлась оптовая торговля зерном, сельскохозяйственными машинами, строительными материалами. Например, скупка зерна в уездах губернии, затем его оптовая продажа в соседних губерниях, стала мобильнее с проведением в 1897 г. Владикавказской железной дороги и строительством станции Ставрополь. Торговые операции становятся более мобильными и менее затратными. Для того чтобы ускорить процесс товарооборота, владельцы хлебных амбаров на Ярмарочной площади Ставрополя в 1903 году ходатайствовали о предоставлении в их временное пользование городской земли для строительства рельсового пути от станции «Ставрополь» к их амбарам. Оценивая выгоду этой сделки как для города, так и для предпринимателей, городские власти одобрили это прошение.

Коммерсанты, разбогатевшие на оптовой торговле, открывали магазины изысканной мебели, дорогой посуды и других предметов роскоши. Меняющийся стиль жизни городского человека под воздействием западноевропейской моды вносил свои коррективы и в торговую деятельность. В это время возрастает спрос со стороны городского населения на готовую мужскую, женскую и детскую одежду, обувь, галантерею. Интересно, что немалым спросом пользовалась и одежда для прогулок и путешествий, носившая название «вояжные вещи».

Купцы, занимавшиеся торговлей промышленными товарами, чтобы расширить свою торговую деятельность в других регионах юга страны, ввести в оборот более крупные суммы и не разориться, организовывали товарищества. Такой вид торговли требовал опыта, прочных и надежных связей не только с отечественными, но и с зарубежными поставщиками. Так, одним из крупных было товарищество «М. Блок и С. Кипман», куда входили предприниматели Ростова, Ставрополя, Екатеринодара и Мариуполя. Это товарищество поставляло на рынок английские и американские велосипеды, керосиновые двигатели, осветительные аппараты, копировальные прессы, швейные и вышивальные машины всех систем; несгораемые кассы, сундуки и шкатулки.

Анализ архивных документов дает основание полагать, что купечество и часть зажиточного мещанства, имея в своем распоряжении крупные земельные наделы в черте города, обогащались также на сдаче земли в аренду мелким городским арендаторам.

Предпринимательская деятельность, несомненно, способствовала процветанию и обогащению ставропольских коммерсантов. Конечно, чтобы сколотить состояние, нужно было быть расчетливым человеком. Купеческая расчетливость в обыденном понимании расценивалась как жадность. Анализ документов показывает, что, давая деньги в долг, купцы рассчитывали получить их с процентами. Крестьянин Александровского уезда жаловался: «Заморили нас

купцы долгом: как задолжаешь, так и не вылезешь, и хлеб, и деньги оставишь у купцов».

Мелкая торговля являлась средством выживания мелких ремесленников, которые претендовали на права торговли на воскресных и праздничных городских базарах. Конкуренция среди мелких торговцев была нешуточной. Наиболее эффективным способом привлечения покупателей в торговую палатку являлась реклама. Реклама печаталась на страницах периодических изданий и в ежегодных торгово-промышленных книгах. Однако далеко не все предприниматели довольствовались лишь этим. Например, торговцы Ставрополя И. Маневич, Т. Першин, Т. Чичурина, В. Лузанов, Л. Фундатор, И. Абалин, И. Неклеушев, Т. Ункович и другие обращались в городскую управу с просьбой о разрешении им установить необычный для того времени вид наружной рекламы. Они предлагали установить вывески, «прикрепляя один конец их к дому, а другой к столбу». Финансовая комиссия не одобрила этой идеи, посчитав, что установка подобных вывесок нарушала бы «благообразие» городских улиц. Кроме того, члены финансовой комиссии, отмечая природно-климатические условия Ставрополя, в особенности частые ветра, не могли разрешить такого вида рекламы, так как вывески являлись весьма опасными для прохожих.

Несомненно, идя на риск, человек, занимающийся коммерцией, преследовал главную цель – обогащение, накопление капитала, которые требуют от человека концентрации и напряжения. Как же коммерсанты проводили свой досуг и на что тратили часть капитала? Популярным местом отдыха ставропольских предпринимателей с 1903 года становится Ставропольский коммерческий клуб. Анализ смет на расходы и содержание клуба позволяет говорить об его ориентированности лишь на мужчин и их развлечения. В клубе, как правило, играли в карточные игры, бильярд и распивались крепкие спиртные напитки.

Сургучев так описывал коммерческий клуб: «В глубине сада виднелось здание клуба с разноцветной, изнутри освещенной розеткой над входом, с широкой, идущей кругом террасой, на которой были расставлены еще не занятые зеленые столы со спускающимися к ним с потолка колпаками... Эстрада в форме раковины; музыканты в черных сюртуках... публика старается занять передние места».

Со временем клуб стал пользоваться особой популярностью среди купеческого населения, славившегося большими семьями. Члены клуба ежегодно устраивали семейные танцевальные вечера, детские праздники, «чтобы дать семьям развлечения». Досуг становился все более похожим на европейский – это проведение свободного времени в кругу семьи и друзей за пределами своего дома. Без внимания не оставались и дети простых городских обывателей, для которых была устроена игровая площадка. По мнению автора отчета, «эта полезная

новинка» имела «воспитательное значение». Правление клуба занималось и благотворительностью. Проводились благотворительные вечера, маскарады.

Многие из представителей коммерческого населения занимались меценатством. Например, купеческий род Меснянкиных, имевший к началу XX века в селе Медвеженском сыроваренный завод и маслозавод, на Тереке – рыбозавод, на Куме – виноградники, пожертвовал огромные деньги русской православной церкви на благоустройство церквей и монастырей.

Некоторые купцы занимались благотворительностью в сфере образования. Так, купец Василий Маркович Алафузов, «желая увековечить память умершей дочери Верочки», обратился с просьбой к Ставропольскому градоначальнику учредить в 3-ей городской женской гимназии стипендии. На имя воспитанницы, наиболее нуждающейся, с примерным поведением, учебными успехами в одном из кредитных учреждений города открывался накопительный счет на сумму 1.300 рублей, с пятипроцентной ставкой. Ежегодный прирост процентной ставки шел на оплату обучения. Счет воспитаннице можно было вручить лишь по окончании гимназии.

Таким образом, постепенный отрыв городского населения от земледелия и приобщение его к торговой и промышленной деятельности способствовали формированию особого городского быта, отличавшегося мобильностью, предприимчивостью и особенно индивидуализмом. Коммерческое население – это микросообщество, определяющим для которого является не столько сословные, корпоративные связи, сколько профессиональная деятельность и личные интересы. Предприимчивость, осторожность, активность, мобильность, умение ориентироваться в сложной профессиональной ситуации и находить наиболее продуктивное решение, идти на риск – это те качества, которые характеризуют человека, занимавшегося коммерческой деятельностью, и данное микросообщество в целом.

Использованная литература и источники

1. Очерки истории Ставропольского края. В 2-х томах. Т.1. С древнейших времен до 1917 года. Ставрополь, 1986.
2. Акопян В.З., Лебедев А.Ю., Ованесов Б.Т. Святой Крест. Исторический очерк. Ставрополь, 1999.
3. Отчет Ставропольского коммерческого клуба за 1906–1907г. Ставрополь, б/г.
4. ГАСК. Ф. 95.
5. ГАСК. Ф. 95. Оп.1. Д. 8693. Л. 339.
6. Адрес-календарь и торгово-промышленная справочная книга «Ставропольская губерния». Ставрополь, 1904. С. 12.
7. ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 1894. Л. 5.
8. ГАСК. Ф. 95. Оп.1. Д. 8693. Л. 464.
9. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 8701. Л. 113.
10. Отчет Ставропольского коммерческого клуба за 1906–1907 г. Ставрополь, б/г.
11. Сургучев И. Губернатор. Ставрополь, 1983.

К вопросу о топонимах «Святой крест» и «Ставрополь»

В своей работе «К 125-летию губ. г. Ставрополя н/К», опубликованной в 1910 г., Г. Н. Прозрителев написал, что название «Ставрополь» происходит от находки на этом месте древнего каменного креста, оставленного первыми христианами (1, с. 4–5). Эту версию он, вероятнее всего, заимствовал у первого историка Ставрополя И. В. Бентковского, который писал об этом в середине 19 в. Тогда еще были живы старожилы, помнившие основание города и донесшие до историка предание о находке на месте Ставропольской крепости каменного креста, что послужило основанием того, что «крепость, означенная прежде просто под № 8, переименована в Ставрополь» (2, с. 473–474). Позднее за этот вывод Г. Н. Прозрителев подвергался обоснованной критике со стороны таких исследователей, как В. Г. Гниловской (3, с. 180–181), П. А. Шацкий и В. Н. Муравьев (4, с. 14).

Наряду с этой версией, существовала и другая, которая связывала название Ставрополя с Учинской косой в Аграханском заливе и существовавшей здесь крепостью Святой Крест, заложенной Петром I в 1722 г., во время Каспийского похода. Эта версия воспроизводится в известных трудах Ровинского (1804 г.) и Дебу (1829 г.). Ссылаясь на этих авторов, и В. Г. Гниловской увязывает происхождение названия Ставрополь с крепостью, заложенной Петром I в устье р. Сулак. По этому поводу он пишет следующее: «Петровская крепость Ставрополь в 1736 году была срыта, гарнизон ее переведен в Кизляр, а ее имя, можно полагать, было перенесено на крепость, построенную в 1737 г. на Волге... и в дальнейшем на крепость № 8 Азово-Моздокской линии, возникшую в 1777 г.» (5, с. 180).

Впервые топоним «Ставрополь» на Северном Кавказе встречается у непосредственного участника Персидского похода И. Г. Гербера в его труде «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и р. Курой народах...», опубликованном в 1736 г. Ссылаясь на этот труд, С. М. Броневский в своей работе, вышедшей в 1823 г., так описывает местность, где стояла крепость Святой крест: «Гербер разделяет владение Аксаевское на земли *Аксаи* и *Ставрополь*. Сия последняя заключала в себе часть Андреевского округа с небольшим участком Шамхальского Владения, до самих

устьев реки Койсы. Хотя сие разделение вышло из употребления, но земля Ставрополь, на коей построена была императором Петром Великим крепость Св. Креста на рукаве Койсы, называемом Сулак, достойна примечания тем, что само название означает древнее поселение там Греков. Учинская коса, при устье сей реки лежащая, называется и доселе от тамошних жителей *Уч*, что значит крест, равно как и на греческом языке *Ставрополь* значит *Крестовый град*. Крепость сия упразднена по заключении в 1735 году Шахом Персидским Аббасом III при Ганже мирного союзного трактата, и гарнизон из онаго переведен в Кизляр» (6, с. 37).

Невнимательное использование трудов исследователей XVIII–XIX вв. привело к тому, что более поздние авторы стали возводить название Ставропольской крепости, заложенной в 1777 г., к крепости Св. Крест, называя ее при этом Старополем (7, с. 15; 8, с. 22–23). На самом же деле речь идет о том, что под именем «Ставрополь» фигурирует целая местность в районе Аграханского залива на западном берегу Каспийского моря, и в этой местности стояла русская крепость, именуемая Святой Крест. И. В. Бентковский, который отличался скрупулезным подходом к историческим фактам, прямо отмечал, что «Петр I дал этой крепости название св. Креста, так как местность издревле называлась *Ставрополь*.» (9, с. 20).

С учетом этого Епископы Астраханские и Терские по указу Петра I с 1723 г. стали называться Астраханскими и Ставропольскими (10, с. 20; 11, с. 325).

Обращает на себя внимание, что сразу же после упразднения крепости Святой Крест и возврата российской границы на Терек, после чего местность «Ставрополь» оказалась вне пределов российского государства, на Волге закладывается новая крепость под названием «Ставрополь». При этом важным представляется тот факт, что главной целью закладки этой крепости российская администрация считала проведение через нее христианизации калмыков. Таким образом, мы можем усматривать в этом топониме миссионерскую роль. Автором топонима «Ставрополь» на Волге выступает участник Каспийского похода, один из сподвижников Петра I генерал Ф. И. Соймонов. Он также является автором первого труда по описанию Каспийского моря, и при его непосредственном участии закладывалась в 1722 г. крепость Святой Крест (12, с. 11).

Однако это не значит, что именно с ним можно связывать появление топонимов «Ставрополь» и «Святой крест» в районе Аграханского залива на Каспийском море. Наиболее вероятной фигурой, которая могла быть информатором Петра I при наименовании вновь приобретенной местности и закладке здесь первой русской крепости, просматривается личность князя Дмитрия Кантемира. Он участвовал в Каспийском походе в качестве одного из ближайших соратников Петра I (13, с. 11). Именно этот выдающийся ум, ученый,

историк, человек просвещенный и эрудированный, мог наверняка знать о существовании в соседней с Кавказом Малой Азии византийского Ставрupoлиса (Афродисии) и одноименного епископства, которое существовало на территории современной Турции вплоть до 20 в. Д. Кантемир хорошо знал христианскую историю в Малой Азии, так как в молодости обучался в Греко-латинской школе при Константинопольской патриархии в Стамбуле. Двигаясь на Кавказ и приближаясь к территории средневековой Византии, от которой Русь приняла христианство и видела себя третьим Римом, Петр I и его сподвижники могли ощущать себя миссионерами, которые несли свет христианства на вновь присоединяемые земли. Топонимы «Святой Крест» и «Ставрополь» символически маркировали эту территорию как христианскую.

В нашем исследовании мы не смогли обойти и такой вопрос, как наличие топонима «уч»-«учи». При заблаговременной подготовке Каспийского похода 22 марта 1720 г. Петр I, среди прочих поручений, велит астраханскому губернатору А. П. Волынскому сыскать удобный путь до Учи, «для чего там надобно при море сделать крепость (14, с. 26). Речь идет о Учинской косе в Аграханском заливе, недалеко от которой в 1722 г. будет заложена крепость Святой Крест. Термин «учи»-«уч» авторы переводили с тюркского как «крест». Одним из первых этой версии придерживался С. М. Броневский, который так писал о крепости Св. Крест: «Государь знал, что древние греки называли сие место Ставрополь или город Креста. Это самое было причиною наименования новой крепости. По-татарски уч значит также крест, полуостров Уч у дагестанцов и Учинская коса у русских доселе известна под сим именем» (15, с. 68). Увлеченный этой версией, Г. Н. Прозрителев возводил к тюркскому слову «уч» такие названия, как озеро Вшивое и село Овоци. Рассуждая о неблагозвучности названия озера Вшивого, он пишет: «К сожалению даже до сих пор остается за ним это неблагозвучное название, а между тем это невежественная переделка слово «уч». В переводе это слово с татарского означает три и этим словом татары называют «крест». Здесь найден был крест, поставленный первыми христианами, как и на Ставропольской Соборной горе» (16, л. 12).

Тюркское слово «уч» имеет много значений, но ни одно из них не связано с крестом, и говорить о метонимии в связке «уч-три» и «крест» было бы натяжкой. По нашему мнению название крепости на Сулаке возникло вследствие омонимической подмены тюркского топонима Уч армянским словом «хач-крест». Это подтверждается тем, что в Западном Прикаспии и Астрахани издавна проживала представительная армянская диаспора, которая активизировалась при появлении здесь русских единоверцев-христиан. Не будем забывать, что после упразднения крепости Святой Крест (1735 г.) много армян переселилось в Кизляр, где они составляли вторую после русских группу населения. Нельзя исключать их

присутствие и в том месте, где закладывалась крепость Святой Крест. Вспомним также, что после похода русских войск в Западный Прикаспий (1796 г.) оттуда вышла большая группа армян, основавшая на р. Куме город, названный Святой Крест. По нашему мнению, это является звеньями одной цепи, и с крепостью Святой Крест в устье р. Сулак можно увязывать лишь название города Святой Крест, который был основан армянами в 1799 г. на месте современного города Буденновска.

Наша версия косвенно подтверждается схожей ситуацией в Крыму, где с XIV в. обосновалась одна из армянских диаспор. Проживавшие в исламском окружении армяне назвали одну из доминирующих здесь вершин горой Святого Креста. Под этим же названием они основали здесь свою главную святыню – монастырь Сурб Хач, что в переводе означает Святой Крест (17, с. 3–4).

Обратимся к происхождению топонима «Ставрополь», появившегося при проектировании Азово-Моздокской линии. Как известно, проект этой линии был разработан под руководством генерал-губернатора Астраханского, Новороссийского и Азовского князя Г. А. Потемкина. В этом проекте, представленном на утверждение Екатерины II, предполагаемые к закладке крепости перечисляются под номерами и не имеют названий. По этому поводу Г. А. Потемкин, обращаясь к императрице, лишь предлагает: «Назначенные вновь линейные укрепления наименовать, как благоугодно будет» (18, с. 519). Этот проект был высочайше утвержден 24 апреля 1777 г. Но уже в ордере Г. А. Потемкина на имя Астраханского губернатора И. В. Якоби от 20 мая 1777 г. вновь учреждаемые крепости имеют названия. Среди них крепость под № 7, которая именуется Ставропольской (19, лл. 241–242). Таким образом, мы можем констатировать, что название Ставрополь появилось в период между 24 апреля и 20 мая 1777 г., а к его происхождению имеют отношение Г. А. Потемкин и Екатерина II.

Следует обратить внимание, что названия левого и правого флангов Азово-Моздокской линии, которые обладали автономией в их управлении, носят различную смысловую нагрузку. Крепости левого фланга названы по именам христианских святых, близких к именам членов правящей царской династии и к святым, деяния которых связаны с Кавказом: Св. Екатерины, Св. Павла, Св. Марии, Св. Георгия, Св. Александра и Св. Андрея. Смысловое значение имен крепостей правого фланга иное – Ставропольская, Московская, Донская и нереализованная Владимирская. По поводу Московской и Донской крепости в докладе Г. А. Потемкина прямо проводится мысль, что они призваны связывать вновь присоединенную территорию Предкавказья с Доном и Москвой. Что касается названия «Ставрополь», то истинные мотивы происхождения этого имени еще предстоит выяснить. Однако уже сейчас можно говорить о том, что

этот топоним не следует связывать с крепостью Св. Крест в устье р. Сулак, как это делает писатель И. В. Кузнецов, вкладывая в уста Г. А. Потемкина прямую связь и преемственность между названиями «Святой Крест» и «Ставрополь» (20, с. 22–23), а краевед Г. А. Беликов, как и ранее В. Г. Гниловской, именует крепость Св. Крест в устье Сулак «Ставропольской» (21, с. 15).

Князь Г. А. Потемкин был человеком классически образованным и знал греческий. Он вряд ли допустил бы перевод «Святой Крест» (по-гречески Айос Ставрос) как «Город Креста» (по-гречески Ставрополис).

Остается невыясненным вопрос, почему Екатерина II и Г. А. Потемкин сознательно позволили дать двум городам империи одно и то же название. На наш взгляд, происхождение наименования нашего города следует искать в культурно-религиозных пластах российской геополитики эпохи Екатерины – Потемкина («греческий проект», присоединение Крыма, борьба за Кавказ, христианское миссионерство и победоносное шествие Святого Креста, а также другое). В этом контексте вновь может просматриваться связь с византийским Ставрополисом (античным Афродисием) и одноименным епископством на территории Турции и попыткой Петра I создать на кавказском направлении своей политики епархию Астраханскую и Ставропольскую (1723 г.). Любопытно, что первая карта Азово-Моздокской линии, приложенная к докладу Г. А. Потемкина, сопровождается иллюстрациями античных сюжетов, среди которых главной фигурой выступает богиня Афродита, имя которой в античные времена носил византийский город Ставрополис (Афродисий) (22, Гниловской, 1974, с. 130).

Подводя итог, мы можем выстроить следующую хронологическую историю топонима «Ставрополь»: византийский Ставрополис и одноименная епископия на территории современной Турции; его существование совместно с топонимом «Святой Крест» и армянским топонимом Хач Хуч в районе Аграханского залива и низовьев р. Сулак (1723–1735 гг.), Ставрополь Волжский (с 1735 г.) и наконец Ставрополь Кавказский (с 1777 г.). С эпохи раннего средневековья и до настоящего времени с этим топонимом связывается название одной митрополии и двух епархий: Ставропольская митрополия в Малой Азии, существовавшая с 6 по 20 в. н. э., Астраханская и Ставропольская епархия (1723–1792); Ставропольская и Кавказская, затем Ставропольская и Владикавказская епархия (с 1843 г. по настоящее время).

Что касается предания о связи названия «Ставрополь» с находкой каменного креста на Ставропольской Крепостной горе, то здесь следует согласиться с В. Г. Гниловским, который не находил для этого достаточных оснований. Среди главных аргументов против этой версии является тот факт, что название «Ставрополь» после первоначальной разбивки Азово-Моздокской линии попадало на место современного села Московского, а место, где сегодня стоит

Ставрополь, занимала крепость под названием Московская. Спустя месяц после закладки Ставропольской крепости одна из 10 крепостей линии (Андреевская) была упразднена, вследствие чего произошла сдвижка как их номеров, так и названий, в результате чего название Ставрополь навсегда закрепилось за его нынешним местом (23, с. 26–27).

Нам представляется, что связь топонима с реальным христианским крестом навеяна не находкой креста, а самим названием данного места, а также тем, что на Ставропольской Крепостной горе до революции действительно стояли два каменных креста. Они были воздвигнуты в начале XIX в. Первый – на месте перенесенной крепостной церкви, восстановленный в 2000 г., второй – поставленный на восточной окраине Крепостной горы после избавления города от чумы 1816 г. В самом конце XIX в., к 100-летию со дня смерти А. В. Суворова этот крест был переоформлен и стал связываться со знаменитым генералиссимусом (24, с. 915). Одновременно появился живучий миф, что Ставрополь заложен лично А. В. Суворовым.

Использованная литература и источники

1. Г. Н. Прозрителев. К 125-летию губ. г. Ставрополя н/К. 1785–1910 г. Ставрополь, 1910.
2. И. В. Бентковский. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях. Кавказский календарь на 1855 год. – Тифлис, 1854.
3. В. Г. Гниловской. Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX столетия (историко-географический очерк). – МИСК. Вып. 4: Ставрополь, 1952.
4. П. А. Шацкий. В. Н. Муравьев. Ставрополь. Исторический очерк. – Ставропольское книжное издательство: 1977.
5. В. Г. Гниловской. Указ. соч.
6. История российского государственного управления на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. – Хрестоматия для студентов и слушателей высших учебных заведений. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004.
7. Г. И. Беликов. Ставрополь – врата Кавказа. – Ставропольское книжное издательство, 1997.
8. И. В. Кузнецов. Крепость в степи. Историческое повествование о городе Ставрополе. – Ставропольское книжное издательство, 1977.
9. И. В. Бентковский. Дела наши на Северном Кавказе от высадки Петра I в Аграхани до основания крепости Кизляра, с 1722 по 1735 год // Ставропольские губернские ведомости, № 29, 1876.
10. И. В. Бентковский. Дела наши на Северном Кавказе...
11. Н. Т. Михайлов. Справочник по Ставропольской епархии (обзор городов, сел, станиц и хуторов Ставропольской губернии и Кубанской области). В кн.: Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. – М.: Изд. Надыршин, 2008.
12. П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. – В 3-х ч./ Под ред. акад. Броссе. – СПб, 1869.
13. П. Г. Бутков. Указ. соч.
14. Астраханские губернаторы. Историко-краеведческие очерки. – Астрахань, 1997.
15. С. М. Броневский. Историческая Выписка о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими со времен царя Иоанна Васильевича донине. Подготовка текста к изданию, предисл., словарь малоизв. слов, указатели И. К. Павловой. – СП.: Центр «Петербуржское Востоковедение», 1996.
16. СГМЗ, д.ф. – 2, ед. хр. 45.

17. А. М. Байбуртский, А. Д. Тимиргазин. Армянские древности горных массивов Святого Креста и Мачук в Восточном Крыму. – Симферополь: ИП «Индивидуальное предприятие Феникс», 2008.

18. ПСЗРИ – 1, т. XX. – № 14.607.

19. ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 151, ч. 1.

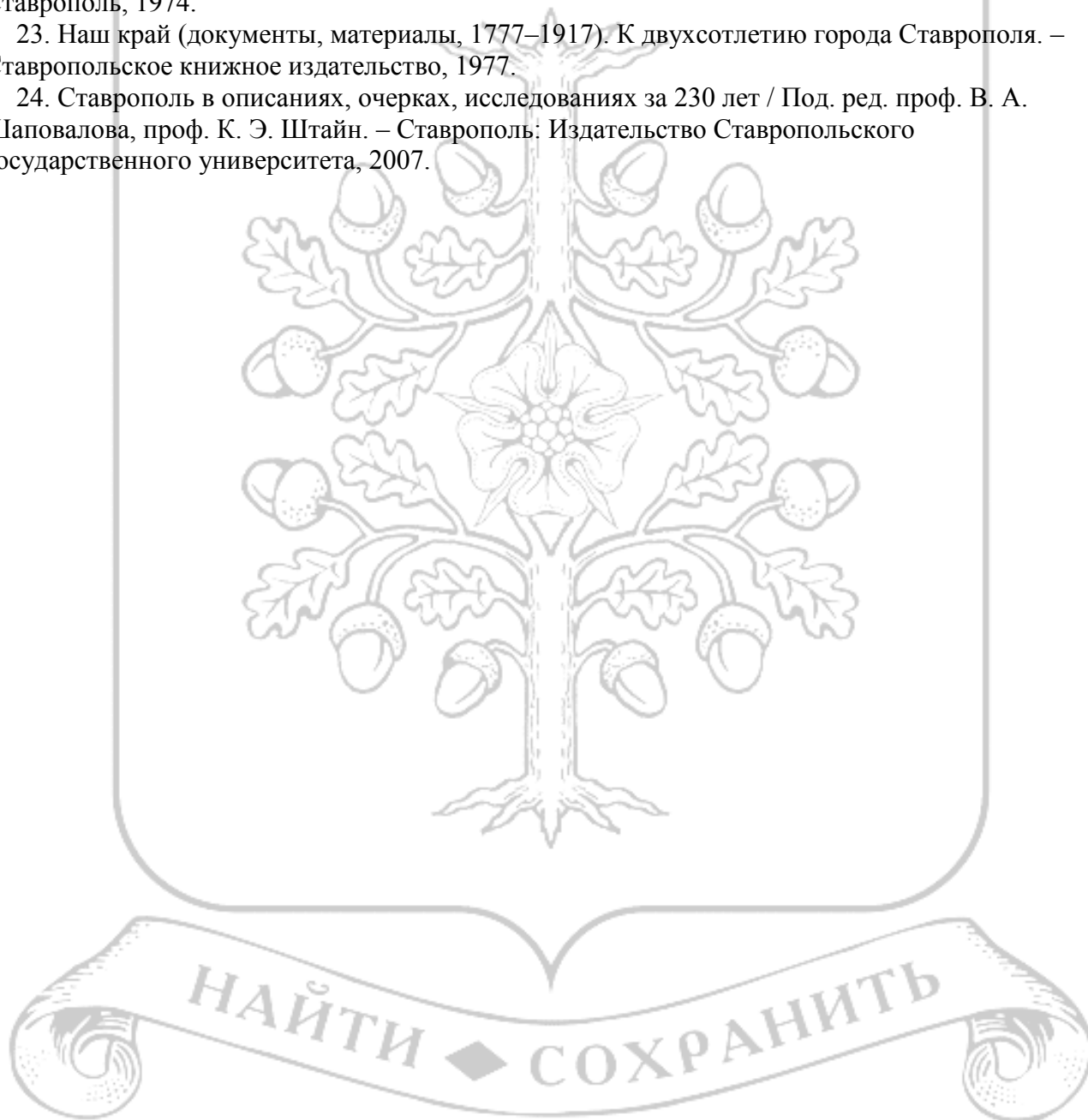
20. И. В. Кузнецов. Указ. соч.

21. Г. И. Беликов. Указ. соч.

22. В. Г. Гниловской. Первые карты Азово-Моздокской линии (к двухсотлетию города Ставрополя). В сб.: Северный Кавказ. – Вып. 3-й (Физическая и историческая география). Ставрополь, 1974.

23. Наш край (документы, материалы, 1777–1917). К двухсотлетию города Ставрополя. – Ставропольское книжное издательство, 1977.

24. Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет / Под. ред. проф. В. А. Шаповалова, проф. К. Э. Штайн. – Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2007.

Прокопенко Ю. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
профессор кафедры политической истории,
доктор исторических наук

Использование фотографии в археологии и краеведении на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в.

Фотография является методом исследования и одновременно способом документирования, выполняя также информационную функцию. Результатом применения научно разработанных методов и средств являются визуальные изображения, то есть фотодокументы, значение которых определяется задачами их создания и объектами изображений. Научные явления, исторические события и человек в контексте этих событий, материальные предметы и объекты древнего и современного происхождения имеют бытовое, художественное и исследовательское значение.

Во второй половине XIX в. достижения в области фотографии привели к возникновению новых приемов, характерных только для этого вида искусства. С 1860-х гг. распространилась техника натурной фотосъемки. Этнографическая фотография второй половины XIX в. ставила перед собой цель достоверной фиксации народной жизни. В этот период возникает и репортажная съемка. В начале XX в. в работах фотомастеров еще ощущается влияние различных направлений в живописи, но в то же время возникает интерес к интерпретации форм реального мира и формируются принципы художественных решений, основанных на документальной сущности фотографии (1, с. 13–14; 2, с. 24).

Фотографию во второй половине XIX в. стремились привлечь к своим изысканиям географы и этнографы, археологи и историки искусств, исследователи архитектуры. Значительных успехов достигло видовое и «жанровое» (этнографическое) фотографирование. Произведения фотоискусства обычно «оценивали» в Русском географическом обществе и во время различных выставок. В 1867 г. в Москве состоялась Всероссийская этнографическая выставка. К Политехнической выставке (1872 г.) в Москве был создан «Туркестанский альбом», который включал четыре части: 1) археологическую; 2) этнографическую; 3) промысловую и 4) историческую. Этот альбом, единственный в своем роде, наиболее полно представляет быт и занятия народов Туркестана.

В 1875 г. на Международной географической выставке в Париже наибольший успех имел Русский отдел, с множеством видовых и этнографических фотографий.

Фотография широко использовалась в археологии, о чем свидетельствуют фонды фотоархива Арх. ИИМК РАН. В целом, за время деятельности Императорской Археологической комиссии в архиве отложилось более ста тысяч отпечатков и негативов (3, с. 7–8).

Использование фотографии привнесло новое, гораздо более высокое качество в изучение историко-археологического наследия. Со временем была признана ценность фотографии как источника информации. Основу творчества фотографов так или иначе составляли научные исследования, накопленная визуальная информация, их личные наблюдения. Сопоставив их работы с произведениями художественной литературы или научными трудами, убеждаешься в их самостоятельной ценности как метода исследования и памятника искусства определенной эпохи (3, с. 8).

С конца XIX в. археологи, работающие на Северном Кавказе, включают в свою группу профессионального фотографа. Например, экспедиции В. М. Сыроева (1896 г. – раскопки Курджипского кургана), Н. И. Веселовского (раскопки и разведки), И. А. Владимирова (1900 г – раскопки кургана на г. Брык) и др. Следует отметить, что уже в этот период складывается традиция фотографирования не только непосредственно места раскопок, но и прилегающей местности, т. е. возникает прообраз фиксации археологических памятников во время разведок. Идея возникает, видимо, под влиянием пейзажного варианта живописи.

В частности, в фотографическую документацию отчета о раскопках Курджипского кургана входят снимки видов станицы и «Раскопанной горы» (4, с. 8, рис. 1). В своей практике разведочных поездок фотографию использовал Н. И. Веселовский. Например, в фотоархиве Института истории материальной культуры хранится фото «гора Брык» (вид с юга), сделанный фотографом группы Н. И. Веселовского в 1899 г., во время посещения Султановского кургана (5).

В числе фотоматериалов, дополняющих отчеты конца XIX – начала XX в., кроме выше отмеченных, следует выделить 4 основных варианта: 1) фото памятника; 2) изображение раскопа (как правило, в момент раскопок); 3) коллективный портрет участников экспедиции; 4) фото археологических находок.

Например, первый вариант (вид кургана) присутствует в отчете В. М. Сыроева о раскопках Курджипского кургана (6). Однако не всегда фотографии фиксировали все стадии раскопок. Чаще всего присутствуют снимки памятника перед раскопками (или в начальный период раскопок) и фазы расчистки выявленных конструкций.

В отдельных случаях вместо фото использовались рисунки памятника в технике акварели. В данном случае рисунки дополняют фотоснимки. Таким образом документируются раскопки Владимирова Султановского кургана у г.

Брык. При этом на рисунках сделаны уточняющие пометки. На акварели «Гора Брык [вид] с дороги» с помощью стрелки указано месторасположение кургана. Здесь же отмечено расстояние до Курсавки. На втором рисунке «Гора Брык» зафиксирована траншея (пробитая в кургане), методом которой раскапывался памятник. Подпись, сделанная художником, фиксирует дату этих раскопок: 7–9 июля 1900 г.

Чаще всего в отчетах присутствуют фотоснимки варианта 2 – изображение раскопа. Как правило, из-за громоздкости и примитивности аппаратуры фотограф выбирал место выше и несколько в стороне от места работы, для того, чтобы как можно шире охватить участок раскопа. В результате на снимках был запечатлен ход работ (рабочие показаны в динамике) и фрагментарные участки памятника. К сожалению, при этом многие детали опускались. Это связано с объективными и субъективными причинами: ограниченные возможности аппаратуры, отсутствие археологических навыков у фотографа и одновременно неумение со стороны лиц, возглавлявших раскопки, должным образом фиксировать все стадии исследования памятника.

В отчете В. М. Сысоева о раскопках Курджипского кургана присутствуют фото двух участков раскопа. На снимке запечатлена работа нескольких рабочих на отвале. В центре композиции – в нижней части раскопа зафиксированы две фигуры, обступившие с двух сторон (справа налево) выложенные на белую ткань (или бумагу) находки (4, рис. 2). Судя по динамическим признакам, руководитель раскопок В. М. Сысоев дает указания сотруднику экспедиции. При этом не видны особенности конструкции памятника и сами артефакты.

Сходна по композиционному решению подобная фотография из отчета Владимирова о раскопках подкурганного склепа на г. Брык. Двое рабочих занимаются расчисткой верхней части пилонов входа в гробницу. Но в данном случае так же форма склепа не прослеживается.

Более профессионально выполнен другой снимок, зафиксировавший следующую стадию раскопок – завершение очистки камеры гробницы. Видны часть конструкции, особенности кладки стен, орнаментированные пилоны ворот. Для уточнения высоты памятника используется обычный прием, характерный для фотоизображений архитектурных сюжетов, – в центре композиции располагается статичная фигура человека. Его рост используется в качестве линейки.

Как уже отмечалось, еще одним обычным вариантом археологических фотоматериалов являются коллективные портреты – вариант 3. Основное их отличие от фото варианта 2 заключается в особенностях композиционного решения. Фигуры статичны, располагаются сидя или стоя. Направление их взглядов совпадает с месторасположением фотоаппарата.

Типичным примером таких снимков является фотография группы Владимирова. Пять фигур размещены в 3 ряда. При этом наблюдается симметрия в размещении людей. Первый и второй ряды – стоячие фигуры. Второй ряд: центральная фигура – молодой рабочий зафиксирован в положении стоя; композицию добавляют две сидящие фигуры, развернутые по отношению к центру. Интересно, что все молодые работники стоят, а наиболее авторитетные представители экспедиции сфотографированы в сидячем положении. Справа налево сидят на плитах: руководитель раскопок Владимиров и наиболее пожилой (а значит для молодежи авторитетный) крестьянин.

Фото вариантов 2 и 3 дают нам дополнительную этнографическую информацию об инвентаре, которым раскапывались памятники, – заступы или лопаты, о рабочей форме (рабочая одежда участников раскопок – длинные темные или чаще светлые рубахи, штаны, заправленные в сапоги, на голове картузы или конические шапки у крестьян и фуражки у казаков; у руководителей – белые сюртуки или рубашки, темные или серые брюки, на ногах сапоги или туфли, в качестве головного убора использовались плоские белые шляпы с широкими полями). На снимке у руководителя экспедиции, исследовавшей склеп на г. Брык, И. А. Владимирова виден какой-то предмет, с помощью вытянутой петли (ремешок или веревка ?) надетый на шею. Предположительно это часы или компас, в любом случае, этот предмет использовался в процессе раскопок в качестве технического инвентаря.

Отдельно в фотодокументации выделяются снимки варианта 4 – изображения находок. В отличие от всех выше отмеченных фотографий, данные фото, как правило, создавались не во время раскопок, а уже после таковых – в профессиональных лабораториях. Поэтому такие снимки более качественные – более четкие изображения, даже с элементом художественности. Наиболее излюбленный прием, использовавшийся для показа артефактов, – планшетное размещение находок. Предметы располагались в прямоугольнике планшета двумя способами: 1) крепились к деревянной основе при помощи проволочных крепежей; 2) раскладывались перед съемкой на бумажной или матерчатой основе.

Характерными особенностями планшетного варианта являются симметрия в расположении предметов и максимальное насыщение артефактами прямоугольника планшета. В качестве примеров таких планшетов следует отметить изображения находки Казбекского клада, собрание И. А. Владимирова артефактов у с. Сенты (7), клад золотых изделий из Хасав-Юрта (8), коллекция средневековых украшений и оружия Вырубова из Чегемского округа (9), клад золотых изделий из Кудинетова (10) и др.

Таким же образом оформлялись археологические находки из памятников Ставрополя: собрание предметов из склепа на г. Брык, клад золотых и серебряных украшений из с. Рогули (11, рис. 2; 12).

В начале XX в., кроме археологии, фотография начинает применяться в краеведении. В частности, фотоизображения археологических находок появляются в региональных научных изданиях. Одним из первых стал использовать фотоснимки в своей научной деятельности Г. Н. Прозрителев. Например, фото двух боспорских монет и ряда чеканных образцов Золотой орды, найденных на территории г. Маджар (г. Буденновск), были опубликованы в сборнике сведений «Северный Кавказ» под ред. А.С. Собривского (13, с.11–14).

Ценнейшим источником, в том числе и при изучении исторического наследия Северного Кавказа второй половины XIX – начала XX в. являются фотооткрытки, по сути, те же фотографии, но выпущенные в свет массовым тиражом. Фотооткрытки становятся очень популярными в обществе. Это приводит к появлению в городах специальных магазинов по их продаже. В частности, такой павильон функционировал в парке курорта Железноводск (14, с. 55). Видовые открытки, наиболее точно передающие изображение, отличаются особой информативностью. В начале XX в. на таких фото появляются памятники архитектуры. Особое внимание уделяется сооружениям церковной архитектуры.

Следует отметить одну из первых попыток (начало XX в.) использования фотографии в реконструкции истории сооружения – в создании прообраза паспорта памятника и одновременно реставрационного отчета. Например, в 1913 г. в Ставрополе, на Николаевском проспекте (бывшие торговые ряды) начинаются работы по реконструкции церкви Спаса Нерукотворного. Согласно проекту от 19 ноября 1912 г., было принято решение сохранить неизменным фасад здания. В связи с этим была сделана серия фотоснимков, прослеживающих этот процесс. Для этого был сфотографирован план фасада церкви, утвержденный 21 июля 1838 г. (15). Второй снимок документирует вид здания накануне ремонтных работ (снимок 8 мая 1913 г.). Третий снимок показывает результаты производимых работ (снимок 10 июня 1913 г.). Изображение доказывает, что фасад в ходе работ не был изменен.

В завершение следует отметить, что развитие фотодела в России в конце XIX – начале XX в. повлияло на дальнейшее совершенствование археологической науки, этнографии и краеведения. Особенно это прослеживается на фотоматериалах Северного Кавказа.

Использованная литература и источники

1. Дыко Л.П. Основы композиции в фотографии. М.: Высшая школа. 1983.
2. Волков-Ланнит Л.Ф. Искусство фотопортрета. М.: Искусство. 1987.

3. Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX в. (по фондам научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук). Авт. Дисс. на соиск. учен. степ. доктора ист. наук. СПб. 2008.

4. Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980.

5. Поездка Н.И. Веселовского 1899 г. Вид горы Брык // Фотоархив ИИМК РАН.

6. Арх. ИИМК РАН. Ф.1, оп.1, д.118, 1896 г. л. 72–73.

7. Арх. ИИМК РАН. Ф.1, оп.1, д.102, 1899 г. л. 4.

8. Арх. ИИМК РАН. Ф.1, оп.1, д. 22, 1888 г., л. 34.

9. Арх. ИИМК РАН. Ф.1, оп.1, д. 215, 1896 г. л. 4.

10. Арх. ИИМК РАН. Ф.1, оп.1, д. 6, 1896 г. л. 24.

11. Прокопенко Ю.А. О культурной принадлежности Султановского кургана, исследованного И.А. Владимировым в 1900 году у горы Брык // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып.15. Социальные и гуманитарные науки. Ставрополь, 1998.

12. Арх. ИИМК РАН. Ф.1, оп.1, д. 219, 1890 г., л. 2, 3, 4.

13. Прозрителев Г.Н. Мажары – один из древнейших городов Северного Кавказа // Сборник сведений «Северный Кавказ» под ред. А.С. Соброевского. Т.1. Ставрополь, 1906,

14. Прокопенко Ю.А. Железноводск. Страницы истории. Ставрополь, 1998.

15. Церковь Спасская (лавочная) // Фотоархив ИИМК РАН.

Прокопенко Ю. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
профессор кафедры политической истории,
доктор исторических наук;

Захарова С. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
аспирант кафедры культурологии и библиотековедения

Развитие фотодела в конце XIX – начале XX в. в провинциальной части России на примере Ставрополя

В связи с успешным развитием фотоискусства с 60-х гг. XIX в. фотостудии возникают на улицах провинциальных городов. Тогда же фотография приходит и в Ставропольскую губернию. Это связано с визитом на Кавминводы (1843 г.) родоначальника русской фотографии С. Л. Левицкого, который работал в составе государственной комиссии по изучению этого региона (1). «Представьте себе, – писал он, – с какой энергией и удовольствием принялся я за исполнение дагерротипных работ... Эта работа чрезвычайно интересовала меня, в особенности когда... проявлялись результаты: виды Пятигорска, Кисловодска, Машука и Бештау» (2).

В 1870-е гг. коллодионный процесс заменяется желатиновым, изобретенным английским врачом Р. Л. Меддоксом, что позволило повысить светочувствительность фотографических материалов и начать использование длительно сохранявшихся пластинок, а позже – пленок и бумаг. В 1877 г. русский изобретатель Л. В. Варнерке создал фотоаппарат для съемки на гибком материале и специальную «пленку». Тем не менее, стеклянные пластины использовались до середины 1920-х гг., что подтверждается материалами, хранящимися в фотоархивах.

Фотографирование удешевилось, стало более доступным для широких кругов профессионалов и любителей. В Ставрополе, Кисловодске, Пятигорске открываются портретные фотоателье (или «фотографии», как их еще называли), позже в селах и станицах – временные фотографические заведения. Быстрота изготовления, тиражность и дешевизна снимков, по сравнению с рисованными миниатюрами, способствовали доступности фотопортрета всем социальным слоям: наряду с членами дворянских фамилий, заказчиками были мещане, чиновники, крестьяне.

В российской фотографии достаточно известных мастеров, прошедших карьеру от любителя до профессионала высшего класса. Среди знаменитых

фотографов того времени немало наших земляков. Один из них – Григорий Иванович Раев. Сын солдата охранной роты Кисловодской крепости благодаря своим способностям и таланту, увлечению краеведением становится одним из популярнейших людей КМВ, другом исследователей Кавказа А. Пастухова и Р. Лейцинга, артистов Ф. Шаляпина и Л. Собинова, композитора С. Рахманинова и других видных деятелей искусства.

Несколько видов фотоальбомов, воспроизводящих красоты буквально всех живописных уголков Кавказа, виды Ставрополя и городов Кавказских Минеральных Вод, сотни сюжетов видовых открыток, а также их коллекция из 200 штук «исполненных способом фототипии и ручной раскраской», весьма модные в ту пору стереоскопические фотографии с объемным зрительным эффектом – все это свободно и по умеренным ценам можно было приобрести в мастерской Раева или выписать по почте на свой адрес.

Все снимки Раев производил только сам, о чем свидетельствует изданный им каталог: «Все виды выпущенных мною серий в продажу сняты лично мною с натуры».

Одним из главных направлений в его творчестве стала лермонтовская тема. В 1877 г. он, по заказу директора Кавказских Минеральных Вод, сделал первый снимок домика М. Ю. Лермонтова в Пятигорске. Первая фотография места дуэли поэта также была сделана Раевым (1878 г.). В дальнейшем он снимал все места на Ставрополье, где побывал Михаил Юрьевич.

За снимки, представленные на отечественных и международных выставках, Раев завоевал более 20-ти почетных дипломов, золотых и серебряных медалей (первая серебряная медаль получена им в 1888 г. от Русского технического общества), удостоен французского ордена «Почетного легиона» (1880 г.). Его работы издавались во Франции, Германии, Англии, Италии, Норвегии, Финляндии (3, с.175).

Для пропаганды фотографии в 1878 г. при Русском техническом обществе был создан отдел светописи и ее применений – Пятый (фотографический) отдел. Из первых русских фотографов следует назвать С. Л. Левицкого, А. И. Денъера, В. А. Каррика, А. О. Карелина и основоположника русского публицистического репортажа М. П. Дмитриева (4, с. 6).

Фотографы и ученые во всех странах искали способы коренного усовершенствования фотографирования на металлических пластинках. Одним из первых добился успехов в усовершенствовании дагеротипа московский любитель светописи и изобретатель А. Ф. Греков (5, с. 5–7).

Следует отметить, что русские ученые внесли значительный вклад в развитие мировой фотографии. Вот некоторые из этих имен: Л. Эйлер разработал принципы изготовления ахроматической оптики (1747 г.); А. Ф. Греков

усовершенствовал метод дагеротипии (1840 г.); С. Л. Левицкий основал фотоотдел Русского технического общества, впервые применил фотографическую ретушь и электрическое освещение в фотографии (1842–1851 гг.); И. Ф. Александровский изобрел стереофотоаппарат (1854 г.); Д. П. Езучевский изобрел многокадровую стереоскопическую фотокамеру с моментальным затвором (1879 г.) и первый портативный фотоаппарат (1880 г.); И. В. Болдырев использовал вместо стекла гибкую смоловидную пленочную основу (1880 г.); Л. В. Варнерке изобрел первый в мире катушечный фотоаппарат, сенситометр (1870–1880 гг.); С. А. Юрковский начал использовать моментальный шторно-щелевой затвор (1882 г. (6, с. 8).

Фотография не сразу стала самостоятельным искусством. Умению не копировать, а изображать фотохудожники учились у живописи. Раннее искусство фотографии развивается по параметрам живописи. Фотография в ту пору еще не имела собственных традиций, только искала свои изобразительные средства. Примеры живописи прокладывали ей дорогу к достижению художественности, образности (7, с.13–14; 8, с.24).

С первых шагов использования реального фотографического процесса – дагерротипии – этот метод получил применение не только в быту в виде портретной и ландшафтной фотографии, но и в различных сферах, где можно было приспособить светопись к решению сугубо научных задач.

Развитие фотографии, так же, как и других областей знания, не могло быть достаточно успешным без научного общения и передачи опыта. Усилиями ряда энтузиастов в 1878 г. был учрежден V (фотографический) отдел Русского технического общества (РТО) в Петербурге, хотя вопросами фотографии общество занималось еще с 1870 г.

Отдел ставил своей задачей «развитие и усовершенствование технической, научной и художественной стороны светописи и ее применения», осуществлял взаимное общение ученых и фотографов, пропагандировал достигнутые успехи и содействовал развитию отечественной фотографии, как в области фототехники, так и разнообразных применений этого еще сравнительно нового достижения научной мысли.

Наиболее активно деятельность V отдела развивалась до 1894 г. С 1880 г. он издавал собственный периодический журнал «Фотограф» под редакцией В. И. Срезневского, а также сборники трудов, где печатали доклады и статьи членов Русского технического общества, описывали фотографические новинки. Отдел выполнял, кроме того, некоторые научные исследования. Так, например, В. И. Срезневским были сконструированы специальные фотокамеры для экспедиций (1882 г.), съемок с воздушного шара и под водой (1886 г.), для фотографирования солнечных затмений (1887 г.) (9, с. 54–55).

В это же время в ряде городов начали появляться местные фотографические общества (в Киеве, Харькове, Одессе, Риге и др.). Из них наиболее деятельным и авторитетным было Русское фотографическое общество в Москве (1894–1930 гг.), ставшее вскоре всероссийской организацией. Общество имело лаборатории, ателье для практической работы и издавало в период 1908–1918 гг. журнал «Вестник Фотографии».

Важным событием стал созванный в 1882 г. V (фотографическим) отделом РТО Всероссийский съезд по фотографии, приуроченный к Всероссийской промышленной выставке.

В 1896 г. Русское фотографическое общество созвало в Москве I Съезд русских деятелей по фотографии, в котором приняло участие свыше 200 человек. Второй подобный съезд состоялся в 1908 г. в Киеве (1, с. 50).

Яркую страницу в историю развития фотографии вписывает С. А. Лобовиков (1870–1941). Связанный с русской прогрессивной общественностью, по идейной направленности творчества близкий к художникам-передвижникам, он создает полные глубокого драматизма жанровые фотокартины. Их главная сила – в социальной заостренности, в проявлении глубокого сочувствия к судьбам простых людей в царской России. Так сказывается в фотографии живая традиция реалистического искусства, опыт которой вел фотохудожников к новизне тематики, к смелости изобразительных решений и, главное, к поиску собственных, неповторимых, специфических для фотоискусства особенностей творческого процесса. Подход к изобразительному решению темы, приемы композиции и особенно световой рисунок снимка постепенно получили особое, свойственное только фотографии звучание. Фотография становилась самостоятельной областью творчества. Выкристаллизовывались ее главные специфические черты – документальность, острая публицистичность (7, с.12).

В 1875 г. на Международной географической выставке в Париже наибольший успех имел Русский отдел, с множеством видовых и этнографических фотографий.

Рассматривая развитие фотографии в Ставропольской губернии, надо отметить некоторые особенности. Желавший открыть постоянное фотоателье должен был написать прошение в губернскую канцелярию на имя губернатора: «... покорнейше прошу Ваше Превосходительство выдать мне разрешение ... для производства фотографических снимков в пределах Ставропольской губернии ... и открытия фотографии в губернском городе Ставрополе...». Из канцелярии направлялись запросы в жандармское управление и ставропольскому полицмейстеру о нравственных качествах, поведении и политической благонадежности просителя. При получении благоприятного отзыва – «...нравственных качеств хороших, под судом и следствием не был и не состоит», «...сведений о

политической неблагонадежности... не имеется» – губернатором выдавалось свидетельство на право «...открыть фотографию... под личную ответственность за нарушение правил о фотографических заведениях». Свидетельство передавалось будущему владельцу через старшего городского полицмейстера и пристава под расписку, которая затем отправлялась в канцелярию губернатора.

В результате изучения архивных данных удалось выявить владельцев первых фотоателье. Среди них преобладали крестьяне, мещане, чиновники (Ф. Маркс, В. Свищев, Н. Дмитриев), хотя фотоделом увлекались и дворяне, и купцы (С. И. Василевский, Г. И. Третьяков). Г. И. Третьяков, купец второй гильдии, в отличие от остальных фотографов, выписывавших фотоматериалы из Москвы и Санкт-Петербурга, имел собственный комиссионный склад фотопринадлежностей (3, с. 176).

«Фотографии» представляли собой помещение, обставленное декоративной мебелью, со стеклянным потолком и стеной, вот почему фотоателье иногда называли «стеклянным павильоном». Остальные стены обклеивались обоями разных тонов. На столиках для съемки лежали всякие безделушки (искусственные цветы, книги, шкатулки, зеркальца и т. п.). Иногда посетители привозили для съемки собственные вещи.

Фотографы выполняли в студиях самые разнообразные виды работ: изготовление индивидуальных, парных, групповых фотопортретов, увеличение портретов до желаемой величины, фотографии на стекле, ретушь. Иногда приходилось «ретушировать» самого клиента, чтобы выявить одни черты и сгладить другие – впалые щеки набивали ватой, оттопыренные уши приклеивали к голове воском. Посетителя усаживали в кресло с подлокотниками, к спинке которого обязательно крепился конфгалтер – специальное устройство, с помощью которого закрепляли голову в неподвижном положении – иначе нельзя было получить четкое изображение при длительных выдержках. Когда не хватало освещения, пудрили мелом лоб, щеки, нос, подбородок, кисти рук модели. Светлую одежду в период выдержки прикрывали на некоторое время кусочками черного бархата – так выравнивали интервал яркостей.

Фотографии наклеивались на картонные бланки, на которых указывались фамилия и инициалы мастера или наименование фирмы, а также местонахождение ателье: «Photographie N. Mokin. Stavropol», «Н. Трегубов и К. Козлов. Ставрополь», «Фотография Тосунова СМ. Поставщик Наместника Его Императорского Величества на Кавказе. Ул. Воронцовская, 8, рядом с почтовой конторой. Удостоен Высочайшей Благодати Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Федоровны». Кроме того, на картоне принято было изображать

награды, полученные за снимки на российских и международных фотовыставках (если такие имелись).

Развитие портретного жанра способствовало распространению изобретенной французским придворным Дидсери фотокарточки-визитки размером 6x8 см. С того времени появляется обычай обмениваться снимками и заводить почти в каждой семье фотоальбомы, которые считались домашней реликвией. Их передавали по наследству, пополняя новыми снимками.

Однако с первых лет своего существования фотография проявляла интерес не только к портрету, но и к видовому жанру. Снимки такого рода встречаются уже у дагерротипистов (виды Пятигорска, Кисловодска С. Л. Левицкого).

К известным местным фотомастерам, работавшим над темой Ставрополя, относились, помимо Г. Раева, Н. Трегубов, А. Энгель, Ф. Маркс, Г. Третьяков, чьи альбомы хранятся в городских, краеведческих музеях и архивах. Внимание фотографов привлекали эпохальные события и рядовые, архитектурные памятники городов и их окрестности, быт и занятия населения, транспорт: «Трапеза гимназисток», «Ставрополь. Вход в парк культуры и отдыха», «Окрестности Кисловодска. Водопад на р. Ольховке», «Ессентуки. Ванное здание имени Николая II».

Собрания Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе и Государственного архива Ставропольского края дают представление об интерьерах, обстановке домов дворян, купцов, простых горожан.

В конце XIX в. тематика фотографий значительно расширилась – появляются исторические сюжеты: виды военных лагерей, портреты участников боевых операций («Хоперские казаки»). К сожалению, авторство большего числа снимков установить практически невозможно, поскольку на них нет штампа фотографа с его именем (3, с.176–177).

Следует отметить, что контингент фотографов, работавших на Северном Кавказе, был достаточно разнородным. Наряду с известными художниками, фотографией занимались люди более низкого профессионального уровня. Типичный пример представляют собой воспоминания отдыхающего в г. Железноводске о характере фотодела на курортах Кавминвод: «...Фотографов на водах двое: Энгель и Патвакин. Энгель – прекрасный фотограф, и кавказские виды его отлично известны всюду. Патвакин, напротив, известен как виртуоз по части лишения у каждого снимающегося у него образа и подобия человеческого...» (10, с. 42).

В рассматриваемый период была популярной стереоскопическая фотография, которая воспроизводила изображения в трех измерениях. При рассмотрении стереоскопических картин садиться нужно было спиной к свету

так, чтобы помещенный на специальную подставку снимок равномерно освещался. При этом создавался эффект объемности изображения. Существовала не только видовая, но и учебная стереофотография (Начальный курс географии из серии «Вокруг света», «География Западной Европы» и др.) (11).

В 1908 году одиннадцать фотографических обществ России обратились в Государственную думу с ходатайством поддержать их авторские права. «Русским фотографам, – писали они, – принадлежит честь быть первыми всемирно признанными художниками, работы которых заставили признать фотографию искусством, тогда как в Западной Европе она была еще в зачаточном состоянии» (8, 1987, с. 24).

В начале XX в. на Ставрополье продолжается деятельность Г. И. Раева. Увлечение альпинизмом помогло ему впервые отснять северные склоны Главного Кавказского хребта. Эта работа была связана с большими трудностями, так как фотографировать приходилось без увеличения, фотоаппарат – громоздкий, фотостекла – большие, фотоэмульсия готовилась на месте. За снимок Эльбруса Русское географическое общество в 1903 г. наградило мастера большой серебряной медалью.

Будучи членом Кавказского горного общества, Григорий Иванович сделал большой вклад (особенно своими фотографиями) в создание музея «Домик Лермонтова». В 1912 г. он стал первым директором музея (3, с.175).

Творческое наследие местных фотографов того времени поистине бесценно: их работы, отличающиеся большой выразительностью и высоким качеством изготовления, позволяют сегодня восстановить облик городов, сел и станиц «старого» Ставрополья, увидеть их историю и историю давно ушедших поколений.

Использованная литература и источники

1. Блюмфельд В.П. Из истории фотографии. М., 1988.
2. Ставропольская правда, 1983, 4 декабря.
3. Кузнецова Н.А. Фотография Ставропольской губернии в последней четверти XIX в. // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тез. докл. межрег. науч. конф. (12–15 апреля 2001 г.). Ставрополь, 2001.
4. Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX в. (по фондам научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук). Авт. дисс. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. СПб. 2008.
5. Морозов С. Первые русские фотографы-художники. М.: Госкиноиздат, 1952.
6. Пальчевский Б.В. Фотография: курс для начинающих. Минск: Польша, 1982.
7. Дыко Л.П. Основы композиции в фотографии. М.: Высшая школа. 1983.
8. Волков-Ланнит Л.Ф. Искусство фотопортрета. М.: Искусство. 1987.

9. Кузнецова Н.А. Фотографические общества и преподавание фотографической науки в России (к. XIX в. – 20-е гг. XX в.) // IV Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Мат. рег. науч. конф. (9 апреля 2000 г.). Ставрополь, 2000.

10 Прокопенко Ю.А. Железноводск. Страницы истории. Ставрополь, 1998.

11. Каталог подвижного отдела учебных пособий Ставропольского городского музея им. Г.К. Праве. Ставрополь, 1915.

Савенко С. Н.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заместитель директора по научной работе,
кандидат исторических наук

**О юбилейных датах изучения гор Кавказа
(к 180-летию Эльбрусской экспедиции Г. А. Емануеля и
110-летию памяти А. В. Пастухова)**

2009 год отмечен рядом важных дат в истории российского альпинизма. Среди них явно выделяются, хотя и не совсем «круглые», но значимые годовщины: 180-летие первовосхождения на Эльбрус (23 июля 1829 г.), 110-летие памяти русского военного топографа и альпиниста Андрея Васильевича Пастухова (23 сентября 1899 г.) и 120-летие его восхождения на Казбек (27 июля 1889 г.). Примечательны также 180-летие восхождения на Арарат профессора Дерптского университета И.-Ф. Паррота с группой сопровождающих (сентябрь 1829 г.), 75-летие первого зимнего восхождения на Эльбрус (17 января 1934 г.). Эти даты были отмечены определенным вниманием общественности.

Широко на этот раз отмечалось 180-летие экспедиции под руководством генерала Г. А. Емануеля. Дата значилась среди знаменательных для Ставропольского края, и краткие сведения о ней приведены в «Ставропольском хронографе» на 2009 г. (1, с. 10–11). В связи с этим событием проводились юбилейная акция и восхождение на Эльбрус с севера – с поляны Емануеля – как масштабное совместное мероприятие с участием представительств ряда субъектов ЮФО, региональных структур и служб, местных общественных организаций. Кавказское Горное общество в Пятигорске посвятило всем знаменательным датам многоэтапный культурно-спортивный и научный фестиваль, к которому был приурочен и выпуск 11-го номера «Вестника КГО – Наследие» (2). Еще в 2007 г. в нальчикском издательстве М. и В. Котляровых вышла в свет интересная книга И. А. Гориславского, С. А. Зюзина и А. В. Хаширова «Первовосхождения на Эльбрус. Лето 1829 года, зима 1934 года» (3). Несмотря на то, что различных публикаций по рассматриваемой теме известно уже достаточно много, остается еще немало не полностью проясненных, слабо изученных, спорных вопросов. В нашем докладе мы затронем некоторые менее известные научно-музейные и мемориальные аспекты темы.

Приоритет России в восхождении на высочайшую вершину Кавказа и начале научного изучения Приэльбрусья, как и других высокогорных районов региона, был признан дореволюционными отечественными кавказоведами. Так, главой о покорении Эльбруса и Арарата в 1829 году заканчивается капитальный

пятитомный труд В. А. Потто «Кавказская война» (4, с. 368–396). Но поставленный под сомнение английским альпинистом Дугласом Фрешфильдом, взошедшим на Эльбрус в 1868 г. (5), факт достижения его вершины проводником экспедиции 1829 г. Киларом Хашировым продолжительное время не учитывался и советскими летописцами истории освоения кавказских вершин довоенного периода (С. А. Анисимов, В. Б. Корзун и некоторые другие). Поэтому еще в середине 1960-х годов публиковались статьи, в которых российский приоритет обосновывался. В одной из них, принадлежащей историку физической культуры и спорта Чечено-Ингушетии и Северного Кавказа А. И. Краснову, приводятся данные не только об экспедиции Емануеля, но и ее продолжительной предыстории. Особого внимания среди них заслуживают сведения о целенаправленной, но неудачной попытке восхождения на Эльбрус военного отряда под руководством генерал-майора князя Эривова в 1817 г. (6, с. 175–176). Редкие сведения об этой экспедиции из дневника о Кавказском походе Эривова, хранящиеся в рукописном фонде филиала Российской Национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге, до сих пор пока никто обстоятельно не анализировал.

Попытки максимально возможного приближения к Эльбрусу предпринимались отдельными местными жителями, в среде которых бытовало много различных легенд и поверий о высочайшей вершине Кавказа. Стремилась к нему по разным причинам и другие российские офицеры. Интересный сюжет, в частности, связан с начальником казачьих резервов на Малке, Баксане и Чегеме штабс-капитаном Нижегородского драгунского полка Якубовичем. В Святую неделю зимой 1823 г. со своей партией он дошел до самого подножья Эльбруса, с целью проверки предания о проживавших в высокогорьях семьях беглых православных раскольников (7, с. 302–303).

Экспедиция 1829 г. была военно-научной, и научная составляющая в ней преобладала. Входившие в ее состав ученые и специалисты собирали различные сведения об обследуемом районе, формировали научные коллекции образцов растений, насекомых, животных, горных пород и полезных ископаемых. Объем накопленных коллекций можно осознать на основе пока не публиковавшихся документальных данных из фондов Санкт-Петербургского филиала архива РАН. В «Деле по Кавказской экспедиции проф. Купфера, адъютанта Ленца, хранителя Зоологического музея Менетрие и Мейера 1829 г.» содержатся письма секретарю Конференции Академии наук статскому советнику и кавалеру Фусу от Кисловодского коменданта и начальника войск в Чечне и затем коменданта Кавказских Минеральных Вод генерал-майора Энгельгардта. Брат известного ученого, генерал Энгельгардт зарекомендовал себя как человек небезразличный к вопросам благоустройства, разведению парков, историко-культурному наследию

Кавминвод. На рубеже 1820–1830-х гг. он командовал войсками в Чечне и занимался там организацией судебно-административной системы. И вот, в одном из писем Энгельгардта, датированном 14.10.1829 г. (9, л. 89), сообщается следующее. Военному начальнику было направлено из Академии наук 2270 рублей ассигнациями и 30 копеек серебром для передачи их доктору Мейеру (К. А. Мейер, 1795–1858) и Менетрие (Э. П. Менетрие, 1802–1861), которые не уехали с Кавказа после завершения Эльбрусской экспедиции, а продолжили свои исследования в горах региона. В ходе этих работ Мейер «сходил на Казбек» (!?). В крепость Грозную, где в это время находился Энгельгардт, естествоиспытатели доставили «четыре сундука – один с растениями, другой с минералами и два с чучелами». Весь этот научный багаж генерал препроводил в Академию. Из другого более позднего письма от 12.03.1831 г. мы узнаем, что академики Мейер и Менетрие в ходе своих путешествий проезжали через Пятигорск (9, л. 225–225 об.).

Особый интерес для нас представляют этнографические сведения, фольклорные сюжеты и данные об археологических памятниках Приэльбрусья, собранные членами экспедиции Емануеля. Более насыщен ими отчет руководителя академической группы ученых академика Адольфа Яковлевича Купфера (1799–1865). В данном документе, состоящем из шести частей, выделялась специальная 1-я историческая часть. В русском переводе выдержки из отчета достаточно подробно привел в своей книге об Эльбрусе балкарский археолог И. М. Мизиев (10, с. 21–49). Для нас интересны сведения: о внешности, одежде, оружии, коне и т. п. черкесского князя Арслан-бека из рода Джембулата из Кабарды, о карачаевских и балкарских владетелях, о «Магомет-кургане» на плато Кинжал, рукотворных скоплениях камней в ущелье Хасаута, развалинах церкви в районе Хумары в долине Кубани и на горе напротив (Шоанский храм), старых могилах, камнях с крестами и арабскими письменами, другие этно-археологические характеристики.

Богат на историко-этнографические детали и труд венгерского участника экспедиции Яноша Кароя Беша (Жан-Шарль де Бесс, 1799 – после 1838 г.), который прибыл на Кавказ с целью поисков древней родины предков венгров мадьяр. Главы книги Беша «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Переднюю Азию и Константинополь в 1829 и 1830 гг.», первоначально отпечатанной в Париже в 1838 г. на французском языке, недавно вновь изданы в русском переводе (2, с. 29–52). В труде приводятся данные о пяти балкарских обществах и некоторых их правителях, об особенностях быта горцев, о карачаевских лошадях, абазинцах, костюме черкесов, излагается легенда о мадьярском князе, записанная со слов урусбиевского князя Мырза-кула, указываются представления о Ноевом ковчеге на Эльбрусе, говорится о курганах,

встречавшихся вдоль пути следования, дублируются сведения А. Я. Купфера о памятниках района Хумары и некоторое другое.

Этнографический смысл имеет и спорный вопрос о национальности первовосходителя Килара Хаширова. В литературе уже высказано три версии: более распространенная и основанная на формулировках документов – кабардинская, карачаевская (А. И. Мусукаев, И. М. Мизиев другие – 10, с. 59–67), вайнахская (А. А. Алексеев – 11, с. 16).

Первовосхождение на Эльбрус привело к появлению новых памятников, связанных с историей русского альпинизма (изображение креста с датой, выполненное Бернардацци на одном из камней, тур из камней на восточной вершине, выложенный Хашировым, памятная надпись на выходе скалы у границы лагеря Емануеля, памятные плиты из камня, чугуна и бронзы, грот Дианы («Эльбрус») в Пятигорске). С памятными плитами связана сложная, полностью не уясненная история. Ясно, что кроме двух чугунных плит с русским и арабским текстами о первовосхождении, отлитых на Луганском литейном заводе, были изготовлены также копиями каменные – мраморные, покрытые бронзовой краской, бронзовые (или бронзовая с русским текстом). Сейчас две плиты (бронзовая с русским текстом и чугунная с арабским) хранятся в Пятигорском краеведческом музее, чугунная с русским текстом в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте в г. Нальчике и одна каменная с арабским текстом – в павильоне под открытым небом Музея Грузии в селении Армазисхеви (2, с. 106–108; 10, с. 57–58).

Ученые изучали арабские варианты памятной надписи. В 1962 г. ученый-кавказовед Н. Г. Волкова сняла эстамп с плиты в Армазисхеви, а этнограф и арабист Л. И. Лавров – с чугунной плиты в Пятигорске. Была установлена полная идентичность текстов. Текст плиты с арабским вариантом по фотографии, посланной сотрудниками Пятигорского краеведческого музея, читал также академик из Ташкента М. Е. Массон. В фондах музея (оф. 7012) находится его заключение, представляющее определенный интерес. В нем указано, что текст выполнен почерком «наسخ» в разновидности XVIII–XIX вв., составителем которого был человек духовного звания или по крайней мере прошедший курс обучения в медресе. Первая из 16 полных строк выполнена более крупными буквами и сообщает: «Во времена султанства всей ал-Русия падишаха Никулай ал-аввал (Первого)...». Дата названа по мусульманскому летоисчислению хиджра – 1244-ый в месяце хазиран (сирийский). Для определения местоположения лагеря экспедиции используется неоднозначный термин «Дагестан», которого в русском варианте нет. Высоты приводятся в восточных мерах: место лагеря – 3427 фтут, предельное восхождение всей группы – 6726 фтут, высота Эльбруса – 6927 фтут. По всей вероятности, эти цифры так же не точны, как и российские

измерения в футах. В транскрипции собственных имен в арабском изложении много курьезов, часто неизбежных. Так, Георгий Емануэль назван «Ягур бен (сын) Имонуил», Ленц – «Линд», Менетрие – «Минитри», Вансович – «Вансовиш», Бернардацци – «Барнардатси», Бесс – «Басин-венгр». Килар назван «Келар ал-кабарзи». В арабском, как и в русском вариантах текста, содержится словосочетание «этот камень». Ученый логично полагает, что сначала надпись предполагалась на камне или была каменная плита, позже отлитая в чугуне.

110-летие со дня смерти, или День памяти известного русского военного топографа и альпиниста Андрея Васильевича Пастухова, (1858(1860)–1899) могло пройти малозаметным в нашем крае и на КМВ. По крайней мере, в хронографе знаменательных дат Ставрополя она не значилась. Но большие усилия по привлечению заслуженного внимания к дате приложили члены Кавказского Горного общества на Кавминводах. Один из дней юбилейного фестиваля прошел накануне Дня памяти – 4.10.2009 г. непосредственно на могиле Пастухова у вершины Машука в Пятигорске. Здесь заслушивались отчеты альпинистских команд Общества о приуроченных к событию и посвященные личности исследователя восхождениях 2009 г. на Казбек и Арарат, сообщения о новых архивных и литературных поисках, связанных с вехами биографии и деятельности А. В. Пастухова. Поставлен вопрос о срочной реставрации памятника исследователю. Ряд мероприятий были затем проведены и в Пятигорской центральной городской библиотеке им. А. М. Горького.

Об А. В. Пастухове уже после его ранней смерти в 1899 г. публиковались некрологи (12, с. 2–3; 13, с. 172–173; 14, с. 2; 15, с. 53–56) и газетные статьи. К подготовке одного из некрологов имел определенное отношение и юбиляр (150 лет) нынешнего года Коста Леванович Хетагуров (1859–1906), который знал Пастухова по Владикавказу и Пятигорску (См. н-р: 16, с. 18, 53–54). И в советское время исследователь и покоритель гор Кавказа не был обойден вниманием. О нем опубликовано несколько небольших книг и разделов, персоналии в энциклопедиях и справочниках, многочисленные газетные и отдельные научные статьи (17; 18; 19; 20; 21, с. 24–31; 22, с. 176–186 и др.). И все же до сих пор даже год его рождения приводится неоднозначно (1860 или 1858). Есть пробелы и в знании его небольшой, но очень насыщенной биографии. В работах он нередко называется не только топографом и альпинистом, но также и ученым, внесшим свой вклад в развитие геологии, гидрологии, ботаники, зоологии, бальнеологии, медицинской географии и других научных областей (22, с. 176; 23, с. 371–380). Кроме природоведческих специальностей, его имя соотносят с этнографией и даже археологией (24). У нас нет конкретных данных о причастности Андрея Васильевича к археологии, если не считать его внимания к археологическим объектам во время описания путей продвижения к кавказским вершинам. Так, по

пути к Эльбрусу по Баксанскому ущелью Пастухов увидел и описал остатки древнего земляного вала немного выше аула Верхний Атажукин и вблизи впадения в Баксан его левого притока – р. Гунделен. Вал перегораживал всю долину Баксана, и возле него виднелись развалины селения и старого кладбища (25, с. 625–635). А вот этнографических характеристик и фольклорных зарисовок и характеристик он оставил действительно немало, и они представляют явный научный интерес. Это было оценено еще при жизни Пастухова. В частности поэтому он стал действительным членом не только Кавказского отдела Русского Географического общества, но и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Президент последнего Д. Н. Анучин сравнил Андрея Васильевича с М. В. Ломоносовым (26, с. 141).

Особенно ценными являются развернутые данные Пастухова о происхождении и особенностях быта, хозяйственной жизни и т. п., жителей самых высокогорных селений Северного Кавказа и всей Европы – в Южном Дагестане (Куруш и ряд соседних селений) (27, с. 195–218).

Примечательны также заметки о жителях, обычаях, фольклоре Горной Осетии (27, с. 597–625), Сванетии (28, с. 22–37), Балкарии (27, с. 603–615) и некоторых других районов.

А. В. Пастухов внес свой заметный вклад в формирование научных коллекций. Освоив фотодело под руководством друга и учителя Г. И. Раева и других мастеров (29, с. 7–12), он часто первым делал фотографии вершин и высокогорных районов Кавказа. Часть авторских фото приведены в печатных работах, но многие, к большому сожалению, не идентифицированы или утрачены. Наверное, часть их «осела» в музейных собраниях бывшего Тифлиса. Хочется надеяться, что поиски в этом направлении смогут принести позитивные результаты. Андрей Васильевич собирал образцы горных пород и растений. Куда поступили многие из них, нам пока точно не известно. Но примечательно, что часть его именных гербариев 1883–1895 гг. хранятся сегодня в Дагестанском государственном университете (30). Возможно выявление и других «пастуховских» коллекций.

В качестве общего вывода из приведенных данных можно еще раз подчеркнуть большое значение названных дат не только для истории альпинизма, но и для различных аспектов научного кавказоведения, часть из которых еще нуждаются в дальнейшей разработке.

Использованная литература и источники

1. Ставропольский хронограф на 2009 год. Краеведческий сборник. – Ставрополь: СГКУНБ, 2009. – 250с. с.: илл.
2. Вестник Кавказского Горного Общества. Наследие. Выпуск № 11. – Пятигорск: КГО, 2009, VII. – VII. – 30с.

3. Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В. Первовосхождения на Эльбрус. Лето 1829 года, зима 1934 года. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. – 172с.
4. Потто В.А. Кавказская война. Время Паскевича, или бунт Чечни. Репринт. – Ставрополь: «Кавказский край», 1994. - 400 с.
5. Фрешфильд Д. Исследования Кавказа: Извлечения/ Перевод с английского И. Гориславского. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. – 92 с.
6. Краснов А.И. О приоритете покорения Эльбруса нашими соотечественниками// Труды ЧИНИИИЯЛ. Т. VI, выпуск 1, история. – Грозный, 1965.
7. Кавказ и его герои / сост. Ив. Захарьин. – СПб., 1901.
8. Боглачев С.В., Савенко С.Н. Архитектура старого Кисловодска. – Пятигорск: ООО Издательство «СНЕГ», 2006. – 512 с. с илл.
9. Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Ф-2, оп.1 – 1829. № 4, л. 89.
10. Мизиев И.М. Следы на Эльбрусе. Из истории горного туризма и отечественного альпинизма). – Карачаевск: КЧГПУ, 2000. – 176 с.
11. Алексеев А.А. Эльбрус и его отроги. Спортивные туристские маршруты. – М.: Издатель И.В. Балабанов, 2002. – 176 с.: илл.
12. В.В. (возможно, В.В. Величко). А.В. Пастухов// «Кавказ». 1899, 25.09, № 251.
13. А.В. Пастухов (некролог)// «Землеведение». 1899. Кн. 4.
14. А.В. Пастухов (некролог)// «Терские ведомости». 1899. 10.10, № 116.
15. Пагирев Д.Д. А.В. Пастухов (некролог)// Известия КОИРГО. Т. 13, вып. 2. Тифлис, 1900.
16. Хачиков В.А. Счастливые дни. Коста Хетагуров и Пятигорск. К 145-летию. – Пятигорск: Пятигорский институт экономики и управления. Центр кавказоведения, 2004. – 96 с.: 35 илл.
17. Симонов Е.Д. Военный топограф Андрей Пастухов// Победенные вершины. Ежегодник советского альпинизма. – М., 1949.
18. Никитин П.Н., Вайнберг В.В. Андрей Васильевич Пастухов: военный топограф и альпинист. – М.: Геодезиздат, 1956. – 96с.: илл.; 1 л. карт.
19. Гаустов И.К. Отважный исследователь-альпинист. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1957. – 56 с.: илл. 2-е изд. – Ставрополь, 1969. – 96 с.
20. Чумаков С.В. Приют Пастухова. – М.: Физкультура и спорт, 1977.
21. Фролов Я. Андрей Васильевич Пастухов// К седовласым вершинам Кавказа. Воспоминания альпинистов. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1962.
22. Субаева В.П. Андрей Васильевич Пастухов (к 100-летию со дня смерти)// Ставропольский хронограф на 1999 год. Краеведческий сборник. – Ставрополь: СГКУНБ, 1999.
23. Феоктистова Л.А. Эльбрус в двух восхождениях А.В. Пастухова// Материалы по исследованию Ставропольского края. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1988.
24. Деркульский государственный конский заводъ. Страницы истории/ Страница шестая. Родина первого русского альпиниста. Ресурсы Интернет: belovodsk.lg.ua/fab_06.html.
25. Пастухов А.В. Казбек и Эльбрус// Еженедельное литературное приложение журнала «Нива». 1897, № 7.
26. Шевченко Г. Каждый день – маленькая вечность// На земле предков. Страницы истории Кавказских Минеральных вод. – Пятигорск: Северо-Кавказское изд-во «Мил», 2003.
27. Пастухов А.В. Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шах-Даг// Записки КОИРГО. Книжка XVI. – Тифлис, 1894.
28. Пастухов А.В. Сообщение о восхождении на Эльбрус 31 июля 1890 года// Записки КОИРГО, Книжка 15. 1893.
29. (Польской Л.Н.) Андрей Васильевич Пастухов. Историко-биографическая справка// Записки Пятигорского отдела Геграфического общества СССР. – Вып.7. Пятигорск, 1975 (машинопись). Научная библиотека Пятигорского краеведческого музея. № 31996.
30. Научный гербарий Республики Дагестан. ДГУ, биологический факультет. Махачкала, ул. Гаджиева, 37.

Смирнова И. В.,
г. Изобильный,
Музей истории Изобильненского района,
директор

Жизнь в искусстве Николая Маслова

Николай Петрович Маслов – человек, стоявший у истоков музея истории Изобильненского района, большой друг и помощник музея. И был им всегда до последних дней своей жизни.

Николай Петрович Маслов родился 4 января 1933 года в селе Труновском. Отец, Петр Макарович – крестьянский сын из многодетной семьи, окончил всего один класс церковно-приходской школы, работал в колхозе. Участвовал в строительстве Невинномысского канала, в годы Великой Отечественной войны сражался на Малой земле.

Мать, Екатерина Григорьевна, была совершенно неграмотна, из очень бедной семьи батрака. Отличная хозяйка, великолепно ткала и шила. Хозяйство вела экономно и разумно. По характеру была строгая, даже порой суровая. Дети, а их было трое, беспрекословно ее слушались.

Николай Петрович учился в Труновской средней школе и окончил 10 классов в 1951 году. Рисованием увлекся еще в школьные годы, в 5-м классе. Огромное желание рисовать появилось у девятиклассника Николая в 1949 году, когда в школьном коридоре он увидел картину Федора Долженко, учащегося из села Донского. Н. Маслов поехал в Донское, познакомился с автором картины. С того момента и началась их дружба, которая продолжалась в течение пятидесяти лет и способствовала особенно теплым отношениям сотрудников музеев Изобильного и Донского.

Николай Маслов и Федор Долженко поехали учиться в Краснодарское художественное училище, вместе ушли через год по одной причине: жить и учиться было не на что. Пути-дороги разошлись, а дружба и любовь к живописи остались.

Николай Маслов в 1952 году поступил в Киевское ордена Ленина краснознаменное артиллерийское училище им. С. М. Кирова, которое окончил в 1954 году. Далее продолжил обучение на курсах усовершенствования офицерского состава зенитной артиллерии в городе Симферополе. С 1955 по 1959 год проходил службу в городе Орджоникидзе.

В 1964 году окончил Пензенское высшее артиллерийское инженерное училище. Затем служил инженером-конструктором в городе Дзержинске Горьковской области и в городе Рыбинске Ярославской области, в Центральном

конструкторском бюро. В апреле 1979 года уволился из рядов Советской Армии в запас.

Военная служба забрасывала Николая Петровича то в среднюю полосу России: Рыбинск, Воронеж, то на Волгу: в Горький, Ульяновск, то в Киев, то на Кубань. Добросовестно выполняя армейскую службу, каждую свободную минуту отдавал своему любимому делу – живописи. Сотни этюдов, десятки картин – все это рождалось с большой любовью к Родине, ее тревогам и надеждам, радостям и печалям. Обширна география его произведений: от тихой красоты Карелии до синюющих гор Кавказа, от просторов средней полосы России до крутых берегов уральских рек и степного Ставрополя.

В Изобильный Н. П. Маслов приехал в 1975 году. Принимал участие в оформлении районного историко-революционного музея трудовой и боевой славы. А когда музей переехал в новое помещение, с 1991 по 1993 годы работал музейным смотрителем, совмещая эту должность с работой художника-оформителя. Его руками выполнена значительная часть музейных экспозиций.

В 1989 году музей получил в дар от Н. П. Маслова 30 живописных работ. В основном это пейзажи. В 1995 году художник передал музею еще 60 картин. Позже коллекция пополнилась новыми работами художника. В настоящее время в фондах музея истории Изобильненского района более 100 работ Н. Маслова.

Николай Петрович активно участвовал в художественных выставках. Впервые принял участие в выставке работ самодеятельных художников в 1963 году в городе Пензе. Первая персональная выставка работ Н. Маслова была организована в 1966 году в городе Дзержинске Горьковской области. Затем были выставки в городе Рыбинске Ярославской области – в 1971, 1972, 1978 годах; в городе Липецке – в 1973 году; в селе Донском Труновского района – в 1981 году; в городе Изобильном – в 1981, 1983, 1995, 2003 годах. Работы Н. П. Маслова экспонировались на всероссийских, областных, краевых, районных и городских выставках самодеятельных художников. За успехи в области самодеятельного изобразительного творчества Н. П. Маслов неоднократно награждался дипломами, почетными грамотами и ценными подарками.

В рамках празднования 100-летия города Изобильного в сентябре – октябре 1995 года в музее состоялась персональная выставка Н. Маслова «Пою мое Отечество», на которой было представлено около 100 работ художника.

В 2001 за участие в краевой выставке «Художественная палитра России», посвященной 60-летию краевого Дома народного творчества, Н. Маслов награжден памятным дипломом.

«Жизнь в искусстве Николая Маслова» – так называлась персональная выставка в 2003 году в музее истории Изобильненского района, посвященная 70-летию со дня рождения автора. Живопись, графика, фотография, прикладное

искусство – все это было представлено на выставке. Мастер на все руки, «тысячеискусник», как говорят в народе.

Живопись. Пейзажи Н. Маслова разных лет и разных мест – это объяснение в любви родной земле, ее просторам, лесам, озерам и полям. Художник, по профессии кадровый военный, которого куда только ни бросала судьба, и нас приобщает к этой бескорыстной любви.

Две картины – «След варвара» и «Фабрика бытовой химии» – это рассказ о незащищенности природы, призыв к людям: «Спасите красоту!». В фондах нашего музея хранится конспект беседы капитана Маслова «Берегите природу!», прозвучавший в радиопередаче 28 декабря 1967 года.

Графика. Графические зарисовки Н. Маслова публиковались в газете «Советская Россия», краевой газете «Родина».

К своей персональной выставке, проходившей в 2003 году, Николай Петрович выполнил несколько графических работ. Одна из них – «Победотворец», где маршал Г. Жуков изображен на белом коне. Именно таким предстал он на Параде Победы.

В начале сентября 2006 года к Маслову обратился поэт из станицы Староизобильной Иван Лаврентьевич Блохин с просьбой исполнить несколько рисунков для его нового, уже шестого по счету, сборника стихов «Алтарь наших душ». С этой задачей Николай Петрович успешно справился в очень короткие сроки. Издание сборника планируется на 2010 год.

Фотография. Николай Петрович Маслов начал заниматься фотоделом, будучи учеником 8 класса Труновской школы, в фотокружке под руководством учителя физики и математики Н. Ф. Завгороднего. Самостоятельно занимался этим с 1951 года, когда у него появился собственный фотоаппарат. Сначала – «Любитель», а затем «Зоркий». С 1975 года стал снимать фотоаппаратом «Зенит-Е», пользуясь фотовспышкой, фотоэкспонометром, насадочными линзами и светофильтрами. С приобретением фотоувеличителя «УПА-6» с автоматической и ручной фокусировкой стал заниматься изготовлением черно-белых фотографий: пейзажей и портретов больших размеров, используя фотобумагу рулонного типа.

С 2002 года Маслов являлся членом Изобильненского фотоклуба «Анфас». Участник и призер в двух номинациях I-го районного фотоконкурса и фотовыставки «А жизнь продолжается», посвященных Дню Победы; краевого фотоконкурса и фотовыставки «Мое Ставрополье – 2002», II-го районного фотоконкурса и фотовыставки «Земля и люди», посвященных Дню города Изобильного.

Декоративно-прикладное искусство. В 1970 году, к 100-летию со дня рождения Ленина, в Москве проходила Всероссийская выставка самодеятельного искусства. К ней Николай Петрович выполнил портреты Карла Маркса и

Владимира Ильича Ленина методом инкрустации из коры деревьев различных пород: сосны, ели, березы, осины, черемухи и клена. Когда забирали работы с выставки, выяснилось, что исчез портрет Ленина. Поначалу Маслов очень расстроился. Но потом решил, что если работа кому-то понравилась, старания художника не напрасны.

Николай Петрович щедро одаривал своих родных и друзей подсвечниками из виноградной лозы. Двух одинаковых подсвечников нет и не может быть! Ведь художник взял в соавторы саму Природу. А у нее – непревзойденная фантазия. Каждый человек может увидеть в них то, что подсказывает его воображение.

Участие в общественно-политической жизни. Николай Петрович принимал активное участие в общественно-политической жизни Изобильненского района. С 1959 года – член КПСС, он до конца жизни остался верен своим убеждениям. В 1966 – 1968 годах учился в вечернем Университете марксизма-ленинизма при Горьковском Доме офицеров, получив высшее политическое образование и диплом с отличием.

Являлся доверенным лицом кандидата в депутаты Совета города Изобильного Николая Гончарова в 2006 году. Был избран делегатом на 53-ю Изобильненскую районную конференцию КПРФ от партийной организации № 1 и 36-ю Ставропольскую краевую конференцию КПРФ. Был внештатным корреспондентом газеты «Родина» Ставропольской краевой организации КПРФ. 17 лет, до 1999 года, Николай Петрович был народным заседателем Изобильненского районного народного суда. Маслов был членом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Николай Петрович часто заходил в музей и радостно восклицал: «Девчата, а я к Вам с пропуском!», которым являлись уникальные старинные вещи, интересные вырезки из газет и журналов.

Николай Петрович охотно встречался в музее с учащимися общеобразовательных и художественной школ, принимал участие во всех музейных мероприятиях.

Трудовые и творческие достижения Николая Петровича неоднократно отмечены дипломами и грамотами. В 2004 году, в честь 25-летия музея истории Изобильненского района, Н. П. Маслов был награжден грамотой главы Изобильненской районной государственной администрации.

Всю свою жизнь Николай Петрович придерживался принципа: любую работу делать красиво, с душой. Если сделать быстро, но плохо, люди скоро забудут, что ты сделал быстро, и будут долго помнить, что ты сделал плохо. Если же сделать медленнее, но хорошо, люди забудут, что ты делал немного дольше, но будут помнить, что ты сделал хорошо!

В салоне голубого «Москвича», на котором по городу и району ездил Маслов, была прикреплена табличка с надписью: «Спешите делать добро!». Таков был девиз художника, который и поныне живет в его наполненных светом и любовью картинах и фотографиях.

Используемая литература и источники

1. ГУК «Музей истории Изобильненского района», город Изобильный. Ф.11 ед.хр.12
2. ГУК «Музей истории Изобильненского района», город Изобильный. Ф.11 ед.хр.15
3. ГУК «Музей истории Изобильненского района», город Изобильный. Ф.11 ед.хр.19
4. Книги отзывов музея истории Изобильненского района. 1979–2005 гг.

Состин Д. И.,
г. Ставрополь,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России,
доцент,
кандидат исторических наук

Революции 1917 г. на страницах ставропольской периодической печати

Из всего массива источников, освещающих революции 1917 г. в России, важное место занимает периодическая печать. Ее изучение позволяет проследить динамику революционных событий, проанализировать общественно-политическую обстановку в центре страны и на местах, почувствовать настроения, идеи, тенденции общественного сознания в столицах и провинции.

Февральская революция 1917 г., устранившая самодержавие, как известно, ознаменовалась небывалой политической активностью российского общества. В стране стремительными темпами шло формирование многопартийности. По имеющимся данным, в марте – октябре 1917 г. в стране действовало не менее 100 различных партий и организаций, а их общая численность превышала миллион человек. В послефевральский период в России начали выходить десятки новых газет. Только в Петрограде в первые дни Февральской революции 1917 г. выходило свыше 70 газет различных направлений, а также коммерческих и дешевых народных газет.

Периодическая печать Ставрополя в рассматриваемое время была представлена газетами «Северокавказский Край», «Северокавказское слово», которые издавались с участием социалистов-революционеров, действовавших в губернии с 1906 года, а также «Ставропольские губернские ведомости», выходившие с 1850 по 1917 год.

Переходя к обзору революционных событий 1917 г. на страницах ставропольских газет данного периода, следует отметить отсутствие в них впервые месяцы Февральской революции ярко выраженной партийности. Издававшаяся ставропольским Советом солдатских депутатов газета «Заря свободы» только с декабря 1917 г. стала партийным органом большевиков.

Среди газет, включавших основной информационный поток, касавшийся периода февраль – октябрь 1917 г., были газеты «Северокавказское слово», «Северокавказский Край», ставшие к осени 1917г. печатным органом губернского комитета партии социалистов-революционеров. Публикации, анализ событий на страницах «Северокавказского Края» в межреволюционный период позволяют заметить господствующие среди населения губернии взгляды и настроения. Они свидетельствуют, что самым сложным, волнующим вопросом общественного

сознания населения не только всей России, но и Ставрополя, в частности, была проблема власти. При этом из печатных сообщений видно, что никаких серьезных происшествий в Ставропольской губернии за период от февраля к октябрю 1917 г. не было. Крестьянские съезды и заседания различных Советов, первомайские демонстрации и другие события не выходили за рамки дозволенности.

Население губернии поддерживало умеренных социалистов, которые имели большинство в Советах, Крестьянских Союзах. Это видно из резолюций крестьянских губернских съездов, проходивших в Ставрополе с апреля по декабрь 1917 года. Как отмечалось в одном из номеров газеты «Северокавказское слово», крестьяне вступали в партию эсеров целыми депутатскими группами (1). Эсеровским по духу и по партийности был Ставропольский крестьянский Союз, сформировавшийся в апреле 1917 г. (2).

Эсеровское руководство Советов в целом поддерживало политику Временного правительства по коренным социально-экономическим вопросам, в том числе аграрному, готовилось к назначенным на ноябрь 1917 года в губернии выборам. 6 ноября 1917 года общее собрание служащих губернского земства обсудило положение, создавшееся в стране после второго съезда Советов в Петрограде, передавшего всю полноту власти Советам, и приняло постановление, в котором говорилось: «Решительно осудить попытку большевиков вооруженным восстанием, сопровождавшимся насилием, убийствами и бессмысленным вандализмом, навязать свою волю незначительного меньшинства всему народу, накануне выборов в Учредительное собрание. Решительно протестовать против свержения всенародно признанного Временного правительства. Протестовать против подавления свободы слова, превосходящего в своих проявлениях худшие приемы самодержавия и т. д.» (3). В условиях нарастания экономического и политического кризиса во всероссийском масштабе население Ставрополя желало установления твердой власти и управления. Об участии населения Ставропольской губернии в подготовке к Учредительному собранию писали местные газеты, помещая на своих страницах в отдельных случаях крестьянские указы различных сельских сходов (4). Во многих уездах губернии создавались сельские Советы как органы народного представительства. Как отмечалось в одном из газетных номеров, читаемых в губернском центре, – «Крестьяне проявляли к Советам живейший интерес, интересовались программами политических партий...» (5). На демократической волне в Ставропольской губернии в ноябре 1917 г. прошли выборы в Учредительное собрание, которые нашли отражение в губернской прессе. В результате по всем уездам, включая город Ставрополь, большинство голосов получили эсеры (88,8 %) (6).

Между тем, судьба демократии на Ставрополье была предрешена. Значительно укрепившие свои позиции в декабре 1917 года большевики,

опиравшиеся на солдат местного гарнизона, взяли курс на переход власти к Советам. Большевики не имели численного превосходства в общественных и партийных организациях губернии, однако в организационном отношении отличались сплоченностью, дисциплиной и оперативностью в быстро меняющейся политической обстановке. После бурных обсуждений вопроса о власти в Ставропольской губернии на четвертом губернском крестьянском съезде, проходившем 29 декабря 1917 года в Ставрополе с участием большевистски настроенных солдат, на съезде была принята по сути большевистская резолюция: «Всю власть в губернии передать, как в центре, так и на местах, Советам крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, впредь до открытия учредительного собрания с защитой этого права с оружием в руках». Далее большевики влились в работу Народного собрания, которое проходило одновременно с губернским крестьянским съездом под влиянием так называемой «объединенной демократии» меньшевиков и эсеров. Большевики оттеснили «объединенную демократию» от руководства Собранием. В результате было принято постановление, гласившее: «Организовать в губернии власть Советов рабочих и крестьянских депутатов» (7).

Итак, периодическая печать Ставрополя зафиксировала интересную в рамках событий 1917 г. информацию, изучение которой поможет увидеть некоторые особенности общественно-политической, культурной жизни региона между революциями 1917 г. Благодаря этим источникам мы можем приблизиться к прошлому, определить место и роль различных слоев ставропольского общества в революциях 1917 г., увидеть деятельность политических партий, видных представителей местной интеллигенции, понять драматизм, остроту того времени.

Использованная литература и источники

1. Северокавказское слово. 1917. 28 апреля, 25 июля.
2. Северокавказское слово. 1917. 15 апреля.
3. Северокавказское слово, 1917. 17 ноября.
4. Северокавказское слово, 1917. 17 декабря.
5. Северокавказское слово, 1917. 19 сентября.
6. Северокавказское слово, 1917. 2 декабря
7. ГАСК, ф.65, оп.1, д.4, л.60, 225.

Шевченко Н. Е.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
младший научный сотрудник;

Белоус В. Н.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный университет,
доцент кафедры ботаники,
кандидат биологических наук,

Флористические и фитоценотические особенности коренных лесов верховьев реки Егорлык

Под коренными лесами мы понимаем леса, длительное время произрастающие на одном месте без смены породного состава и развивающиеся почти без влияния человека. Коренные леса долговечны, способны к самовозобновлению, состоят из древесных пород, биологические свойства которых наиболее полно соответствовали в прошлом и соответствуют в настоящем климату, почвам, водному режиму и лесорастительной зоне. Коренные леса образованы основными лесообразующими породами – буком, дубом и др.

Коренные лесные сообщества верховьев реки Егорлык, общей площадью 3282 га, располагаются в южной части Ставропольской возвышенности, на границе Шпаковского и Кочубеевского районов. Рельеф данной территории сильно расчлененный и разделяется на морфологически различные южную и северную части. Южная часть непосредственно входит в водораздельную гряду между Кубанью и Егорлыком. Она имеет относительно узкий уплощенный вершинный гребень с абсолютными отметками 800–830 м, поднимающимся на северо-запад и юго-восток к истокам р. Егорлык. На западе территории от водораздельной гряды ответвлен широтный отрог с волнистым гребнем, понижающимся к долине р. Кубань (Савельева, 1999). Климат района исследования отличается аномальностью на общем фоне умеренно-континентального климата южных районов Ставропольской возвышенности (Шальнев, Гостищев, 1966, 1974). Постоянные водотоки формируются на северном, западном и восточном склонах г. Стрижамент, в ее залесенной части. К ним относятся верховья р. Темной и ручья балок Холодной и Сухой. Все постоянные водотоки относятся к бассейну верхнего течения р. Егорлык и не превышают в длину 5–6 км. Главную роль в их питании играют атмосферные воды, в связи с чем режим ручьев непостоянный (Савельева, 1998). Зональными типами почв являются черноземы, серые и бурые лесные почвы, представленные большим количеством модификаций. Сильная расчлененность рельефа и

неоднородный режим увлажнения территории района исследования создают условия для формирования здесь уникальных растительных сообществ, отличающихся большим флористическим и фитоценотическим разнообразием.

Материал и методика

Исследование проводилось методом закладки трансекты от нижней границы леса на горе Стрижамент до плакора на вершине горы.

Видовая и систематическая принадлежность определялась по сводкам Черепанова (1995), Галушко (1978, 1980), Губанова, Киселевой, Новикова (2002, 2004), Гроссгейма (1939–1967), Маевского (2006), Косенко (1970) и др.

Уровень синантропизации растительных сообществ определяли по доле участия в их составе синантропных видов (Горчаковский, Абрамчук, 1983; Горчаковский, 1984).

Для изучения обилия и установления динамики численности видов использовали шкалу Друде (Скользнева, Кирик, 2003).

Доминантами по обилию считались виды, участие которых в фитоценозах составляло 10% и более.

Для классификации лесных сообществ в качестве вспомогательной единицы использовали понятие «ассоциации» в рассмотрении Соколова (1962) и Сабурова (1972). Категории ассоциаций выделяли по видовому составу доминирующих древесных пород и соотношению эколого-фитоценологических групп видов, связанных с условиями местообитания.

Фитогеографический анализ флоры исследуемого района основывался на системе географических элементов, разработанной Портниером (1993, 2000) и дополненной Ивановым (1998). Эта система наиболее объективно отражает тенденцию распространения флоры, а также позволяет проанализировать закономерности распределения видов и их географические связи.

В основу биоморфологического анализа положена классификация жизненных форм Раункиера (1905), которая рассматривает жизненную форму как приспособление растений к переживанию неблагоприятных времен года. Из всего комплекса адаптивных признаков им выбран лишь один – положение и способ защиты почек возобновления у растений в течение неблагоприятного времени года по отношению к поверхности почвы.

Результаты исследования.

Во время флористических и фитоценологических исследований лесных сообществ верховьев реки Егорлык нами было заложено 4 трансекты перпендикулярно вершине горы Стрижамент. Исходя из этого, все лесные сообщества района исследования были разделены на четыре группы в зависимости от склона, на котором закладывалась трансекта.

I. Восточный склон. Трансекта была заложена от пос. Липовчанского (479 м н.у.м.; 44°49' 34" с.ш. – 42°47' 44" в.д.) до вершины на горе Стрижамент (544 м н.у.м.; 44°49' 23" с.ш. – 42°39' 08" в.д.). Лесные сообщества данной территории представлены тремя основными типами ассоциаций.

1. *Ясенево-кленово-дубовая ассоциация (Fraxinus excelsior+Acer campestre+Quercus robur)* (табл. 1) располагается у подножья пологого склона, расчлененного немногочисленными водотоками. Почвы данной территории относятся к маломощным слабовыщелоченным черноземам, переходящим в типичные черноземы на окраине леса. Толщина мертвой подстилки колеблется от 2–3 см на опушках леса до 5–10 см под пологом древесно-кустарниковой растительности. В составе экоэлементов доминируют мезофиты (46,9 %) и ксеромезофиты (21,3 %). Сообщество в небольшой степени затронуто синантропизацией (16,5 %). Средняя сомкнутость древесного яруса 0,96 – 0,98. Кроме характерных лесообразующих пород, в примеси присутствуют *Acer tataricum*, *Crataegus tomogyna*, *Pyrus caucasica* и *Ulmus minor*.

Ярус подлеска выражен слабо и представлен следующими видами: *Euonymus europaea*, *Sambucus nigra*, *Ligustrum vulgare*, *Lonicera caprifolium*, очень редко встречается *Sambucus herbaceae*.

Травяной покров в данном сообществе распространен достаточно неравномерно, с наибольшим проективным покрытием (80–85 %) на лесных окнах и опушках. Наибольшее распространение присуще: *Brachypodium sylvaticum*, *Geranium robertianum*, *Chelidonium majus*, *Urtica dioica*, *Lamium album*, *Festuca altissima*, *Galium aparine*, *Geum urbanum*, *Glechoma hederaceae*, *Euphorbia squamosus*, *Lapsana communis*, *Sanicula europaea*, *Viola alba* и *V. odorata*. Для данного типа лесных сообществ характерно большое распространение в осенний период на корнях древесно-кустарникового яруса паразитирующих представителей рода *Orobanche*.

2. *Ясневая ассоциация (Fraxinus excelsior)* (табл. 1) распространена на крутых склонах надпойменной террасы верховьев реки Егорлык. Почвенный покров представлен малогумусовым щебенчатым черноземом, подверженным среднему смыву временными водотоками. Толщина мертвой подстилки от 1–2 см на поверхности склонов до 5–8 см в микропонижениях, где происходит скапливание растительной мортмассы благодаря ее наносу временными водотоками. Среди экоэлементов преобладают представители группы мезофитов (46,7 %). Уровень синантропизации очень низкий (13,4 %). Сомкнутость древесного яруса 0,85–0,90, благодаря чему здесь широко распространены светолюбивые растения. В примеси присутствуют *Acer tataricum*, *Crataegus tomogyna*, *Pyrus caucasica*.

Подлесок выражен слабо и представлен главным образом *Euonymus euripaea*, *Sambucus nigra*, *Lonicera caprifolium*.

Травостой характеризуется слабым проективным покрытием (60–75 %), что является следствием деятельности временных водотоков. Характерными видами травянистого покрова являются *Dactylis polygama*, *Milium vernale*, *Geum urbanum*, *Erysimum aureum*, *Urtica dioica*, *Lamium album*, *Glechoma hederaceae*, *Euphorbia squamosus*, *E. micranthus*, *Ornithogalum arcuatum*, *Crocus speciosus*.

3. Ясенево-клено-боярышниковая ассоциация (*Fraxinus excelsior*+*Acer platanoides*+*Crataegus monogyna*) (табл. 1) занимает верхний участок надпойменной террасы реки Егорлык, переходящий от крутых склонов к пологим, выровненным участкам со слаборасчлененным рельефом. Толщина мертвой подстилки (3–6 см) распределена по участку равномерно. Почвенный покров представлен маломощными среднесмытыми черноземами, сформированными на щебнисто-глинистой коре выветривания. Среди экоэлементов преобладают мезофиты (49,8 %) и ксеромезофиты (16,2 %). Уровень синантропизации низкий (12,9 %). Сомкнутость древесного яруса распределена достаточно равномерно, со средним показателем 0,96–0,98. В примеси встречаются *Quercus petraea*, *Q. robur*, *Ulmus minor*, *Pyrus caucasica* и *Acer campestre*.

Ярус подлеска повсеместно выражен хорошо и представлен следующими видами: *Swida australis*, *Euonymus euripaea*, *Sambucus nigra*, *Rubus caesius*, *Ligustrum vulgare*, *Lonicera caprifolium*.

Травостой высокий, густой, равномерно сомкнутый, со средним проективным покрытием 90–95 %. Он разделен на три подъяруса.

Первый подъярус (высота 100–150 см) включает следующие виды: *Heracleum mantegazzianum*, *Urtica dioica*, *Serratula quinquefolia*, *Vincetoxicum scandens*, *Anthriscus sylvestris* и др.

Наиболее выраженными в травостое являются растения второго подъяруса (50–90 см), и представлены они следующими видами: *Geum urbanum*, *Lamium album*, *Lapsana communis*, *Solenanthes biebersteinii*, *Dactylis polygama*, *Brachypodium sylvaticum*, *Polygonatum ovatum* и др.

Третий подъярус (до 40 см) слагают преимущественно растения мелкотравья – *Aethusa cynapium*, *Albovia tripartite*, *Physalis alkekengi*, *Corydalis marschalliana*, *C. caucasica*, *Scilla sibirica*, *Dentaria quinquefolia*, *Veronica hederifolia*, *Symphytum asperum*, *Poa nemoralis*, *Crocus speciosus* и др.

Таблица 1

Характеристика древесного яруса восточного склона горы Стрижамент

Древесная порода	Ассоциации		
	Ясенево-кленово-дубовая	Ясеновая	Ясенево-кленово-боярышниковая

	Средняя окружность, см	Средняя высота, м	Средняя окружность, см	Средняя высота, м	Средняя окружность, см	Средняя высота, м
<i>Fraxinus excelsior</i>	89,7	28-30	79,3	25-26	82,6	28-30
<i>Quercus robur</i>	156,3	25-27	-	-	123,7	28-30
<i>Quercus petraea</i>	-	-	-	-	118,3	30-32
<i>Acer campestre</i>	83,1	20-23	-	-	64,2	25-26
<i>Acer platanoides</i>	-	-	-	-	41,6	25-27
<i>Acer tataricum</i>	12,6	3-3,5	12,1	1,5-2	-	-
<i>Crataegus momogyna</i>	37,1	17-20	42,9	17-18	42,1	20-22
<i>Ulmus minor</i>	43,2	17-20	-	-	31,2	24-26
<i>Pyrus caucasica</i>	31,6	20-22	26,3	15-16	42,4	17-18

II. **Северный склон.** Трансекта проходила в 3 км юго-западнее ст. Темнолесской (592,5 м н.у.м; 44°50' 32" с.ш. – 44°59' 20" в.д.), от северной окраины леса до большой поляны на вершине горы Стрижамент (774 м н. у. м.; 44°49' 50" с.ш. – 41°59' 26" в.д.). Здесь было выделено три типа ассоциаций лесных сообществ.

1. *Ясенево-кленовая ассоциация (Fraxinus excelsior+Acer platanoides)* (табл. 2) занимает выровненные участки на северной окраине лесного массива. Мертвая растительная подстилка распределена достаточно равномерно, со средней толщиной 3–4 см. Почвенный покров представлен маломощными щебнистыми черноземами с легким механическим составом. Среди экоэлементов преобладают мезофиты (36,8 %) и ксеромезофиты (19,1 %). Уровень синантропизации невысок (23,7 %). Сомкнутость древесного яруса распределена равномерно и составляет в среднем 0,92–0,95. В древостое в качестве примеси присутствуют: *Acer negundo*, *Prunus spinosa*, *Crataegus pentagyna*, *Ulmus minor*.

Ярус подлеска представлен четырьмя видами кустарников со средней сомкнутостью 0,4–0,6. Доминантами выступают *Euonymus europaea*, *Swida australis*, *Sambucus nigra*, в примеси очень редко встречается *Viburnum opulus*.

Травостой выражен достаточно хорошо, но отличается неравномерным распределением проективного покрытия от 35–45 % под пологом древесно-кустарниковой растительности до 86–95 % на лесных окнах. Наиболее распространенными видами здесь являются *Dactylis polygama*, *Festuca altissima*, *Brachypodium sylvaticum*, *Carex sylvatica*, *Scilla sibirica*, *Polygonatum ovatum*, *Lapsana communis*, *Urtica dioica*, *Heracleum mantegazzianum*, *Anthriscum sylvaticum* и др.

2. *Ясенево-клено-грабовая ассоциация (Fraxinus excelsior+Acer platanoides+Carpinus caucasica)* (табл. 2) расположена в нижней части круто

поднимающегося северо-восточного склона горы. Рельеф склона имеет характерную волнистую поверхность, сильно расчлененную многочисленными балками, временными и постоянными водотоками. Толщина мертвого растительного опада распределена неравномерно, изменяясь от 1–2 см на склонах подъема до 7–10 см в микропонижениях и балках водотоков. Почвенный покров представлен слабощелочными маломощными черноземами, переходящими в темно-серые лесные почвы. Среди экоэлементов преобладают мезофиты (48,6 %). Уровень синантропизации низкий (16,1 %). Сомкнутость древесного яруса достаточно равномерна (0,95–0,96). Кроме основных древесных пород, в примеси встречаются *Quercus robur*, *Q. petraea*, *Ulmus minor*, *Tilia caucasica*, *Acer campestre*, *Fagus orientalis*, *Cerasus avium* и *Pyrus caucasica*.

Подлесок выражен очень хорошо и представлен шестью видами кустарников: *Sambucus nigra*, *Ligustrum vulgare*, *Lonicera caprifolium*, *Swida australis*, *Euonymus europaea*, в примеси очень редко встречается *Viburnum opulus*.

Травяной покров распределен достаточно равномерно, с общим проективным покрытием 70–80 %. Наиболее характерными видами являются *Festuca altissima*, *Dactylis polygama*, *Milium vernale*, *Urtica dioica*, *Polygonatum ovatum*, *P. glaberrimum*, *Geum urbanum*, *Anthriscum sylvestre*, *Aethusa cynapium*, *Sanicula europaea*, *Hesperis matronalis*, *Glechoma hederaceae*, *Geranium robertianum*, *Chelidonium majus* и др.

3. Ясенево-грабово-дубовая ассоциация (*Fraxinus excelsior*+*Carpinus caucasica*+*Quercus petraea*) (табл. 2) – занимает часть территории «Каменного хаоса», представляющего собой нагромождение каменных глыб ракушечника-известняка. Конденсация атмосферной влаги на каменных глыбах и близкое расположение к поверхности грунтовых вод дает возможность для развития здесь влаголюбивой растительности. Толщина (5–7 см) мертвой растительной подстилки достаточно равномерно распределена по участку. Почвенный покров представлен темно-серыми лесными и маломощными черноземными почвами. Среди экоэлементов преобладают мезофиты (41,3 %) и гигромезофиты (14,6 %). Уровень синантропизации очень низкий (9,2 %). Общая сомкнутость древесного яруса 0,97–0,99. В сложении древесного яруса, помимо основных лесобразующих пород данной ассоциации, значительную роль играет *Fagus orientalis* и *Acer campestre*. В примеси также встречаются *Tilia caucasica*, *Acer platanoides*, *Ulmus suberosa*, *Pyrus caucasica* и *Prunus divaricata*.

Подлесок слабо выражен и представлен тремя видами кустарников: *Sambucus nigra*, *Euonymus europaea* и *Lonicera caprifolium*.

Травяной покров густой, равномерно сомкнутый и сформирован главным образом за счет тенелюбивой растительности; общее проективное покрытие 65–75 %. Наиболее распространенными видами являются *Driopteris filix-mas*, *Phyllitis*

scolopendrium, Geum urbanum, Geranium robertianum, Sanicula europaea, Chelidonium majus, Brachypodium sylvaticum, Carex sylvatica, Allium ursinum, Serratula quinquefolia, Pulmonaria mollissima и др.

Таблица 2

Характеристика древесного яруса северного склона горы Стрижамент

Древесная порода	Ассоциации					
	Ясенево-кленовая		Ясенево-кленово-грабовая		Ясенево-грабово-дубовая	
	Средняя окружность, см	Средняя высота, м	Средняя окружность, см	Средняя высота, м	Средняя окружность, см	Средняя высота, м
<i>Fraxinus excelsior</i>	112,3	28-30	102,3	28-30	98,1	26-27
<i>Quercus robur</i>	-	-	129,2	28-30	116,7	27-28
<i>Quercus petraea</i>	-	-	156,2	28-29	125,3	27-28
<i>Acer campestre</i>	86,3	25-26	85,5	24-25	65,9	24-25
<i>Acer platanoides</i>	56,7	26-28	62,1	24-26	83,2	22-23
<i>Acer tataricum</i>	-	-	-	-	15,3	2-3
<i>Acer negundo</i>	21,2	12-14	-	-	-	-
<i>Crataegus pentagyna</i>	38,2	16-18	-	-	-	-
<i>Ulmus suberosa</i>	56,5	17-18	34,2	22-23	58,4	20-21
<i>Pyrus caucasica</i>	-	-	61,2	17-18	-	-
<i>Prunus spinosa</i>	24,3	5-6	16,2	3-4	-	-
<i>Prunus divaricata</i>	-	-	8,1	2-3	12,2	2-3
<i>Tilia caucasica</i>	-	-	39,7	16-17	-	-
<i>Carpinus caucasica</i>	-	-	81,5	18-20	94,5	22-24
<i>Cerasus avium</i>	-	-	6,6	1,5-2	-	-
<i>Fagus orientalis</i>	-	-	128,7	30-32	143,9	28-30

III. Западный склон. Трансекта была заложена от западной окраины леса, в 4 км юго-восточнее пос. Извещательного (775 м н. у. м.; 44°49' 21" с.ш. – 41°58' 35" в.д.) до верхней границы леса на горе Стрижамент (832 м; 44°48' 06" с.ш. – 42°00' 08" в.д.). Здесь нами было выделено четыре типа ассоциаций.

1. *Буково-ясенево-грабовая ассоциация (Fagus orientalis + Fraxinus excelsior + Carpinus caucasica)* (табл. 3) располагается на северо-западной окраине лесного массива. Рельеф, занимаемый данной ассоциацией, слабополгий, расчлененный немногочисленными балками временных водотоков. Толщина растительного опада колеблется от 3–5 см до 8–10 см. Почвенный покров представлен маломощными слабовыщелоченными щебенчатыми черноземами и

темно-серыми лесными почвами. Среди экоэлементов преобладают мезофиты (43,5 %) и гигромезофиты (12,8 %). Уровень синантропизации растительного покрова низкий (18,6 %). Общая сомкнутость древесного яруса 0,96–0,98. Кроме основных древесных пород, в примеси присутствуют *Acer campestre*, *Acer platanoides*, *Quercus petraea*, *Ulmus minor* и *Salix caprea*. В единичных экземплярах были встречены *Salix alba* и *Crataegus pentagyna*.

Кустарниковый ярус представлен пятью видами: *Sambucus nigra*, *Ligustrum vulgare*, *Euonymus europaea*, *E. verrucosa* и *Lonicera caprifolium*.

Травостой слабо выражен; общее проективное покрытие 45–55 %. Наиболее характерными видами выступают *Driopteris filix-mas*, *Allium ursinum*, *Tamus communis*, *Arum albispatum*, *Oberna multifida*, *Pachyphragma macrophyllum*, *Circaea lutetiana*, *Geum urbanum*, *Petasites hybridus*, *Asperula odorata*, *Cephalanthera rubra*, *Molinia vernale*, *Festuca altissima*, *Brachypodium sylvaticum*, *Polygonatum ovatum* и др.

2. Буково-дубовая ассоциация (*Fagus orientalis* + *Quercus petraea*) (табл. 3) занимает участок обрушенного края мощной плиты известняка, бронирующей плоскую вершину (плакор) горы Стрижамент (Годзевич, 2001). Мертвый растительный опад распределен крайне неравномерно, от 0–1 см на склонах каменных глыб до 15–20 см в углублениях и микропонижениях рельефа. Почвенный покров представлен темно-серыми лесными почвами, располагающимися на щебенчато-глинисто-песчаной коре выветривания. В экологическом спектре доминирует группа мезофитов (53,9 %). Синантропизация растительного сообщества незначительная (15,3 %). Сомкнутость древесного яруса 0,95–0,96. В примеси древесных пород присутствуют *Carpinus caucasica*, *Cerasus avium*, *Acer platanoides*, *Fraxinus excelsior*.

Подлесок хорошо выражен и представлен *Euonymus europaea*, *Swida australis* и *Sambucus nigra*.

Травяно-кустарничковый ярус густой, четко выраженный; проективное покрытие 60–70 %. Наиболее характерными видами являются *Asplenium septentrionale*, *Phyllitis scolopendrium*, *Driopteris filix-mas*, *Cyrtopteris fragilis*, *Polygonatum ovatum*, *Heraclium mantegazzianum*, *Impatiens noli-tangere*, *Anthriscus sylvestris* и др.

3. Грабово-буково-кленовая ассоциация (*Carpinus caucasica* + *Fagus orientalis* + *Acer campestre*) (табл. 3) располагается вдоль верхней границы леса на северо-западной окраине плакора горы Стрижамент. Близкое расположение бронирующей плиты известняка у поверхности приводит к формированию здесь низкоствольных корявых древесных сообществ. Толщина мертвого растительного покрова (2–3 см) распределена по участку достаточно равномерно. Почвенный покров данной ассоциации – маломощные черноземы, переходящие в типичные

черноземы на окраине лесного массива. Среди экоэлементов преобладают мезофиты (41, 8%) и ксеромезофиты (16,9 %). Уровень синантропизации низкий (19,7 %). Общая сомкнутость древесного яруса 0,93–0,95. Кроме основных древесных пород, в примеси присутствуют *Quercus robur*, *Fraxinus excelsior*, *Ulmus minor*, *Acer platanoides* и *Prunus spinosa*.

Ярус кустарников слабо выражен и представлен четырьмя видами: *Swida australis*, *Euonymus europaea*, *Sambucus nigra* и *Ligustrum vulgare*.

Травостой слабо развит; проективное покрытие 55–65%. Наиболее характерными видами являются *Lysimachia vulgare*, *Campanula rapunculoides*, *Serratula quenquefolia*, *Salvia glutinosa*, *Circea palustris*, *Asperula odorata*, *Aethusa cynapium*, *Anthriscus sylvestris*, *Dactylis polygama*, *Geum urbanum*, *Erysimum aureum*, *Viola alba*, *V. odorata* и др.

4. *Буковая ассоциация (Fagus orientalis)* представляет собой самый восточный в нашей стране массив чистого букового леса, средний возраст деревьев бука достигает 100–150 лет. Данная ассоциация занимает участок верховья реки Темной с сильно расчлененным глубокими балками рельефом. Средняя толщина мертвого растительного опада 3–5 см. Под буковым лесом сформировались слабоподзолистые мощные бурые лесные почвы. В спектре экоэлементов преобладают мезофиты (48,3 %). Уровень синантропизации растительного сообщества низкий (9,1 %). Общая сомкнутость древесного яруса 0,96–0,98. Кроме бука, в примеси очень редко встречается *Acer platanoides*, *A. campestre*, *Fraxinus excelsior*.

Подлесок представлен шестью видами кустарников: *Sambucus nigra*, *Euonymus europaea*, *E. verrucosa*, *Lonicera caprifolium*, *Ligustrum vulgare* и *Swida australis*.

Проективное покрытие травяного покрова распределено неравномерно, от 25–35 %, под пологом древесно-кустарниковой растительности, до 75–85 % на лесных окнах. Наиболее распространенными видами являются *Driopteris filix-mas*, *Albivia tripartite*, *Geranium robertianum*, *Milium vernale*, *Dactylis polygama*, *Festuca altissima*, *Brachypodium sylvaticum*, *Carex sylvatica*, *Geum urbanum*, *Sanicula europaea*, *Hesperis matronalis*, *Asperula odorata* и др.

Таблица 3

Характеристика древесного яруса северного склона горы Стрижамент

	Ассоциации			
	Буково-ясенево-грабовая	Буково-дубовая	Грабово-буково-кленовая	Буковая

Древесная порода	Средняя окружность, см	Средняя высота, м	Средняя окружность, см	Средняя высота, м	Средняя окружность, см	Средняя высота, м	Средняя окружность, см	Средняя высота, м
<i>Fraxinus excelsior</i>	118,6	28-30	92,6	26-27	76,2	24-26	121,1	28-30
<i>Quercus robur</i>	138,3	26-27	-	-	94,5	26-27	-	-
<i>Quercus petraea</i>	117,1	26-27	138,7	27-28	-	-	-	-
<i>Acer campestre</i>	68,2	20-21	-	-	67,7	22-23	43,2	14-15
<i>Acer platanoides</i>	77,1	20-22	68,3	20-21	43,1	22-23	56,1	16-18
<i>Crataegus pentagyna</i>	16,9	6-8	-	-	-	-	-	-
<i>Ulmus minor</i>	64,2	16,17	-	-	61,2	18-20	-	-
<i>Pyrus caucasica</i>	-	-	-	-	-	-	-	-
<i>Prunus spinosa</i>	-	-	-	-	34,5	3-4	-	-
<i>Carpinus caucasica</i>	-	-	68,6	24-25	87,6	20-23	-	-
<i>Cerasus avium</i>	-	-	8,1	2-3	-	-	-	-
<i>Fagus orientalis</i>	-	-	132,5	29-30	119,5	28-30	155,2	28-31
<i>Salix caprea</i>	41,0	6-7	-	-	-	-	-	-
<i>Salix alba</i>	26,1	3-4	-	-	-	-	-	-

IV. Южный склон. Практически весь южный склон горы Стрижамент занят лугово-степной растительностью, и лишь фрагментами на плакоре встречаются ясенево-дубово-кленовые ассоциации леса. Эти участки леса не имеют четко выраженной ярусной структуры и постоянного видового состава, в котором значительную роль играют луговые и степные растения.

Географические элементы

Неотъемлемой составляющей анализа флоры является выделение географических элементов, т. е. подразделение исследуемой флоры на группы видов, имеющих сходное распространение. При этом выделение географических элементов флоры и разработка их системы не является самоцелью, это вспомогательные исследования, направленные на создание инструмента, позволяющего не только выявить собственно географические особенности той или иной флоры, но и высветить некоторые моменты ее истории (Портениер, 2000).

При фитогеографическом анализе лесов района исследования было выделено 20 географических элементов (табл. 4).

Таблица 4

Распределение видов флоры района исследования по географическим элементам

№ п\п	Географические элементы	Количество видов	% от общего числа видов
-------	-------------------------	---------------------	----------------------------

1.	2.	3.	4.
Плюрирегиональные			
1.	Плюрирегиональные	19	7,9
Общеголарктические			
2.	Голарктические	22	9,2
3.	Палеоарктические	81	34,0
Бореальные			
4.	Панбореальный	5	2,1
5.	Евро-Сибирский	13	5,5
6.	Евро-Кавказский	14	5,9
7.	Европейский	22	9,3
8.	Кавказский	9	3,8
9.	Эвксинский	3	1,3
10.	Понтичско-Южносибирский	3	1,3
Древнесредиземноморские			
11.	Общедревнесредиземноморский	8	3,4
12.	Западнодревнесредиземноморский	9	3,8
13.	Средиземноморский	1	0,4
14.	Ирано-Туранский	1	0,4
15.	Армено-Туранский	1	0,4
16.	Туранский	1	0,4
Связующие			
17.	Субсредиземноморский	5	2,1
18.	Субкавказский	10	4,2
19.	Субпонтический	2	0,8
Адвентивные			
20.	Адвентивный	9	3,8
Итого		238	100,0

1. Плюрегиональные элементы (*pluriregional element*). Общее число видов – 19 (7,9 %). Данная группа представлена сорными растениями (12 видов) – *Echinochloa crusgalli*, *Capsella bursa-pastoris*, *Sonchus oleraceus* и др.; лесными (4 вида) – *Asplenium trichomanes*, *Calystegia sepium* и др.; водными и водно-болотными (3 вида) – *Potamogeton crispus*, *Typha angustifolia*, *Phragmites australis*; одним луговым – *Taraxacum officinale* и одним степным – *Convolvulus arvensis*.

2. Голарктические элементы (*holarctic element*). Таких видов насчитывается 22 (9,2 %). Из них наибольшее число приходится на водные и водно-болотные растения (8 видов) – *Typha latifolia*, *Pycnus flavescens*, *Juncus*

bufonius, *Persicaria amphibia*, *Ranunculus repens* и др., а также луговые (5 видов) – *Equisetum ramosissimum*, *E. arvense*, *Poa pratensis* и др. и сорные (5 видов) – *Avena fatua*, *Rumex crispus*, *Artemisia vulgaris* и др. Доля лесных видов (4) – *Equisetum pratense*, *Humulus lupulus*, *Phalacrogloma recutita*, *Carex divulsa* – хоть и незначительна, но играет важную роль в формировании растительных сообществ.

3. Палеарктический элемент (*paleartic element*). Данная группа представлена 81 (34,0 %) видом растений. Наибольшее количество видов в данной группе приходится на сорные (27 видов) – *Setaria viridis*, *Urtica dioica*, *Polygonum aviculare*, *Lepidium perfoliatum*, *Brassica campestris*, *Lamium album*, *Veronica hederifolia* и др., а также лесные (26 видов) – *Equisetum hyemale*, *Cytopteris fragilis*, *Festuca altissima*, *Populus tremula*, *Corylus avellana*, *Ulmus minor*, *Chelidonium majus*, *Geum urbanum*, *Aethusa cynapium* и др. Группа лесных видов часто в составе растительных сообществ представлена в качестве доминантов и эдификаторов. На втором месте находятся луговые виды (18) – *Calamagrostis arundinacea*, *C. epigeos*, *Dactylis glomerata*, *Rumex confertus*, *Hypericum hirsutum* и др. А на третьем месте находятся водные и водно-болотные виды (10) – *Alopecurus aequalis*, *Cyperus glomeratus*, *Salix alba*, *S. caprea*, *Solanum dulcamaria* и др.

4. Панбореальный элемент (*panboreal element*). Общее число видов – 5 (2,1 %). Здесь большая часть видов принадлежит лесным (4 вида) – *Poa nemoralis*, *Gagea lutea*, *Cephalanthera rubra*, *Scrophyllaria nodosa*, доля которых в формировании растительных сообществ крайне низка. Водные и водно-болотные растения представлены одним видом – *Scirpus lacustris*.

5. Евро-Сибирский элемент (*eurosiberian element*). Эта группа представлена 13 (5,5 %) видами. Из них 11 приходятся на лесные растения – *Melica nutans*, *Scirpus sylvaticus*, *Circea lutetiana*, *Sanicula europaea* и др. Луговые растения (2 вида) представлены *Fragaria viridis* и *Knautia arvensis*.

6. Евро-Кавказский элемент (*caucaso-european element*). Общее число видов данной группы 14 (5,9 %). Подавляющее большинство видов принадлежит лесным растениям (13 видов) – *Phyllitis scolopendrium*, *Melica picta*, *Scilla sibirica*, *Platanthera chlorantha*, *Quercus petraea*, *Dentaria quinquefolia*, *Acer campestre* и др. И лишь один вид представлен луговым растением – *Prunus spinosa*.

7. Европейский элемент (*european element*). Общее число видов 22 (9,3 %). Представлен главным образом лесными растениями (18 видов) – *Carex sylvatica*, *Allium ursinum*, *Quercus robur*, *Crataegus monogyna*, *Euonymus europaea*, *E. verrucosa*, *Acer platanoides*, *Viola alba*, *Fraxinus excelsior*, *Ligustrum vulgare*, *Physalis alkekengi*, *Sambucus nigra* и др. Представители данной группы играют важную роль в составе лесных сообществ, нередко выступая в качестве средообразователей. Водные и водно-болотные виды (2) – *Juncus effusus* и

Symphytum officinale – распространены на увлажненных участках, микропонижениях, вблизи родников и речек. Сорные растения представлены двумя видами – *Lepidium campestre* и *Anthriscum sylvestris*.

8. Кавказский элемент (caucasian element). Данная группа представлена 9 (3,8 %) видами. Из них 8 приходятся на лесные растения – *Convallaria transcaucasica*, *Polygonatum glaberrimum*, *Carpinus caucasica*, *Pyrus caucasica*, *Tilia caucasica*, *Knautia montana* и др. Луговые растения представлены одним видом – *Rhynchospora orientalis*.

9. Эвксинский элемент (euxine element). Все виды данной группы (3, или 1,3 %) представлены лесными растениями – *Corydalis caucasica*, *Heracleum mantegazzianum*, *Solenanthes biebersteinii*.

10. Понтичско-Южносибирский элемент (pontic-southsiberian element). Общее число видов 3 (1,3 %). Среди них степные (два вида) – *Caragana frutex*, *Scabiosa ochroleuca* и сорные (один вид) – *Cannabis ruderalis*. Представители данной группы распространены в экотонных сообществах на границе леса и степи, в искусственных лесопосадках.

11. Общедревнесредиземноморский элемент (platethyan element). На долю этой группы приходится 8 (3,4 %) видов. Экологический спектр данной группы представлен: сорными растениями (пять видов) – *Avena persicaria*, *Cynodon dactylon*, *Portulaca olearacea* и др.; лесными (два вида) – *Cornus mas*, *Swida australis* и одним луговым – *Sorghum halepense*. Степные и луговые виды встречаются лишь вдоль лесных дорог и на опушках леса.

12. Западнодревнесредиземноморский элемент (west-mediterranean element). Общее число видов – 9 (3,8 %). Из них: лесные (три вида) – *Poa sylvicola*, *Convolvulus silvatica*, *Sambucus ebulus*; луговые (три вида) – *Reseda lutea*, *Cruciata laeviepis*, *Crataegus pentagyna* и водные и водно-болотные (три вида) – *Crypsis schoenoides*, *C. aculeate*, *Alopecurus myosuroides*.

13. Средиземноморский элемент (mediterranean element). Представлен одним лесным видом – *Tamus communis*, широко распространенным во влажных буково-грабовых и буково-грабово-дубовых ассоциациях леса.

14. Ирано-Туранский элемент (irano-turanian). Также представлен одним лесным видом – *Asparagus verticillatus*.

15. Армено-Туранский элемент (armeno-iranian element). Данная группа состоит из одного степного, крайне редкого во флоре Северного Кавказа вида – *Crocus speciosus*, распространенного на северо-восточных склонах леса в ясеневых ассоциациях.

16. Туранский элемент (turanian element). Состоит из одного водно-болотного вида – *Carex diluta*.

17. Субсредиземноморский элемент (*submediterranean element*). Число видов этой группы – 5 (2,1 %). Из них лесные (два вида) – *Equisetum telmateia*, *Scutellaria altissima*; луговые (один вид) – *Milium vernale* и степные (два вида) – *Minuartia hybrida*, *Digitaria pectiniformis*.

18. Субкавказский элемент (*subcaucasian element*). Общее число видов – 10 (4,2 %). Вся группа представлена лесными видами – *Arum orientale*, *A. albispathum*, *Fagus orientalis*, *Anthriscus nemerosa*, *Pimpinella tripartita*, *Vincetoxicum scandens* и др.

19. Субпонтический элемент (*subpontic element*). Состоит из 2 (0,8 %) лесных видов – *Corydalis marschalliana* и *Acer tataricum*.

20. Адвентивный элемент. Группа заносных элементов. Данная группа представлена 9 (3,8 %) видами. Из них 8 приходятся на сорные растения – *Setaria pumila*, *Amaranthus blitoides*, *Conyza canadensis*, *Ambrosia artemisifolia*, *Xanthium strumarium* и др. Водных (гигрофильных) видов всего один – *Echinochloa oryzoides*. Представители данной группы практически не играют никакой роли в формировании растительных сообществ, встречаясь лишь вдоль лесных дорог и на опушках леса.

Биоморфологическая структура

Спектр жизненных форм флоры коренных лесов верховьев реки Егорлык насчитывает 8 групп биоморфологических элементов. Их соотношение как по числу видов, так и по их роли в составе растительных сообществ неодинаково. Наибольшее число принадлежит травянистым (Гемикриатофиты + Крпифиты + Терофиты) растениям 206 (86,5 %). Деревьев и кустарников (фанерофиты + хамефиты) насчитывается 32 (13,5 %), среди них наибольшее число приходится на нанофанерофиты и мезофанерофиты. Доля полукустарников и полукустарничков незначительна – 3 вида (1,2 %). Однолетние элементы представлены достаточно многочисленной группой (56 видов, или 23,6 %). Это может быть объяснено присутствием достаточно многочисленной группы синантропных видов, встречающихся на обочинах лесных дорог и опушках леса.

Таблица 5

Типы жизненных форм флоры коренных лесов верховьев реки Егорлык

Биотипы	Число видов	% от общего количества
Фанерофиты (Ph):	29	12,2
Мегафанерофиты (Phmg)	4	1,7
Мезофанерофиты (Phms)	9	3,8
Микрофанерофиты (Phm)	6	2,5
Нанофанерофиты (Phn)	10	4,2
Хамефиты (Ch)	3	1,2

Гемикриптофиты (НК)	129	54,2
Криптофиты (К)	21	8,8
Терофиты (Т)	56	23,6
Итого:	238	100,0

Таким образом, по полученным материалам, флору района исследования можно отнести к флоре с преобладанием гемикриптофитов и терофитов, доля которых составляет более половины (185 видов, или 77,8 %) ее видов. Это обусловлено тем, что гемикриптофиты и терофиты формируют самую многовидовую группу лесных сообществ – травяно-кустарничковый ярус, характеризующийся разнообразием жизненных форм и разновременных синузий. Древесные и кустарниковые сообщества, хоть и представлены незначительным числом видов, но все же играют главную средообразующую роль в формировании растительных сообществ коренных лесов верховья реки Егорлык, определяя их структуру, состав и динамику развития.

Использованная литература и источники

1. Грейг-Смит П. Количественная экология растений. – М., 1967. – 358 с.
2. Черепанов С.К. Сосудистые растения России и сопредельных государств. – С.-Петербург, 1995. – 990 с.
3. Галушко А.И. Флора Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1978–1980. – Т. 1. – 1978. – 317 с. – Т. 2. – 1980. – 350 с. – Т. 3. – 1980. – 327 с.
4. Губанов И.А., Киселева К.В., Новиков В.С., Тихомиров В.Н. Иллюстрированный определитель растений Средней России. – М., 2002 – 2004. Т. 1. – 2002. – 526 с. – Т. 2. – 2003. – 666 с. – Т. 3. – 2004. – 520 с.
5. Гроссгейм А.А. Флора Кавказа, 2-е издание, 1939–1967: – Т.1. – Баку, 1939. – 404 с.; Т.2. – Баку, 1940. – 284 с.; Т.3. – Баку, 1944. – 322 с.; Т.4. – М.-Л., 1950. – 314 с.; Т.5. – М.-Л., 1952. – 456 с.; Т.6. – М.-Л., 1962. – 424 с.; Т.7. – М.-Л., 1967. – 894 с.
6. Маевский П.Ф. Флора Средней полосы Европейской части России, - М., 2006. – 600 с.
7. Косенко И.С. Определитель высших растений Северо-Западного Кавказа и Предкавказья. – М., 1970. – 613 с.
8. Горчаковский П.Л., Абрамчук А.В. Пастбищная деградация лугов и ее оценка по доле участия синантропных видов // Экология. 1983. №5. С. 3 – 10.
9. Л.Н. Скользнева, А.И. Кирик Популяционная экология растений (практический курс). – Воронеж, 2003. – 120 с.
10. Сабуров Д.Н. Леса Пинеги. – Л., 1972. – 173 с.
11. Соколов С.Я. Таксономия лесных ассоциаций // Проблемы ботаники. – М.-Л., 1962. Вып. 6. С. 110-123.
12. Портениер Н.Н. Методические вопросы выделения географических элементов флоры Кавказа // Бот. журн. 2000 Т. 85. №3 С. 76 – 84.
13. Портениер Н.Н. Система географических элементов флоры Кавказа // Бот. журн. 2000 Т. 85. № 9. С. 26 – 33.

ИЗУЧЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ. МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА

Барabanова Е. Г.,

г. Ставрополь,

Ставропольский государственный

музей-заповедник,

старший научный сотрудник

Аналитический обзор коллекции русских «проволочных» денег XIV – XVII веков (из нумизматического собрания музея)

Классификация русских средневековых монет XIV – XVII веков представляет собой один из сложнейших разделов русской нумизматики. Трудности определения обусловлены их миниатюрностью, малыми размерами, несовершенством чекана (частым смещением чеканов), однообразием изображения аверса и реверса, к этому можно еще добавить изношенность, вплоть до невозможности прочесть легенду и изображение на монете.

Название «проволочные» деньги обусловлено техникой их чекана – так как изготавливали их из расплюснутых обрезков серебряной проволоки, вручную затем нанося чекан с двух сторон. Монеты получались чуть овальной неровной формы размерами от 1,5 до 0,6 см., вес их меняется: первые весили 1 – 0,7 г., последние – 0,2 г. Монеты чеканились из серебра на весовой основе рубля (как слитка).

Музейная коллекция «проволочных» денег насчитывает 154 экземпляра. На сегодняшний день все монеты идентифицированы и атрибутированы в связи с проходящей научной инвентаризацией нумизматических коллекций.

Первые «проволочные» монеты появляются во второй половине XIV века в ряде русских княжеств, назывались они «денгами». Денга – название, которое породило собирательное понятие – «деньги». Оно долго было основным, а для некоторых центров даже единственным номиналом.

Происхождение слова «денга» считают татарским, ордынским, но в нашем языке окончания «га» всегда обозначало движение (сравните: «дорога», «нога»).

В период феодальной раздробленности русское денежное дело развивалось отдельно – по княжествам и городам. Так, со второй половины XIV века одним из центров денежного производства вырисовывается Рязанское княжество.

Самая ранняя монета нашей коллекции – денга Олега Ивановича – великого князя Рязанского княжества. Она чеканилась в 80-е годы XIV века.

Рязанские монеты обнаруживают большое сходство с денежным делом Золотой Орды: здесь и подобный вес (1,6 г.), и татарские надписи, а иногда и использование ордынских монет, на которые делают надчекан рязанской княжеской тамги, как в случае с монетой из нашей коллекции.

Одним из крупнейших денежных центров к XV веку становится Московское княжество и его уделы. Ранняя монета удельного князя города Дмитрова – Петра Дмитриевича (1389–1428 гг.) – весом 0,6 г. На одной стороне монеты – изображение «барса» влево, на другой – фигура с мечом и секирой. Некоторое понижение веса монеты – обычное дело для удельных чеканов.

В 20-х годах XV века началась чеканка монеты в Новгороде и Пскове. В нашей коллекции 2 монеты периода самостоятельности Новгорода, до 1456 года их в нумизматике часто называют «новгородками». Примечательно изображение на новгородских монетах: двухсторонняя композиция, в которой левая фигура сидит в одежде с атрибутами власти в руках, а правая раздета и склонена в просительной позе. До сих пор изображение трактуется по-разному: «Новгород и денежник», «Софии и посадник», «Князь и новгородец» и др. На оборотной стороне монеты четырехстрочная надпись: «Великого Новгорода». Вес монет: 0,6 – 0,8 г.

В XV веке в ряде городов наряду с серебряными монетами стали чеканить медные – пулы. Это была своего рода разменная монета для городских нужд, ценность их была невелика, отношение к серебряным как 1:60. Чаще встречаются пулы крупных городов – Москвы, Новгорода, Твери. В нашей коллекции три тверских пулы с изображением зверя – «барса» с необычным хвостом и надписью на обратной стороне.

С XV века крупным денежным центром становится Московское княжество.

Ранняя монета Московского князя, внука Дмитрия Донского – Василия II «Темного» (1425–1462 гг.) в нашей коллекции имеет изображение всадника с соколом, а на оборотной стороне трехстрочную ордынскую надпись, такие надписи до сих пор являются загадкой для историков. Вес монет – 0,7 г.; прослеживается тенденция на понижение.

Во второй половине XV века фактически завершается процесс объединения русских княжеств вокруг Москвы, исследователи говорят о становлении русского государства.

При Великом Князе Иване III (1462–1505 гг.) появилась тенденция к стандартизации монеты – это проявилось не только в весовых характеристиках, но и во внешнем виде монет. В изображение прочно входит фигура всадника – «ездца» с саблей в поднятой руке – собирательный образ князя-правителя, защитника и гаранта подлинности чекана монеты. На оборотной стороне нет имени князя, а только титул: «Осподарь всея Руси». На более ранних монетах

надпись выполнена вязью. К этому периоду в нашей коллекции относятся 5 серебряных денег, 2 медные пулы Великого князя Ивана III и монеты Великого князя Василия III с необычной надписью, которая скорее угадывается, чем читается.

К началу XVI века наблюдается очень пестрая денежная картина, наряду с выпуском более стандартных в весе монет крупных городов – Москвы, Твери, Новгорода и Пскова в обращении остается множество старых, разнородных и разновесных монет. К этому разнообразию добавляются еще и обрезанные монеты. Такие в нашей коллекции тоже встречаются. «Обрезание» монет было бичом денежного обращения на протяжении многих лет; не помогали самые суровые наказания, о которых известно, что «руки секли, да олово в горло лили».

Выходом из наступающего денежного хаоса становится проведение денежной реформы в правлении малолетнего Ивана IV, которая вошла в историю как реформа Елены Глинской в 1535 г. Ее результатом стало возникновение единой монетной системы Русского государства. На новой весовой основе рубля (68 г.) чеканится копейка – 0,68 г., денга – 0,34 г., полушка – 0,17 г.

Самая многочисленная группа нашей коллекции – 25 монет периода правления Ивана IV «Грозного» – пореформенные копейки, имеют изображения всадника с копьем, а деньги – всадника с саблей. Вот как пишет об этом один из ранних источников: «А при Великом князе Василии Ивановиче бысть знамя на денгах князь Великий на коне, а имея мечь в руце; а князь Великий Иван Васильевич учинил знамя на денгах князь Великий на коне, а имея копя в руце, оттом прозваша – деньги копейные...» (4, стр. 65). С этого времени название «копейка» и образ «всадника с копьем» прочно вошли в денежное обращение и дожили до нашего времени. В 1547 г. на голове всадника появляется «венец» (корона), а в легенде монет – титул «царь».

В царствование сына Ивана IV Грозного – Федора Ивановича (1584–1598 г.), последнего государя из рода Рюриковичей, впервые на русских монетах появилось обозначение даты выпуска старославянскими буквами. Изображения на монетах и вес – 0,68 г., пока оставались прежними.

Две монеты из нашей коллекции, чеканенные под именем Федора Ивановича, имеют стандартный вес (по 0,68 г.) и вид, но еще 2 монеты уже с пониженным весом – 0,5 и 0,4 г. Это деньги того периода, который обозначен в истории как «Смутное время». К началу XVI века Российское государство охватил пожар гражданской войны и глубокий политический кризис. К бедствиям внутренним прибавилось вторжение иноземцев, захвативших Москву. Монеты из нашей коллекции, представляющие это время; – копейки Бориса Годунова (1598–1605 гг.), Василия Шуйского (1606–1610 гг.) и даже Самозванца Дмитрия (1606 г.) еще сохраняют вес 0,68 г. А вот копейки, чеканенные в период польско-шведской

интервенции под именем умершего Федора Ивановича, уже легковесны – их вес понижен до 0,5 – 0,4 г.

С этого времени вес копейки стал катастрофически таять на протяжении всего XVII века. Здесь уместно сказать о таком явлении, как «порча монеты». Это извлечение дополнительной выгоды из чекана неполновесных монет или уменьшение содержания серебра в металле, а иногда и чеканка из недрагоценного металла, т. е. подделка. Все эти явления встречаются в монетах нашей коллекции, наряду с основной пробой серебра – 960, встречается и 850, и 800, и 600. Причем и само государство нередко было причастно к «порче», так как под его контролем находился весь выпуск монет.

В 1613 году на царствование был призван первый представитель дома Романовых – Михаил Федорович (1613–1645 гг.). Многочисленная группа монет в коллекции (25 шт.) связана с его правлением. Основная часть денег чеканена на Московских монетных дворах, они имеют монограмму «М», а на одной монете четко читается: «Москва». Вес монет понижался в 30-е годы от 0,5 до 0,4 г. В коллекции есть и обрезанные монеты, весом 0,3 г.

Какова же покупательная способность этих крошечных денег?

Вот цены первой половины XVII века, приведенные историком-нумизматом А. С. Мельниковой по документам того времени.

Пуд (16,38 кг.) ржаной муки стоил 7,5 копеек

Пуд коровьего масла – 15 копеек

Пуд семги – 37 копеек

Курица – 1 копейка

15 яиц – 1 копейка.

«А плотники или печники, прибывшие с артелью в Москву для работ по государеву приказу, получали на день кормовых денег по 3 или 4 копейки» (3, стр. 9).

Следующая большая группа монет нашей коллекции – чеканенная в правление царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.), среди них встречаются и медные монеты. После десяти лет правления – в 1654 г. Алексей Михайлович проводит масштабную денежную реформу. Были выпущены большие серебряные монеты – рубли, полуполтины и медные полтины (их существование было недолговечным). С конца 1655 г. началась массовая чеканка медных копеек, по весу и внешнему виду точных копий серебряных, но по принудительному курсу, наивное объяснение которому было таким: «Не металл, а царское имя дорого: оно дает ценность монете» (2, стр. 126). Неограниченный выпуск медных денег на 5 монетных дворах, наряду с обращением серебряных монет, быстро привел к их обесцениванию и исчезновению серебра, росту цен, расстройству рынка и как результату – обнищанию, голоду и всеобщему недовольству. В июле 1662 г.

вспыхнули народные восстания в Москве, Новгороде, Пскове и еще ряде городов, вошедшие в историю как «Медный бунт». Медные копейки из нашей коллекции – свидетели тех событий:

Восстание, жестоко подавленное, все же заставило правителей вернуться к серебряной копейке и отменить медную, но в народе надолго остались неприязнь и недоверие к медным деньгам.

Последнюю четверть XVII века представляют в музейной коллекции монеты трех сыновей Алексея Михайловича – Федора, Иоанна и Петра. Монеты Федора Алексеевича (1676–1682 гг.) имеют традиционный вид, но тенденция к понижению веса (до 0,4 г.) очевидна.

Две монеты Иоанна Алексеевича (1682–1696 гг.), правившего совместно с Петром до 1696 г. Это был период, когда монеты выпускались отдельно от имени каждого из братьев-царей, а некоторые детали изображений указывают на чеканку их на разных монетных дворах. Вес копейки понижается до 0,3 г.

К концу XVII века вес серебряной копейки был доведен до 0,28 г. Недаром существовала народная поговорка-примета: «На Егория лист на березе с копейку».

Последние представители проволочных денег – монетки, чеканенные в правление Петра I, самая обширная часть нашей коллекции (40 шт.). Крошечные по весу (0,2 г.) и размеру копейки почти не вмещали изображения всадника и полную легенду, иногда в поле монеты попадает дата по-старославянски, по датам известно, что копейки чеканились до 1718 г. Хотя в это время уже прошли мероприятия денежной реформы Петра I и были введены новые денежные номиналы и новые монетные металлы (золото, серебро, медь). Но понадобилось почти 20 лет, чтобы население приняло эти новые деньги, проявило к ним доверие и отказалось от привычных за более чем 300-летний срок существования «проволочных» русских денег.

Несколько слов об источниках поступления коллекции. Первым, по всей вероятности, был отдел нумизматики Музея Северного Кавказа Г. Н. Прозрителева. О нем сохранилось не много информации, известно лишь, что такой отдел был и что обеспечивали его работу в том числе и сборы, энтузиасты, нумизматы-любители.

Второй источник – коллекция Сергея Константиновича Даля известного зоолога, нумизмата, друга и научного консультанта музея 70–80 гг. прошлого века. Монеты были закуплены у его дочери Братчик Е. С., уже после смерти Сергея Константиновича. (Акт закупочной комиссии № 149 от 2.11.1991 г.)

Коллекция С. К. Даля (72 монеты) собиралась целенаправленно, она достаточно полна, и в ней представлены почти все виды «проволочных» денег за весь период их существования. Именно она стала ядром нашей музейной

коллекции.

Таким образом, на сегодняшний день наш музей имеет в своем нумизматическом собрании достаточно полную, систематизированную и атрибутированную коллекцию денежных памятников русского средневековья, XIV–XVII веков.

Использованная литература и источники

1. А.Н. Дьячков, В.В. Уздеников. «Монеты России и СССР». Определитель, Москва, – 1978 г.
2. И.Г. Спасский. «Русская монетная система», Ленинград, «Аврора», 1970 г.
3. А.С. Мельникова. «Булат и золото», Москва, «Молодая Гвардия», 1990 г.
4. В.П. Янаков. «Дорогами тысячелетий». Сборник исторических статей и очерков. Москва, «Молодая Гвардия», 1990 г. – С. 65.
5. Нумизматический сборник ГИМ, том XVI, выпуск 138, Москва; 2003 г., с. 197-218.

Бурков С. Б.,
г. Владикавказ, РСО-А,
Институт истории и археологии
при Северо-Осетинском госуниверситете
(СОГУ),
старший научный сотрудник;

Гурова Д.Б.,
г. Пятигорск,
Пятигорский государственный лингвистический университет,
студентка 2 курса

Роль передвижных музеев в формировании этнокультурной среды и развитии краеведения на Северном Кавказе

Значительную часть выставочных и фондовых материалов в музеях национальных территорий составляют вещественные свидетельства местного культурного наследия. Та часть коллекций, которая документирует события межрегионального значения, в большинстве государственных, ведомственных, учебных и частных хранилищ заметно уступает как по количеству, так и по их значимости для документирования судеб края и страны в целом. Более обширные собрания древностей, которые могут быть применены для иллюстрации межкультурных, межконфессиональных коммуникаций, становления взаимосвязей и взаимовлияния различных этнических групп и социальных слоев, присутствуют в основном в музеях краевого значения и малодоступны жителям других субъектов и отдаленных небольших поселений собственного региона. В то же время значимость до сих пор мало ценимого межрегионального компонента в деле музейного сообщества в деле воспитания российскости на юге нашей страны актуальна и востребована.

До сих пор обмен тематическими композициями между музеями даже соседних территорий не является одним из приоритетных направлений в их деятельности, что серьезно обедняет практическое сотрудничество на всех уровнях. Знание, понимание и транслирование общего и особенного в развитии этнокультурных связей между народами Северного Кавказа может в значительной степени способствовать установлению взаимопонимания и атмосферы заинтересованного сотрудничества, в чем именно сейчас так остро нуждается наше общество.

Большое значение имеет при этом организация передвижных музеев и тематических выставок, ориентированных на представление истории и культуры определенного региона. Подобные локальные композиции документальных свидетельств былых эпох, в сочетании с работой специально подготовленных

лекторов, могут действовать как стационарно, на базе какого-либо культурного центра, так и в выездном режиме, обслуживая население отдельных районов, отдаленных поселений, а также воинские части, строительные площадки, группы сезонных рабочих.

Отдельно следует отметить необходимость работы с вновь прибывшими в край переселенцами, зачастую далекими от понимания специфики местных культурных традиций, что объективно является питательной почвой для конфликтов. Работа в направлении историко-культурной интеграции должна строиться в тесном сотрудничестве с межрегиональными подразделениями ФМС.

Центральную методологическую и методически выверенную роль в данном виде деятельности должны играть крупные региональные музеи с разветвленной инфраструктурой, в творческом союзе с отделами по делам музеев региональных министерств и подразделений культуры. Не менее значим и потенциал городских музеев краеведческого характера, чьи фонды позволяют составлять, периодически формируя заново, собственные передвижные музеи, которые ориентировались бы на специфику каждого конкретного региона. В то же время в составе коллекций и выставочных экспонатов в обязательном порядке должны присутствовать материалы, показывающие общие черты в материальной культуре как своих соседей, так и края в целом. Для этого оптимальны предметы из археологических коллекций, смонтированные в виде отдельных небольших закрытых стендов, приспособленных для компоновки комплексной переносной экспозиции, расположенной по стадияльно-временному принципу. Такая конструкция легко формируется, собирается из отдельных блоков, транспортируется даже легковым автотранспортом. Она зрелищна и информативна, соответствует принципам наглядности и научности, что и требуется для предметной иллюстрации межрегиональных историко-культурных процессов.

При отборе экспонатов, подготовке стендов, других наглядных материалов необходимо учитывать подготовленность потенциальных слушателей к восприятию подобного рода информации. Это зависит от социального состава, возраста, интеллектуального потенциала, общей бытовой культуры, мотивации для восприятия, желания и умения вступать в контакт и получать новые знания. Для этого необходимо предварительное проведение общего маркетингового исследования потенциальной аудитории, изучения маршрутов передвижения, технических и финансовых ресурсов организаторов. Целесообразна и подготовительная поездка по маршруту с целью определения мест для выступлений, состояния выставочных площадей, знакомства с руководителями принимающих организаций. Одновременно с этим следует вести подготовку слушателей, проводить рекламную кампанию, разъяснять цели подобных мероприятий. Немаловажную роль играет установление контактов со СМИ и

директорами местных учебных заведений. Для работы в воинских частях, строительных организациях, с людьми, прибывшими из других краев и областей, должны быть подготовлены материалы общеинформационного характера, знакомящие с историей и культурой как района, в котором они находятся, так и региона в целом. Для успешности планируемых поездок необходимо предусмотреть наличие бытовых условий для сотрудников передвижных музеев, которые должны быть достаточными и оптимальными для напряженной и длительной работы (возможны как кратковременные выезды – от 1 до 3 дней, так и более продолжительные – от 7 до 10).

Еще одним немаловажным вопросом является финансовая сторона данного мероприятия. Для работы со школами – как городскими, так и сельскими – целесообразно заключение с министерством культуры годового договора на обслуживание учеников 4-х – 10-х классов, с предварительной оплатой части суммы контракта для подготовки выездов, согласно согласованному и утвержденному сторонами плану и графику поездок. Завершение финансовых отношений возможно после взаимного учета количества учащихся, реально посетивших выставки. Подобные отношения целесообразно установить и с вузами, крупными предприятиями и организациями, МВД, командованием воинских частей, которые в счет оплаты могут обеспечить функционирование транспорта выездной группы музея. Организация финансирования со стороны сельских поселений связана с установлением контактов с руководством местных муниципалитетов, которые на паритетных началах (оплата аренды помещений) могут организовать как потенциальных посетителей из числа местных жителей, так и предварительный сбор средств. Возможна и продажа входных билетов по специально установленному для сельской местности минимальному тарифу. В целом финансовая составляющая предстоящих выездов должна стать предметом отдельного анализа, для установления степени рентабельности подобных мероприятий.

Какими могут быть результаты работы передвижных музеев? На наш взгляд это постоянные дополнительные финансовые поступления в бюджет музеев; установление и поддержание действенных взаимовыгодных контактов между министерствами образования и культуры, с руководством муниципалитетов, воинских частей; привлечение к изучению т. н. «локальной истории» сельских поселений профессиональных исследователей, установление контактов с местными краеведами, развитие нового направления в региональных научных исследованиях.

Немаловажна и активизация контактов с населением, что наверняка послужит серьезным подспорьем для пополнения музейных коллекций и фондов. Это особенно важно для территорий, в той или иной мере пострадавших в годы

войн и военных конфликтов, чье национальное достояние до сих пор фрагментарно и явно недостаточно представлено в государственных хранилищах.

Работе музейщиков часто сопутствуют две разновекторные проблемы: необходимость в контактах с частными коллекционерами и все возрастающая тенденция расхищения национального культурного достояния. Обе при условии кропотливой и постоянной работы на местах музейного сообщества могут решаться параллельно, в том числе – путем предоставления научно-методической помощи и необходимых юридических консультаций, что позволит развивать и такую форму взаимоотношений, как совместные выставки.

В условиях возрастания в обществе интереса к восстановлению и представлению традиционной национальной истории и культуры, формирования научного мировоззрения, понимания общего и особенного в развитии межрегиональных контактов работникам культуры и органам исполнительной власти на местах будет значительно легче формировать и поддерживать атмосферу доброжелательного сотрудничества между представителями различной этнокультурной и конфессиональной принадлежности. Постоянные, совместно с представителями органов охраны памятников, выезды к жителям отдаленных сел позволят установить и поддерживать контроль за сохранностью недвижимых памятников культуры, помогут в обнаружении новых объектов археологии, сформируют штат добровольных помощников, которые в дальнейшем могут стать основой для возрождения в регионах широкого краеведческого движения и воссоздания отделений ВООПИиК. Регулярные посещения передвижными музеями общеобразовательных школ окажут преподавателям гуманитарных дисциплин серьезную помощь как в ведении урочной деятельности, так и в подготовке внеклассных мероприятий, помогут развитию кружковой краеведческой работы, в работе станций юных туристов, домов детского творчества. Формирование традиций изучения и сохранения культурного наследия будет способствовать расширению кругозора учащихся, поставит научность в преподавании на прочную материальную основу исторически засвидетельственных фактов.

Вплоть до последнего времени стационарные экспозиции и работа с посетителями в отведенных для них помещениях являются основой деятельности музеев. В то же время существенная часть сельского населения, не имеющая возможности их посещения, прежде всего из-за сложностей организаторского характера и отдаленности от центров культуры, оказалась фактически отстраненной от важной составляющей части собственного культурного наследия. Передвижные музеи и лектории призваны устранить эту диспропорцию и приблизить значительную часть нашего общества к хранилищам памяти своих предшественников.

Гальфингер Н. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
главный хранитель

Женские кавказские серебряные пояса в Ставропольском музее-заповеднике

Среди сокровищ Ставропольского музея-заповедника есть маленькая коллекция женских кавказских поясов и поясных пряжек. Большинство из этих серебряных предметов закуплены, будучи принесенными в музей жителями, либо в ходе этнографических экспедиций. 4 образца были изъяты как не заявленные в таможенной декларации у Р. Х. Азарьева при выезде его на постоянное местожительство в Израиль и переданы следственными органами в музей. Являлись ли они объектами коллекционирования или были реликвиями семьи горских евреев, неизвестно. В целом, этот комплекс тяготеет к традициям мастеров Дагестана. О происхождении еще трех предметов ничего неизвестно.

В литературе по этнографии женские кавказские пояса описаны достаточно полно. Е. Н. Студенецкая [6] и другие авторы предлагают классификацию поясов, характерных для женских национальных костюмов народов Северного Кавказа и Дагестана. В соответствии с предложенной ими типологией, поясные украшения из музейной коллекции можно разделить на 5 групп.

Прежде всего, это пояса из кожи или галуна с пряжкой, полуобручем охватывающей талию от одного бока до другого. Карачаевцы называли их «доска-пояс» [6, стр. 174]. В музее хранятся 1 пояс и 5 пряжек этого типа.

Пряжки бытовали на территории нынешней Карачаево-Черкесской Республики, принадлежали черкешенкам и абазинкам. В учетных документах зафиксированы следующие сведения о предметах: 1) а. Псаучье-Дахе, ныне Хабезского района КЧР, семья Саговых, черкесы – оф 1130/1-2; 2) а. Псыж, ныне Прикубанского района КЧР, черкесы – оф 1132/1-2; 3) а. Старокувинский, ныне Адыге-Хабльского района КЧР, абазины или черкесы – оф 14026/1-2; 4) г. Черкесск, семья Тхоховых, абазины – оф 15141/1-2; 5) без указания населенного пункта; три поколения женщин – Ф. Х. Арагова 1863 г. р. в 1903 г. передала пояс дочери, С. З. Курачиновой, дочь последней, А. И. Кармова, в 1955 г. использовала его как элемент сценического костюма, занимаясь в танцевальном кружке «Абазинка» – оф 26637/1-2. Пряжки имеют композиционный центр в форме квадрата, боковые части – вытянутые пластины с заостренными концами, половины пряжек соединяются при помощи стержня-штифта, к которому крепится подвеска из серебряных фигурок, нависающая над центром.

Оформление пряжки из а. Псаучье-Дахе ближе к традиционно адыгской. На нижнюю гладкую серебряную пластину шириной 4 см накладывается и фиксируется заклепками с полусферическими шляпками верхняя пластина с вырезами, сквозь которые в качестве фона видна нижняя пластина. Верхняя пластина украшена прокатками ложной зерни, позолотой. В овалы с черневыми контурами помещены проработанные гравировкой раковины. Важнейшим элементом являются «шипы» – конические восьми- и шестилепестковые розетки с шариком на вершине. Их по три в центре пряжки и на ее боковых частях. Такой «колючий» пояс выполнял охранную функцию. Позднее шипов становилось меньше, как у пряжки из г. Черкесска; в оформлении стали появляться элементы, характерные для дагестанских мастеров, такие, как композиция «лум» на торце и выгравированные облиственные побеги – как у пряжки из а. Старокувинский. Последняя имеет арабографичную надпись и дату «1907». Пряжка из а. Псыж, имея традиционную форму, более декоративна. Она сужена до 3 см, позолочена, в верхней пластинке имеет дополнительные вырезы в форме полумесяца, свободное пространство сплошь покрыто типичной для Западного Кавказа филигранью (плоская розетка сканой спирали с шариком в центре), «шипы» трансформируются в полусферические филигранные розетки со вставками красного и глухого голубого стекла, имитирующими рубин и бирюзу. Пряжка А. И. Кармовой, похоже, выполнена тем же мастером, но еще нарядней: фон вырезов обработан с эффектом побежалости, поверх филигрانی помещены с каждой стороны по 2 крошечные фигурки с черно-белым орнаментом. Такие серебряные украшения очень дорогие. Во-первых, их отличает искусная ручная работа. Во-вторых, в них много драгметалла. Так, пряжка А. И. Кармовой изготовлена из 392 граммов серебра 875 пробы. С целью удешевления украшений их массивную основу делали из меди, серебряными оставались лишь тонкие накладки. Пояс еще более тяжелеет – пряжка из а. Псаучье-Дахе весит 572 г. Другим способом удешевления изделия было использование одной накладной пластинки вместо двух. На украшении из Черкесска имеется лишь одна накладка, вторую имитируют прокатки ложной зерни, позолота отсутствует.

К комплексу Р. Х. Азарьева относится единственный сохранившийся полностью пояс этой группы с кожаным ремнем. Поясная пряжка отличается от описанных следующими особенностями: композиционный центр имеет форму овала, заклепки черного металла не имеют декоративных шляпок, филигранные розетки западно-кавказского типа расположены не сплошь, а заполняют ажур, выложенный серебряной проволокой. Нижний край пряжки оформлен подвесками с десяти-, пятнадцати- и двадцатикопеечными серебряными российскими монетами 1902–1916 годов. Наличие монет-подвесок позволяет предположить бытование предмета в Дагестане. Ремень украшен чередующимися

филигранными шестилепестниками и овальными розетками, покрытыми лакским орнаментом «курадар» в технике двухслойной гравировки. Серебряные детали имеют клейма Донского окружного пробирного управления образца 1899–1908 гг. и клеймо неизвестного мастера с инициалами «СГ» [5, стр. 259].

Следующая группа включает пояса, у которых на кожаный ремень нанизаны вплотную друг к другу серебряные звенья, имеющие обычно вид двухслойных футлярчиков. В центре пояса-змейки фигурная пряжка. Застежка, как правило, состоит из петли и крючка. Звенья могут соединяться встык фигурными краями (выступ одного звена входит в выемку другого), но чаще – наложением друг на друга (выступ с рельефным украшением одного звена налегает на гладкую площадочку другого). Этот тип очень массивных поясов, весящих более 500 г., встречался и среди горских, и у кочевых народов региона. Имеется следующая информация о музейных образцах данной группы: 1) а. Красный Восток, ныне а. Красновосточный Малокарачаевского района Карачаево-Черкесии, семья Айшиновых, черкесы – оф 13421; 2) с. Шарахалсун Туркменского района Ставропольского края, семья Дурдыевых, ставропольские туркмены – оф 25530; 3) с. Куликовы Копани того же района, семья Нурмухамедовых, ставропольские туркмены – оф 26254/1-3; 4) с. Чинар Дербентского района Дагестана, семья Курбановых – оф 28229; 5) пояс из комплекса Р. Х. Азарьева – оф 27566. Пояса этой группы сильно различаются своим декором.

Богато украшенный пояс из а. Красный Восток состоит из 19-ти футлярчиков и разъемной пряжки сложной фигурной формы. Все детали позолочены, украшены по контуру ложной зернью. Черневые линии, разделяющие пряжку на поля, близкие к овалам, и 3 конические розетки со вставками красного стекла, напоминающие «шипы», выполнены в традициях западно-кавказского искусства. Пластинки и поля пряжки сплошь покрыты тонким растительным орнаментом в технике двухслойной гравировки, характерной для дагестанских мастеров. Дополнительным украшением служит подвеска – литая фигурка кинжала-бебута в ножнах, висящая по центру пряжки на цепочках. На пряжке имеется арабографичная надпись с именем мастера и датой – 1323 год Хиджры, или 1905 год. Пояса ставропольских туркмен украшены проще. На кожаную основу пояса из с. Шарахалсун нанизаны белые чередующиеся футлярчики Х-образной и Ф-образной формы, соединяющиеся встык. Звенья имеют полусферические выступы-«цветочки» и выгравированные двулистки, края пояса обведены чернью. Разъемная продолговатая пряжка лишь немного шире пояса. Ее овальный центр украшает незамысловатый черневой цветок. На пряжке имеется арабографичная надпись. От туркменского пояса из с. Куликовы Копани сохранилось лишь 3 звена. Пояс был также белым,

звенья соединялись встык. Они украшены кустарно процарапанным орнаментом и черневыми кругами с зубчиками сверху и снизу. По одному краю пояс имел металлическое «кружево»: на каждое звено напаяна пара проволочных раковин. Пояс из с. Чинар демонстрирует упадок серебряного дела к середине XX века. 12 белых звеньев и пряжка литые и только имитируют сложные техники филигрании, гравировки, канфарения. Редкий черневой рисунок немного маскирует грубоватую форму пояса. Детали тяжеловесны, для их облегчения на задней поверхности звеньев сделаны сквозные отверстия в форме тюльпана.

Пояс из комплекса Р. Х. Азарьева, отличает скромная гармония всех элементов – оф 27566. 18 звеньев представляют собой не футлярчики, а пластинки с парой петель на изнанке для нанизывания на ремень. Пряжка цельная, застегивается штырьком, под который на двух звеньях имеются пазы – пояс рассчитан на два размера. Пластинки с выпуклым овальным центром и с напаянными на края вертикальными полосками украшены простым черневым рисунком, ложной зернью. В центре пряжки-банта возвышается двухслойный цветок. В возможности подогнать изделие по размеру талии женщины, не разбирая пояс, в бантовой форме пряжки, форме цветка видно влияние европейской культуры.

Пояса третьей группы состоят только из звеньев и разъемной пряжки, все детали скреплены шарнирами. В качестве штифтов используется проволока. Фигурная пряжка композиционно состоит из трех частей. Хотя пояса этого типа в начале XX века были распространены очень широко [6, стр. 182; 2, рис.55а], в музейной коллекции только один такой пояс этого периода – оф 27565. Звенья-пластины прямоугольной формы имеют шарниры, выполненные из тонкой проволоки, свернутой в полуспираль. Каждое звено обрамлено прокатками ложной зерни и скани, сплошь украшено сложной филигранью, в центре на вершине полусферической филигранной розетки вставки глухого голубого стекла. На пряжке с овальным центром, украшенной так же, как и звенья, помимо вставок, имитирующих бирюзу, на вершинах трех крупных розеток помещены вставки красного стекла. Судя по клеймам, этот пояс сложной ручной работы изготовлен во Владикавказе в мастерской Юсупа Абдулаева. Причем одинаковые детали для поясов изготавливались в большом количестве и клеймились до сборки. На 8-ми звеньях и двух половинах пряжки стоят 4 вида клейм: два типа клейм Донского пробирного округа образца 1899–1908 годов и два типа – Донского пробирного управления и губернских пробиреров Астраханской области образца 1908-1926 годов [5, стр. 260].

В 1957 году во время празднования 400-летия присоединения Кабарды к России директору Пятигорской телестудии В.П. Николаевой был подарен женский кабардинский костюм, который она позднее передала в музей «для

обозрения трудящимися». Пояс к этому костюму относится к рассматриваемой группе – оф 13490. Внешне очень похожий на пояс мастера Ю. Абдулаева, такой же позолоченный, нарядный, при ближайшем рассмотрении он оказывается имитацией поясов начала XX века. Все его детали выполнены в технике литья. Застегивается он не с помощью крючка, а как пояса первой группы – посредством стержня-штифта. Дополнительным украшением является подвеска из мелких фигурок по центру пряжки.

Четвертая группа - это пояса из кожи, ткани или галуна с разнообразными фигурными пряжками. 8 украшений из музейной коллекции отличает многообразие форм и отделки. Два совершенно непохожих друг на друга пояса этой группы носили черкешенки из а. Псаучье-Дахе. Пояс из семьи Кудайнетовых отличает лаконичность, присущая западно-кавказским украшениям – оф 1131. На серебряно-золотом галуна шириной 2,5 см закреплена разъемная пряжка, композиционно образованная тремя овалами. Она украшена простым линейным черневым рисунком, тремя коническими розетками-«шипами». Композиция «лум» в гравированном растительном орнаменте – дагестанское влияние, и позолота характеризуют ее как изделие начала XX века. Пояс, принадлежавший Темировым, – блистающее сочетание золотого галуна шириной 5,5 см и позолоченной филигрانی. На пряжке в виде двух супротивно расположенных виноградных листьев и S-образных накладках пояса поверх филигранного ажюра напаяны воздушные розетки цветков. Дополняют пряжку изящные подвески – колокольчатые цветочки с длинными «тычинками». Часть деталей имеет клейма мастера с инициалами «К.К» и Одесского окружного пробирного управления образца 1899–1910-х годов [5, стр.259]. Безымянные пряжки оф 20932/1-2 и оф 26047/1-3 также отличает сложная форма и накладная ажурная филигрань.

Поясная пряжка из семьи Абдуллаевых, живших в а. Озек-Суат Нефтекумского района Ставропольского края, – оф 27278/1-2, типична для ногайского костюма [1]. Половины фигурной пряжки из листового серебра соединяются встык двумя крючками. Ударные элементы – 4 вставки из пасты и глухого стекла красного цвета, имитирующие сердолик. На поверхности двух вставок в кольце из пятилучевых звездочек выгравирован полумесяц с шестилучевой звездой. Характерна четкая геометрия всех элементов, лаконичность украшения из скани, гладкая поверхность серебра, лишь слегка пройденная канфарником.

Пряжки оф 27279/1-2 и оф 27282/1-2, бытовавшие в семьях туркмен Базаровых и Кочекеевых из того же аула, изготовлены аварскими мастерами [3, стр.114, рис. 22]. Их отличают небольшие размеры, аккуратный рисунок черневого орнамента, просторный белый фон которого сплошь канфарен, наличие мелких вставок и длинных звенящих подвесок. В первом случае в качестве

подвесных элементов используются российские десятикопеечные монеты с нечитаемой лицевой стороной. По инициалам миницмейстеров на монетах – «ЭБ» и «ВС» – изготовление украшений датируется 1913-1917 годами [4, стр. 147].

Крупная пряжка из комплекса Р. Х. Азарьева – оф 27569/1-2, судя по мелкому густому черневому орнаменту, украшена мастером-кубачинцем. Ее форма близка к прямоугольнику высотой 8,5 см. Оригинальны центральная пластина сложной конфигурации; ложная зернь по контуру, выполненная на широкой полосе не драгоценного металла в технике чеканки; огромные выступы-«шишки»; вставка из светлого рога, то ли имитирующая сердолик, то ли использованная для замены утраченной стеклянной; сочетание двух типов застежек – крючка и штифтовой. Сохранились две подвески – пятикопеечные монеты 1901 и 1912 годов.

В пятой группе – пояс из кожи с 24 латунными накладками разного размера и формы и простой пряжкой с квадратной рамкой и язычком-иглой. Накладки, среди которых выделяются детали Ф-образной формы, покрыты серебряной фольгой и украшены незатейливым орнаментом в технике контурной гравировки и чернения. Крупные украшения прикреплены к передней части пояса, мелкие расположены в два ряда позади. Сведений о поступлении первой трети XX в. не сохранилось. Очевидно, что он бытовал в XIX в. и принадлежал женщине-кочевнице: ногайке или туркменке.

Двадцать два музейных предмета дают представление о разнообразии женских поясных украшений среди горских и кочевых народов региона в конце XIX – начале XX в., искусстве местных мастеров серебряного дела, а также о постепенном угасании их традиций.

Использованная литература и источники

1. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., Наука, 1976.
2. Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. XIX – начало XX в. М., Наука, 1981.
4. Декоративное искусство Дагестана. М., Советский художник, 1971.
3. Дьячков А.Н., Уздеников В.В. Монеты России и СССР. Определитель. М., Советская Россия, 1978.
4. Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л. Золотое и серебряное дело XV – XX вв. Территория СССР. М., Наука, 1983.
5. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., Наука, 1989.

Гальфингер Н. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
главный хранитель;

Еремеева Н. Н.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный
музей-заповедник,
заместитель директора

Анализ комплектования фондов Ставропольского государственного музея-заповедника за последнее десятилетие

Среди уставных задач музея – комплектование, хранение и учет, изучение, популяризация музейных коллекций – комплектование занимает стартовую позицию. Стратегия комплектования фондов определилась в 1905 году профилями Музея наглядных пособий Г. К. Пправе и губернского Музея Северного Кавказа Г. Н. Прозрителева. Именно тогда сформировалась структура фондов, незначительно изменявшаяся до сегодняшнего дня. Что касается количественных показателей, то музейное собрание растет очень динамично. За последние 50 лет музейный фонд вырос в 8,5 раза; основной фонд увеличился с 28163 единиц хранения на начало 1960 г. до 241100 единиц хранения на конец 2009 г.

Таблица 1. Динамика роста фондов

Ставропольского государственного музея-заповедника в 1960–2009 годах.

Период	1960-е гг.	1970-е гг.	1980-е гг.	1990-е гг.	2000-е гг.
Прирост основного фонда (оф)	36211	19972	57551	62749	36454
Прирост научно-вспомогательного фонда (нвф)	7607	5727	7665	25567	10365

За 2000-е годы основной фонд увеличился на 18 %, научно-вспомогательный фонд – на 19 %.

Таблица 2. Количество музейных предметов, поступивших в фонды Ставропольского государственного музея-заповедника в 2000–2009 годах.

Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Итого
оф	4836	2448	3360	2464	5950	2544	4006	5967	3369	2032	36454
нвф	551	260	2501	698	4875	277	402	440	186	175	10365

В общей картине роста музейного собрания последнее десятилетие характеризуется не только стабильно высокими количественными показателями, но и некоторой спецификой, отражающейся на качественном составе новых поступлений. Если в 1960–1980-х годах процесс комплектования фондов определялся общегосударственной идеологией, то в 1990-х годах у музея появилось больше свободы, а значит и больше социальной ответственности в отборе предметов музейного значения. К началу 2000-х годов этот вопрос осознается как проблема, концепция комплектования музейных фондов становится предметом обсуждения на ученом и методическом советах музея. На сегодняшний день работа над концепцией комплектования фондов продолжается.

Выделяются четыре основных источника комплектования музейных коллекций в последнее десятилетие.

1. Плановая деятельность сотрудников по направлениям экспозиционных отделов. Это собирательская работа, экспедиции, спасательные археологические и палеонтологические раскопки. Собственно собирательская работа имеет целью коллекционирование, обеспечение экспозиционно-выставочных проектов. Первоочередные цели экспедиции – исследовательские. Экспедиционные сборы в значительной мере определяют научный потенциал фондов.

2. Предложения от населения, которые чаще оформляются как дарение, реже – как закупки. Дарение – самый существенный источник новых поступлений. Дарители, начиная от многочисленной армии простых граждан до первых лиц руководства края, движимы разными мотивами. Из того, что уже «негоже», но «жалко выкинуть», формируются многие музейные коллекции. Руководители предприятий, организаций, ведомств направляют в музей по собственной инициативе производственную, рекламную продукцию, юбилейные издания и сувениры. Велика благодарность тем, кто не несет ценный предмет старины в антикварный магазин, а дарит музею – «жалко, если пропадет» для будущих поколений. Настоящим гражданским поступком является безвозмездная передача исторических реликвий, предметов изобразительного искусства, сформированных частных коллекций.

3. Регистрация так называемых «старых поступлений»: списанных по идеологическим причинам, но сохранившихся в музее старых коллекций; своевременно не поставленных на учет крупных археологических сборов и архивов, отдельных предметов.

Процесс комплектования фондов зависит от многих объективных и субъективных факторов. Назовем те, которые ощутимо повлияли на пополнение фондов в рассматриваемом десятилетии. Прежде всего, это имидж музея, который постоянно демонстрирует населению всеми видами деятельности свою

способность хранить и быть доступным. Этот фактор – главный стимул дарителей. Улучшение общей экономической ситуации вплоть до середины 2008 года способствовало бюджетному финансированию ежегодных экспедиций, созданию экспозиций и выставок, иницирующих сборы, обеспечило возможность закупок. Вместе с тем, причиной увольнения ряда сотрудников, ведущих целые направления собирательской работы, стала низкая зарплата. Руководство музея достаточно успешно обеспечивало общую организацию работ по комплектованию фондов, в комплексе решая такие задачи, как планирование, финансирование, общение с дарителями, контроль на всех этапах вплоть до регистрации предметов в учетных документах, освещение фактов, выдающихся приобретений в средствах массовой информации. Кадровый потенциал музея-заповедника также заметно влияет на количество и качество новых поступлений. Ниже в скобках мы будем указывать фамилии сотрудников, внесших свой, авторский вклад в формирование музейного собрания в рассматриваемый период.

Все поступления последнего десятилетия укладываются в рамки следующих краеведческих тем: общественно-политическая история Ставропольского края; культура и быт городского и сельского населения в XX веке; история казачества; история Великой Отечественной войны; археологические исследования на территории Ставропольского края 1960–2000-х годов; православие и другие религиозные конфессии на Ставрополье; история техники и ремесел; события в Чеченской Республике и борьба с терроризмом на Северном Кавказе в 1990–2000-х годах; история развития системы образования; история учреждений культуры; развитие экономики в 1970–2000-х годах; природа Ставропольского края. Отдельная тема – история города Ставрополя. Помимо тематических сборов, имеет место и музейное коллекционирование. Регулярно пополняются минералогическая, нумизматические коллекции, собрание плакатов, почтовых открыток и другие.

Среди самых значительных поступлений рассматриваемого периода – дар заслуженного художника РСФСР П. М. Гречишкина, коллекция картин, включающая в себя 316 этюдов и станковых полотен (Авдеева Т. Д.). Вместе со 167 работами, подаренными им в 1987 году, эти произведения составили замечательную коллекцию. В 2009 году известный ставропольский пейзажист ушел из жизни, оставив после себя значительный вклад в развитие, историю изобразительного искусства Ставропольского края.

Наследники бывшего фотокорреспондента газеты «Ставропольская правда» М. П. Колесникова передали в музей его личный фотоархив, всесторонне и публицистично отражающий историю, повседневную жизнь последней четверти XX века. Нет события, на которое М. П. Колесников не взглянул бы через объектив фотокамеры. Здесь приезд на Ставрополье президентов страны и служба

бойцов ставропольского ОМОНа, попрошайки на улицах и конкурс рыбаков, кипение политических страстей на митингах и будни родильного дома. Обработка архива еще не закончена. За 5 лет в фондах музея зарегистрированы 2468 фотопленок, включающих 108 169 фотонегативов (Катаева Т. Е.).

На документально-художественных фотографиях А. Б. Заморкина запечатлены такие значительные события и явления, как наводнение 2002 года, приезд Президента Российской Федерации В.В. Путина на Ставрополье, деятельность глав Ставропольской и Владикавказской епархии митрополита Гедеона и архиепископа Феофана, губернатора А. Л. Черногорова и др.

Большую научную ценность имеют материалы целой серии музейных экспедиций, состоявшихся в 2000-х годах. Они собраны в ходе исследований Татарского городища и Вестославского редута, экспедиций в населенные пункты Курского и Степновского районов края, в станицы Темнолесскую, Беломечетскую, Суворовскую, Боргустанскую, село Гофицкое, село Привольное с хутором Богомол, в окрестности села Бешпагир (Галаева В. Н., Савенко С. Н., Плохотнюк С. В., Сачук С. С., Лабур В. Н., Мозгова Т. В., Данилевич В. Г.). Для фондов музея принципиально новыми предметами становятся подробные отчеты этнографических экспедиций, содержащие фотоархивы и многочисленные устные источники, зафиксированные в тексте. Отчет на тему «Президент СССР М. С. Горбачев – уроженец с. Привольное» – заметное пополнение медленно и трудно формирующегося музейного фонда М. С. Горбачева (Ганина Т. Ю.).

Главным экспедиционным приобретением десятилетия стал пятый из найденных в мире скелет ископаемого южного слона. Палеонтологические раскопки, транспортировка выдающегося во всех смыслах слова экспоната в музей, победа руководителя экспедиции А. К. Швыревой в V грантовом конкурсе музейных проектов, проводимом Благотворительным фондом В. Потанина, реставрация окаменелости – этапы еще не завершенной эпопеи в жизни музея-заповедника.

Результатом планомерного комплектования фондов стал уникальный комплекс предметов, собранный при подготовке выставки «Кавказский излом. Чтобы помнили...» о событиях в Чеченской Республике 1990 – 2000-х годов и террористических актах в Буденновске и Беслане. В ходе собирательской работы были установлены контакты с Главным управлением внутренних дел Ставропольского края, Главным управлением по делам ГО и ЧС Ставропольского края, Управлением исполнения наказаний на территории Ставропольского края, Миграционной службой Ставропольского края, Ставропольским представительством Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Ставропольским комитетом Красного Креста, Российским Детским фондом, благотворительными организациями «Российский фонд милосердия и здоровья» и

«Орден милосердия, здоровья и социальной защиты», 205-ой отдельной мотострелковой бригадой; родственниками героически погибших в Чечне Героя России В. Духина, генерала-майора милиции В. В. Воробьева, бойца ОМОНа ГУВД Ставропольского края А. Б. Ерохина (Беляева М. В., Малявко И. Б.).

Интересное современное явление – бурное развитие негосударственной наградной системы. С разрешения губернатора Ставропольского края А. Л. Черногорова в музей переданы все краевые награды края, включая Золотую звезду Героя Труда Ставропольского края, а также ведомственные награды системы министерства промышленности, транспорта и связи. А. Л. Черногоров постоянно передавал в фонды музея самые разные предметы, отражающие современную историю Ставрополья. Уходя с поста губернатора в 2008 году, он подарил музею очень интересный комплекс: личные вещи и документы, подарки губернатору; коллекцию отечественных значков. Любопытен и уникален в своем роде комплект личных негосударственных наград. 190 орденов, медалей, знаков России и зарубежных стран отражают сферы деятельности и разнообразие контактов губернатора, всплеск отечественной негосударственной фалеристики 1990 – 2000-х годов, а также российскую специфику взаимоотношений в иерархии властных, управленческих, общественных структур.

Проведена значительная работа по регистрации старых поступлений. Из наглядных пособий начала XX века музея Г. К. Пправе, давно списанных, но все же сохранных в музее, сформированы 2 «новые» коллекции: 625 печатных таблиц и 1080 стеклянных диапозитивов (Сачук С. С., Салова И. А.). Атрибутирована и переведена из временного в постоянное хранение коллекция монет Боспорского царства IV – I вв. до н.э. из собрания Музея Северного Кавказа Г.Н. Прозрителева; очищены, «прочитаны» и зарегистрированы 28 ведомственных, должностных, церковных печатей XIX века (Барабанова Е. Г.). Случайно обнаружен в фондохранилище и поставлен на учет документ 1721 года – жалованная грамота поручику морского флота с подписью Петра I. 13 % прироста основного фонда в 2000-х годах обеспечила регистрация предметов, собранных на археологических памятниках Ставрополья и Карачаево-Черкесии в 1960 – 1980-х годах (Отюцкий И. В.). Зарегистрирован сухой препарат гигантского степного кузнечика – последний сбор вида в природе 1950-х годов, что отражено в Красных книгах СССР, РСФСР, Ставропольского края.

Среди ценных приобретений музея последних десяти лет – коллекция ископаемой гиппарионовой фауны из гравийно-песчаных карьеров в окрестностях села Бешпагир, впервые подтвердившая наличие названной фауны в данном районе; кольчуга и боевое оголовье с лицевым прикрытием – кавказский доспех XVIII–XIX вв.; «Автопортрет на палитре» заслуженного художника РСФСР В. М. Чемсо; мемориальный комплекс главы Ставропольской и Владикавказской

епархии в 1990-2003 годах митрополита Гедеона (Елагина Е. Н.); коллекция из 17 отечественных любительских кинокамер, 900 плакатов СССР 1940 – 1980-х годов; самовар, из которого пил чай один из основателей музея Г.Н. Прозрителев и еще множество других экспонатов. Родилась трогательная коллекция атрибутов новогоднего праздника, прежде всего, елочных украшений.

Из года в год формировался музейный комплекс, освещающий историю современного ставропольского казачества (Лабур В. Н.). А вот предметы, отражающие культуру и быт казаков до 1917 года, – редкие крупницы в новых поступлениях. В рамках краевой целевой программы «Культура Ставропольского края» музей закупил 27 раритетов – предметы православного культа, награды, редкие предметы казачьего быта, хоперский кинжал.

В целом закупки составили лишь крошечную толику от всех поступлений десяти лет. Среди них живописные портреты основателей музея Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе, выполненные известным на Ставрополье портретистом заслуженным художником России Е. Ф. Биценко, мемориальный комплекс кино- и фотоаппаратуры 1970–1980-х годов ставропольского журналиста В. И. Сутулова, автомобиль «Москвич-401», швейная машинка «Госшвеймашина», примечательная изображением на платформе герба СССР образца 1925–1929 годов, бронзовая печать старшины аула Камыш-бурун Ачикулакского приставства Ставропольской губернии конца XIX в.

Далее (табл. 3) приведены показатели закупок за период 2000–2009 гг.

Таблица 3.

Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Итог о
Кол-во предметов	12	7	10	13	3	6	81	16	7	0	155
Сумма (тыс. руб.)	11,2	2,0	0,7	2,7	7,0	0,06	94,5	11,2	67,1	0	297,7

Регулярный количественный и качественный анализ комплектования фондов позволяет не только оценить масштабы данного вида музейной деятельности, но и уточнить перспективы, выявить реальные потребности в расширении хранилищ, определить роль этого процесса в комплексном развитии музея-заповедника.

Гордиенко А. Б.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующий отделом этнографии,
кандидат исторических наук

Устные источники о развитии кустарных промыслов на Ставрополье в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника

Одним из актуальных направлений современной исторической науки является устная история. Ее активное развитие связано с рядом факторов. Значимым здесь представляется изменение парадигмы исторических исследований, которое стало особенно заметным с 60–70 гг. XX столетия и выразилось в отходе «от линейных, стадиальных теорий исторического процесса, воплощенных в глобальных национально-государственных метанарративах, к культурологически ориентированному знанию» (1). Возрос интерес к истории повседневности, изучение которой невозможно без обращения к устным источникам.

Использование и создание последних является значимым и в контексте региональных исследований. В частности, для изучения культуры, быта, ментальных установок населения Ставрополья методы устной истории необходимы. Важно учитывать и фактор недостаточности письменных источников по ряду проблем истории региона (голод 1932–33 гг., традиционные хозяйственные практики ставропольского крестьянства, эволюция семейных отношений в сельском и городском социуме Юга России на протяжении XX столетия). Для более полного исследования данных проблем необходимо создание корпуса устных источников.

Эту задачу призван решить долгосрочный экспедиционный проект «Ставрополье, век XX». Он начал реализовываться в 2002 г. на базе ряда отделов (этнографии, истории и природы) СГМЗ при финансовой поддержке министерства культуры Ставропольского края. Проект рассчитан на 10 лет и направлен на фиксацию свидетельств очевидцев о событиях прошедшего столетия и сбор атрибутов материальной культуры народов края.

С 2002 по 2006 г. было проведено 5 экспедиций (в полиэтничные Курский и Степновский районы, казачьи станицы Темнолесскую и Беломечетскую, русское село Гофицкое, село Привольное и хутор Богомоллов со смешанным, украинско-русским населением). В ходе полевых исследований опрошено около 200 респондентов, многие из которых являются старожилками и обладают уникальной информацией по истории своего населенного пункта. Кроме того, было собрано 492 предмета музейного значения.

Записанные интервью помогают по-новому взглянуть как на особенности исторического пути отдельных городов и сел, так и на ряд проблем истории региона в целом. В частности, это касается развития ремесел и промыслов на Ставрополье в XIX – XX столетиях. Традиционную для местной историографии точку зрения на вышеуказанную проблему высказал отечественный историк XIX века О. В. Маргграф: «Всего менее кустарные промыслы развиты в Ставропольской губернии; мало пользуясь изделиями Северного Кавказа, эта губерния мало производит и сама, ограничиваясь лишь изысканием средств для удовлетворения своих внутренних потребностей» (2, С. XVII). Данный факт ставропольский исследователь Т. А. Невская объясняет сосредоточенностью местного крестьянского населения на сельскохозяйственных занятиях (земледелии и скотоводстве), которые отнимали большую часть времени и приносили (в силу товарного характера) хороший доход, давая возможность покупать изделия фабричного производства на рынках (3, С. 53–54). Все это препятствовало полноценному развитию ремесел в крестьянской среде. В советский же период, крестьяне стали наемными работниками колхозов и полностью переключились на труд в сфере сельского хозяйства.

Однако данные устных источников свидетельствуют, что кустарные промыслы были весьма распространены в сельском социуме Ставрополья, хотя и ориентированы на местные потребности. Более того, некоторые ремесленные практики, передаваясь в крестьянской среде из поколения в поколение, дошли до наших дней.

Показательно интервью, взятое у жестянщика из с. Эдиссия Курского района Георгия Ивановича Данилова. Последний начал свою ремесленную деятельность в 1946 г. и, хотя совмещал жестяное дело с работой в колхозе, рассматривает его как весомый источник благосостояния семьи. Характерна рассказанная им история об изготовлении 10 ведер за одну ночь. Данилов указывает, что такова была воля заказчика, который в противном случае собирался купить эти изделия на рынке в Моздоке. Однако, потрясенный качеством и быстротой работы, он заплатил за нее мешок муки (4, С. 50–51).

На момент интервьюирования продолжал заниматься жестяным делом и житель станицы Беломечетской Георгий Матвеевич Юрченко. Причем товарный характер его ремесленных практик обусловил профессионализацию навыков мастера, который на глазах сотрудников музея за несколько минут изготовил ручку для лейки (5). Этот процесс был зафиксирован на видеокамеру. Данная запись прилагается к экспедиционному отчету.

В интервью Юрия Яковлевича Полупанова, жестянщика из села Привольное, также содержится четкое указание на профессиональный характер его деятельности. Полупанов уже шесть лет занимается ремеслом в качестве

основной работы. Жестяное дело является для него главным источником средств к существованию (6, С. 131).

Примечательна и информация о преемственности ремесленных традиций в Привольном, сообщенная Полупановым. Последний упоминает, что обучился навыкам жестяного дела у своего родственника – Кирилла Ефимовича Ксенофонтова (6, С. 131).

О развитых традициях бытования указанного ремесла в селе упоминает приволянка Зинаида Назаровна Яковенко. Старейшие на ее памяти жестянщики – «дед» Кротенко (1880–90-х годов рождения) и Иван Фёдорович Пьянов (1900-х годов рождения). Деятельность данных мастеров была ориентирована на потребности сельского населения. Они делали ведра, ванны для стирки емкостью до 100 литров. По опыту Зинаиды Назаровны, в каждом хозяйстве было необходимо до 5 ведер емкостью от 7 до 12 л (6, С. 123).

Еще одним ремеслом, которое специализировалось и превратилось в отдельный вид хозяйственной деятельности, стало кузнечное дело. Кузнецы в ставропольских селах жили за счет продажи или обмена своей продукции и рассматривали ремесленные практики как основной источник доходов. Причем данный вид деятельности был достаточно прибыльным и мог прокормить всю семью ремесленника. Это стимулировало мастеров передавать полезные навыки сыновьям и другим ближайшим родственникам. Жители с. Гофицкое А. М. Гриднева, Н. П. Хорошилов, И. К. Быканов сообщают о местных кузнецах, как продолжателях ремесленных династий. Показательно интервью с Быкановым, где он упоминает о своем отчине – А. Г. Выскребенцеве:

– Я его считаю отцом, потому – он воспитал мене.

– А Ваш отец где учился кузнечному делу?

– У отца у своего. А отец тоже самоучка.

– А где кузница была?

– Прямо там же, где они жили. Они делали по заказу брочки, дроги. У них самодельность своя. Поэтому мать-то и зашла [вышла за Андрея Выскребенцева замуж] (7, С. 144).

О существовании подобных династий свидетельствуют также респонденты из с. Привольное (6, С. 124–125).

Продолжали передаваться и совершенствоваться ремесленные навыки и в советский период. С созданием коллективных хозяйств нового типа обработка металла и дерева в основном сосредоточилась в мастерских при МТС, позже ставших колхозными.

Об этом свидетельствует интервью с жителем с. Гофицкого Николаем Ивановичем Катасоновым:

– Нам рассказывали, что Вы кузнечное дело знаете?

- Работал в колхозе во 2-й бригаде.
- И сколько вас там было?
- Один. Лошадей подковывал.
- А сейчас обращаются за этим люди?
- Так, иногда. И то, я зятя научил, он сам кует (7, С. 145).

Респонденты указывают, что потребность в труде кустарных кузнецов ощущалась на Ставрополье вплоть до 1970-х гг. Позже их изделия оказались вытеснены продукцией промышленного производства или совсем исчезли из сельского быта. Тем не менее, в отдельных населенных пунктах развитие кузнечного дела продолжалось и позднее. Так, Василий Иванович Шевченко, кузнец из станицы Темнолесской, последнее из своих изделий (чапель) изготовил в 1990-е гг. (8, С. 133).

Кроме ремесел, связанных с обработкой металлов, респонденты упоминают о шерстобойном деле, ткачестве, бондарном, гончарном, шорном и сапожном деле, обработке дерева. Но данные виды кустарных промыслов не были достаточно развиты или же достаточно специализированы. Например, объемы гончарной продукции, изготавливаемой в отдельных селах, не могли удовлетворить потребности местного населения. Поэтому жители станицы Темнолесской покупали горшки в г. Невинномысске (8, С. 56), а приволяне в с. Белая Глина (которое когда-то было в составе Медвеженского уезда Ставропольской губернии, а сейчас находится в границах Краснодарского края) (6, С. 123).

Обработка кожи и шерсти, связанная с развитием скотоводства, на Ставрополье была довольно распространена. Но процессов профессионализации в шерстобойном и сапожном деле в исследуемых селах не наблюдается. Это можно объяснить тем, что изготовление обуви (валенков и поршней) не требовало узкоспециальных навыков и было доступно любому сельскому жителю. Об этом рассказывается в интервью с приволянами П. К. Прокопенко и Т. И. Гаврюховой:

- [...] Поршни нужны были для того, чтобы обуваться?

Прокопенко:

- Да. Их делали из кожи.
- Из какой?

Прокопенко:

- С любой кожи.

Гаврюхова:

– Кожа, вот, например, с коровы. Ногу ставишь, вырезаешь. Вот тут ты зашьешь и сзади. А тут дырочки побьешь, из кожи шнурок узенький туда затягиваешь.

- Это любой мог сделать такие поршни или были такие сапожники?

Прокопенко:

– Да, любой (6, С. 127).

Анализ интервью респондентов и других данных полевых исследований показывает, что в наибольшей степени отделились от сельского хозяйства и специализировались ремесла, связанные с обработкой металлов. Ибо занятие жестяным или кузнечным делом требовало специальных навыков и отнимало много времени. Трудно было совмещать эти виды деятельности с иными хозяйственными практиками. Кроме того, продукция кузнецов и жестянщиков ценилась, что позволяло мастерам зарабатывать на жизнь своим трудом. Эти ремесла приобрели товарный характер и ориентировались на потребности местного рынка. Степень же развитости остальных кустарных промыслов варьировалась в зависимости от региональных особенностей и специфики каждого из занятий.

В ходе экспедиционной работы установлено, что многие ремесленные династии, зародившиеся в ставропольских селах на рубеже XIX–XX столетий, не прерывались и в советское время. При этом многие ремесленники 1930–60 гг. работали в колхозных мастерских. И лишь централизованное снабжение села промышленными товарами, а также повышение уровня жизни колхозников в 1970-е гг. повлияли на то, что деятельность кустарей стала затухать. Сейчас многие сельские промыслы сохранились в виде хобби. Единственным же востребованным ремеслом является жестяное дело, связанное с потребностями строительства.

Использованная литература и источники

1. Стрекалова Е.Н. «Устная история» в контексте новой локальной истории // <http://www.newlocalhistory.com/ustnaya>
2. Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.
3. Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Пятигорск, 1994.
4. Плохотнюк В.С., Сачук С.С., Елагина Е.Н. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в Курский и Степновский районы Ставропольского края. Ставрополь, 2002. СГМЗ. н.в.ф. 8987.
5. О.ф. 34175.
6. Сачук С.С. Отчет о работе комплексной естественнонаучной и историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в с. Привольном и на х. Богомолове Красногвардейского района Ставропольского края. Ставрополь, 2007. СГМЗ. о.ф. 35799.
7. Сачук С.С. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в с. Гофицком Петровского района Ставропольского края. Ставрополь, 2005. СГМЗ. О.ф. 35201.
8. Сачук С.С. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе в ст. Темнолесской Шпаковского района Ставропольского края. Ставрополь, 2003. СГМЗ. О.ф. 33645.

Гриднева Н. А. ,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующая отделом;

Драчева О. Н.,
с. Татарка,
Историко-краеведческий музей с. Татарка –
филиал Ставропольского
государственного музея-заповедника,
младший научный сотрудник

Формы и методы историко-экологического образования школьников в музее села Татарка

Начало XXI века внесло значительные коррективы в систему современного образования. В учебных планах каждого образовательного учреждения национально-региональный компонент теперь является обязательным.

Судьба наших музеев всегда была напрямую связана с изменениями в системе образования-просвещения учащихся нетрадиционными методами. В XX веке в жизни многих музеев России становится весьма ощутимой тенденция создания специализированных программ для юной аудитории. Музей села Татарка решает эту проблему с самого начала своего существования. Тесное сотрудничество со школами села и даже района привело к появлению программы современных образовательных услуг.

Цель: развитие у школьников интереса к историко-культурному наследию региона, потребности бережного сохранения уникальных памятников прошлого и настоящего.

На поиски подходящих форм работы потрачено немало сил. В результате намечились основные направления:

- 1). Консультации.
- 2). Смотры.
- 3). Конкурсы.
- 4). Выставка детского творчества.
- 5). Лектории по истории и краеведению.

Одно из наиболее значимых направлений сейчас – занятия на базе музея с использованием показа и рассказа об экспонатах из собрания музея. Примером служит работа на базе последней выставки, созданной в августе 2009 года, – «Из глубины веков».

Цель выставки: познакомить школьников с единственным в крае археологическим и природным музеем – заповедником «Татарское городище».

Главным музеем была подготовлена и передана коллекция фотографий, отражающих современное состояние археологического памятника: более 30 достопримечательностей природы – скалы, гроты, родники, водопады, растения и другие живописные уголки Татарского городища.

Отдел «Татарское городище» передал фотографии археологических находок, портреты первых исследователей Татарского городища Г. Н. Прозрителева и Т. М. Минаевой.

На выставке представлены предметы, выполненные своими силами. Это реконструкция турлучной стены, глиняного горшка и аланского женского платья; макет скалы Сотовой (часть скалы, находящейся на южной стороне Татарского городища); действующий водопад Пагода в миниатюре (изготовлен из цементного раствора и мелких камней ракушечника с циркулирующей по кругу водой); макет Татарского городища периода царствования Хазарского Каганата.

Встречая ребят, экскурсовод сообщает исторические факты о памятнике – где находится, откуда такое название, кто первым исследовал городище, когда здесь был создан музей-заповедник.

Рассказ не скучен потому, что просто факты чередуются стихами, написанными работниками музея:

«Когда-то, много лет назад,
Там, где сейчас леса шумят,
Где три ручья, как близких друга,
Встречаясь, обняли друг друга,
Был город древний среди скал,
И крепостью для всех он стал ...»

Смотри приложение №1.

Активное освоение музейной информации осуществляется и другими способами, такими, как игровая деятельность. Игра в жизни ребенка, особенно младшего школьника, остается ведущей формой познания. Именно в ней он лучше сосредотачивается, а главное, больше запоминает, у него развивается способность мысленного манипулирования с предметами, пробуждается творческое начало, развивается воображение.

Один из вариантов игры на выставке «Из глубины веков» – путешествие в прошлое. Куда как проще ребенку узнать и запомнить, что собой представляло городище много веков назад, если предложить ему стать современником скифов, сармат, хазар, рассказать о них от имени этих народов, да еще и в стихотворной форме.

Рассказчик 1.

Кобанцы жили здесь и процветали.

Но скифы неожиданно напали.

Чтоб для походов здесь плацдарм освоить
И мирные занятия с ратным делом строить,
Хозяйством сельским им пришлось заняться
И, обеспечив себе тыл, с кобанцами в союзе зняться. ...

Смотри приложение № 1.

Рассказчик 2.

Аланы, болгары, авиры, хазары
Жить в мире и дружбе в том городе стали.
С тех пор городище вошло в Каганат
Хазарского царства. И каждый был рад. ...

Смотри приложение № 1.

Одной из форм активизации музейной аудитории, объединения знатоков и приобщения их к работе музея являются конкурсы, викторины, связанные с тематикой музея. Эти соревнования организуются таким образом, чтобы максимально приблизить посетителей к музейным коллекциям: задания предполагают знание не только фактов, но и экспозиции памятников на территории региона.

В качестве примера: «Удивительный животный и растительный мир Татарского городища».

Рассказчик:

Теперь по тропам ходим мы и видим,
Как лес шумит и плещется вода,
Сбегая по порогам водопада,
И как ручей журчит, встречаясь в устье с ним. ...

Смотри приложение № 1.

После экскурсии на выставке, посвященной Татарскому городищу, предпочтение отдается вопросам не просто на знание, а тем, которые побуждают вспомнить только что увиденное и услышанное, или обратиться к собственному жизненному опыту:

Неприметен в чаще леса
Я, малыш, но в нужный час
Больше собственного веса
Поднял вес в сто десять раз.

Смотри приложение № 2 (загадки).

На базе музея работает клуб по интересам «Вдохновение». Учащиеся младшего и среднего школьного возраста читают стихи местных поэтов, пытаются сочинять собственные, участвуют в театрализованных постановках, таких, как «Колесо истории», «Истоки народной культуры».

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

«Сказание о Татарском городище»

Когда-то, много лет назад,
Там, где сейчас леса шумят,
Где три ручья, как близких друга,
Встречаясь, обняли друг друга,
Был город древний среди скал.
И крепостью для всех он стал.
Кочевники здесь часто отдыхали,
Когда в походы долго шли.
Тогда они еще не знали,
Что стойбище себе нашли.
В 8-м – 7-м веках до нашей эры
Решили многие из них осесть,
Заняться земледелием хотели,
Чтоб хлеб свой продавать и сеять здесь.
Чтоб хлеб растить, ремеслами заняться –
На месте нужно было им остаться.
Рельеф удобный среди рек и скал
Защитой от врагов им стал.
Кобанцы мирно жили здесь и процветали,
Но скифы неожиданно напали.
Чтоб для походов здесь плацдарм освоить
И мирные занятия с ратным делом строить,
Хозяйством сельским им пришлось заняться
И, обеспечив себе тыл, с кобанцами в союзе знаться.
Но вот сарматы, разрушая,
Прошлись по скифским городам,
Пожар и смерть там оставляя,
Гоня их к крымским берегам.
А место то, где городище было,
Сарматы тронуть не смогли:
Здесь не было пожаров, разрушений, боя
И даже массовой резни.
И так в союзе двух племен
На городище жить совместно стали.
Хозяйством занимались день за днем,
А иногда в походах пропадали.
Каждый мальчик с детства знал, как оседлать коня,
Как наконечник наточить для стрел и для копья:

Чтоб конь ретивый в битве не сбросил седока,
Чтоб стрелы остры были и ранили врага.
У каждой девушки по вкусу
Имелись цветные бусы.
Нанижут их на ниточку,
Привяжут на запястье,
На грудь повесят с кисточкой
И пожелают счастья.
Украсят голову подвеской
Из золота и серебра,
В карман запазушный тихонько
Положат с гребнем зеркало.
На нем знак благородный
На счастье и добро.
На благополучье в браке
Подарено оно.
Прошли века. Эпоха новая настала.
Великое переселение народов шло.
И власть сарматов пала.
А множество племен приют себе нашло
Здесь, на Татарском городище,
Где защищали город скалы.
Аланы, болгары, авиры, хазары
Жить в мире и дружбе в том городе стали.
С тех пор городище вошло в Каганат
Хазарского царства. И каждый был рад.
Ведь здесь ключевые дороги прошли,
А жители бойко торговлю вели.
Город стал центром военным и политическим
И еще торгово-экономическим.
Могущество чувствовалось во всем.
Жизнь в городе нашем была ключом:
Стены и башни построены были,
Рвы и валы, цитадель возвели,
Правитель с дружиной в крепости жили,
Продовольствие и оружие в ней берегли.
Со временем построили и храм.
Но вот прошли века. Под натиском врага
И этот город был без боя сдан –

Кочевник-печенег пришел сюда.
Почти два тысячелетия жили люди здесь:
Смеялись, радовались, огорчались.
Теперь тут только три поляны есть.
На них остатки башен и стены остались.
Валы и цитадель покрыты лесом.
Бегут ручьи, им птицы вторят в такт.
И удивительно красиво это место.
Я думаю, всегда здесь было так.
Ручей Каскадный в Анненский впадает,
И Травертиновый, сливаясь с ним,
Бежит, путь новый открывая,
Гремучий следует за ним.
Сплетаясь водною струей,
Бегут ручьи одной рекой
В глубокой балке, вымытой когда-то
Рекой бурливой отступавшего Сармата.
Теперь по тропам ходим мы и видим,
Как лес шумит и плещется вода,
Сбегая по порогам водопада,
И как ручей журчит, встречаясь в устье с ним;
Как в солнечных лучах, крылом сверкая,
На веточку присела стрекоза,
Как под листом в тени ее лягушка поджидает,
А вдалеке уже идет гроза.
В лесной тиши не молкнут трели птиц:
То слышен дятла стук, то крикнет сойка.
Услышать можно чечевиц.
Но дольше всех поет теньковка.
На опушке леса, где трава густа,
Моховик и белый, спрятавшись, стоят.
Сыроежек радует радужный наряд.
Рядом на пригорке целый ряд опят.
В малахитовой оправе,
Словно камень морион,
Озерцо в зеркальной глади
Освежает леса склон.
Средь осоки и купены
На каменистом берегу

СОХРАНИТЬ

Папоротник очень древний
Бросил лист во всю длину.
И блестит тот, словно кожей
Лист обтянут молодой,
А побеги, как улитки,
Повисают над водой.
На поляне буйство цвета.
Припекает жгуче лето.
Радость от цветов, как в праздник, –
Ведь цветут вокруг: лобазник,
Колокольчик, василек –
Очень радостный цветок.
Чабрец, душица, зверобой...
С ними хоть сегодня в бой:
Чай попил – и ты здоров,
И без всяких докторов.
Много встретишь здесь цветов
Осенью, весной и летом.
Любоваться мы всегда готовы
Этим желто-сине-красным цветом.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2. ЗАГАДКИ.

Раздается стрекот четкий
На лугу в траве густой.
Из чего себе трещотку
Смастерил кузнечик в зной? (Из ног и крыльев.)
Сколько в час погожим летом,
Позабыв про тормоза,
Может сделать километров
Рекордсменка-стрекоза? (Коромысло. 125 км².)
Дни длиннее и длиннее,
Вечерком, как схлынет жар,
Кто кусается сильнее –
Комариха иль комар? (Комар не кусает.)
Кто на солнечном покосе
Торопливо на бегу
Из восьми – пять ног отбросил
И оставил их врагу? (Паук-сенокосец.)
По воде зеркально-чистой,
Как по синей глади льда.

Кто не хуже хоккеистов
Носится туда – сюда? (Водомерка.)
Очень мирные мы змеи,
Любим жить в лесах у рек.
Яда вовсе не имеем
И не знали с ним вовек. (Уж.)
Повелось уж так издревле,
Что живу я не везде.
Обитаю на деревьях,
А икру мечу в воде. (Лягушка-квакша)
Кто в пруду под ряской пышной,
Под раскидистым кустом,
Как всегда свободно дышит
Черным сплюснутым хвостом? (Тритон.)
Впрок маслят набрать стараюсь,
Нанизать их на крючки,
Словно делать собираюсь
Я грибные шашлычки. (Белка.)
Очень я на мышь похожа,
С нею в норках знаю толк.
А вот съесть меня не может
Ни лиса, ни хорь, ни волк. (Землеройка.)
Роем норы без конца мы
В царстве вечной темноты.
Но не лапами – резцами,
По другому, чем кроты. (Слепыш.)
И зима мне не помеха.
Средь кустов и камышей
Я могу под толщью снега
Без труда ловить мышей. (Ласка.)
Жить без дела не могу я,
В пятом я встаю часу:
То сажаю бук я клювом,
То дубы в глухом лесу. (Сойка.)
Удивляю я чечеток,
Соек, иволг и синиц.
Наимодную прическу
Только я ношу из птиц. (Удод.)
Пробудившись ранней ранью,

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

Дело сразу нахожу:
Громко клювом барабаню,
Всех зверей и птиц бужу. (Дятел.)
У воды люблю селиться,
Что, струясь, шумя, бежит.
Хвост мой, вроде, всех боится –
Все трясется и дрожит. (Трясогузка.)
Строить гнезда не люблю я,
И, как с юга прилечу,
То, не раскрывая клюва,
Громче всех в лесу кричу. (Кукушка.)

Используемая литература и источники

1. С. Н. Савенко, В.Г. Данилевич, Н.А. Охонько. Концепция создания Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника. – Ставрополь, 2005.
2. Б.Л. Годзевич, Н.А. Охонько, В.В. Савельева, А.А. Кудрявцев. Встречи с прошлым и настоящим (путеводитель по Татарскому городищу). – Ставрополь, 1999.
3. Энциклопедический словарь Ставропольского края. – Ставрополь, 2006, с. 377–378, 225, 289, 203.
4. В.Н. Галаева. Археологические изыскательские работы на Третьем городище. – Прозрителевские чтения. Вып. 2. Ставрополь, 2006, с. 66 – 67.

Данилевич В. Г.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
заведующая отделом природы,
кандидат биологических наук;

Данилевич А. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский аграрный университет,
аспирант

К изучению редких растений Предкавказья

С 1989 г. нами проводятся регулярные наблюдения за популяциями редких растений Предкавказья и сопредельных территорий, что позволяет сделать некоторые заключения об их состоянии.

1. Прибрежная зона Соленого озера поселка Медвеженский Красногвардейского района - место нахождения *Clematis integrifolia* и *Astragalus dolychophyllus*. Повторные сборы данных видов не отмечались с 1989 г. из-за полной распашки почвы у кромки воды. На побережье р. Малый Гок в пяти км на северо-запад от с. Красногвардейского новая точка сбора *Astragalus ponticus*. Там Белоусом В. Н., Дорониным И. В. были найдены две популяции редкого вида: одна в количестве 15 особей, другая – в количестве четырех, находящаяся в нескольких км от предыдущей. Сборы данного растения долгие годы не производились, и наличие его в крае было под сомнением (1, 8).
2. В северо-восточных районах края – в небольших популяциях встречаются в балке Голубиной и близ с. Красный Маныч (Апанасенковский район) *Zannichellia sp.*, *Najas sp.*, *Ruppia sp.*(9).
3. Канал от р. Кума юго-восточнее с. Величаевского (Нефтекумский район) не дал находок *Utricularia vulgaris*, которая многие годы не обнаруживается и в озере Кравцовом, где последний сбор ее был произведен в 1989 г. Шесть автодорог, более 30 кострищ, парусные регаты, сброс химикатов в озеро с дачных участков, видимо, служат лимитирующими факторами для популяции пузырчатки. *Nuphar luteum*, *Salvinia natans* впервые отмечены для Маныче-Дадынского флористического района. Локалитет *Iris pseudonota* остается для популяции редкого растения в сохранности. По пескам Нефтекумского района вдоль обводнительных каналов и р. Горькая балка популяции *Imperana cylindrica* также довольно многочисленны. *Sagittaria sagittifolia* встречается в разливных водах артезианской скважины у п. Затеречный и образует соседство с редким сусаком зонтичным (*Butomus umbellatus*). Гусиный лук

тонкий (*Gagea tenuifolia*), приводимый ранее для окрестностей а. Озек-Суата, повторно нами не был отмечен (3,5).

Гусиный лук тонкий – *Gagea tenuifolia* (Boiss) Fom. – категория IV, ксеротермический реликт, статус 2 – уязвимый вид. Основной ареал находится в Иране, отмечен для Средней Азии. Ареал простирается до Ергеней вдоль Маныча. На Кавказе встречается в Восточном, Южном, Центральном Закавказье, НВ, ЗА, З. Отмечен для Дагестана. Магулаев приводит его для окрестностей ст. Кумтор-Кала. В крае известна пока единственная популяция, найденная в Нефтекумском районе между п. Затеречный и с. Озек-Суат. Видимо, это самая восточная на Предкавказье точка ареала.

4. Окрестности г. Зеленокумска (Зеленокумский район) дали интересную находку. В. Н. Белоусом была отмечена новая точка сборов *Gagea fibrosa*, особи которого имели столоны с луковичками на конце длиной до 25 см. Им же и Н.Е. Шевченко в окрестностях п. Урух по высотам вдоль р. Золка (Георгиевский район) были собраны экземпляры данного вида опять же в стадии столонообразования. Таким образом, ареал обитания *G. fibrosa* всё более уточняется (2,4). Предыдущие редкие находки относились к следующим территориям:

G. fibrosa=*commutata*

Дагестан, Махачкалинский р-н, г. Тарки-тау, с. Тарки, 22.III.1953, Проханов (LE); Ставропольский кр., Курской р-н, с. Русское, лес Пиевский, IV.1997, Медведевская, Данилевич (СГУ); *ibidem*, ст. Курская, 3-4.V.1995, Федорова, Данилевич (СГУ); *G. commutata* var. *serotina*, Ставропольский кр., Петровский р-н, ю-в склон Прикалаусских высот за с. Ореховкой у родника, 20.IV.1982, Скрипчинский (СБС); Благодарненский р-н, с. Бурлацкое, плато на краю яра, 21.V.1998, Щербакова, Данилевич (СГУ); *ibidem*, 18.IV.1997, *idem* (СГУ); *ibidem*, яр, плато у края, IV.1997, *idem* (СГУ).

5. В Курском районе популяция *Imperata cylindrica* представлена обширными пространствами между ботаническим заказником Степан-бугор и п. Мирный, где выход грунтовых вод или добыча нефти путем закачки воды с 50-х годов прошлого столетия привела к появлению многочисленных озер с устойчивым биотопом, на побережье которых и произрастает императа цилиндрическая. Единичны тут экземпляры *Astragalus brachycarpus* (6). Ст. Курская, плавни р. Куры, старое русло обводнительного канала – местообитание *Iris scariosa*, где он встречается чрезвычайно редко. За несколько лет исследования небольшая популяция найдена лишь однократно. *I. pseudacorus* имеет более обширную популяцию, давая по плавням крупные (около 50 экз.) или мелкие (до пяти экз.) группировки. Поедание цветов цветоедами, видимо, не должно нанести большой урон данной популяции.

6. Восточнее п. Рошино, на территории Дагестана в Червленых бурунах были отмечены *Astragalus lechmannianus*, *A. dolichophyllus*, *A. brachylobus*, *A. longipetalus*. *Cotinus coggigria*, являясь обитателем песков и барханов высотой около 200 м, дает местности красный цвет во время цветения кустарника и осенью при покраснении листьев, что, возможно, и послужило названию данной местности.
7. Янкульская котловина – верховья реки Янкуль от с. Бешпагир до х. Калюжного – места произрастания многих редких видов. Здесь находится местообитание узколокального эндемика *Euphorbia aristata*, небольшие популяции которого изредка встречаются по дну балки в сырых местах. *Eremyrua spectabilis* продолжает занимать склоны южной экспозиции доходя по численности особей до 30. *Tulipa schrenkii*, *T. biebersteiniana*, *Paeonia tenuifolia*, *Bellevalia sarmatica*, *Iris pumila*, *Colchicum laetum*, *Stipa pulcherrima*, *S. dasphylla*, *S. ucrainica* встречаются там рассеяно повсеместно.
8. Бешпагирские высоты в окрестностях села Бешпагир имеют наиболее многочисленную популяцию *Erodium stevenii*. *Psephellus annae* на Лысом бугре размером 35x50 м имела сплошной покров из этих растений (7). Впервые отмечена *Scabiosa isetensis*, количество особей которого не превышает 15. Некоторые реликты: *Tulipa schrenkii*, *Paeonia tenuifolia*, *Iris pumila*, *Bellevalia sarmatica*, *Colchicum laetum* – попадаются рассеяно.
9. В окрестностях п. Дубовая Роща (Александровский р-н) на склонах Прикалаусских высот нами были найдены редкие и охраняемые *Iris pumila*, *Stipa pulcherrima*, *S. dasphylla*, *Erodium stevenii*, *Psephellus annae*, *Hedysarum biebersteinii*.
10. Воровсколесские высоты (Андроповский р-н): для урочища Семистожки впервые отмечаются *Iris marschalliana*, и *Psephellus marschallianus*. Встречены редкие *Anemona nemorosa*, *Tulipa schrenkii*, *Paeonia tenuifolia*, *Iris pumila*, *Colchicum laetum*.

Таким образом, исследования и мониторинг редких растений в регионе продолжается (7). Состояние их популяций можно считать удовлетворительным.

Использованная литература и источники

1. Белоус В.Н. Астрагал понтийский *Astragalus ponticus* Pall. // Красная книга Ставропольского края. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных – Т. 1.: Растения. – Ставрополь: Полиграфсервис, 2002. – С. 186.
2. Данилевич В.Г. Гусиный лук фиброзный *Gagea fibrosa* (Desf.) Schult. et Schult.fil., там же, С. 250.
3. Данилевич В.Г. Гусиный лук тонколиственный *Gagea tenuifolia* (Boiss.) Fomin - там же, С. 251.
4. Данилевич В.Г. Обзор видов рода *Gagea* Salisb. Ставропольского края // Вестник СГУ, вып. 6, 1996. – С. 91–100.

5. Данилевич В.Г. К систематике и охране некоторых видов рода *Gagea* Salisb. (Liliaceae) Центрального Предкавказья и сопредельных территорий // Растительные ресурсы Юга России. Сборник научных трудов. – Ставрополь, 2005. – С. 141-147.
6. Дополнения к Красной книге Ставропольского края за 2003 год /Отв. ред. А.Л. Иванов. – Ставрополь: Сервисшкола, 2004. – 104 с.
7. Доронин И.В., Данилевич В.Г. Новые данные по изучению редких и исчезающих видов флоры и фауны Предкавказья // Прозрителевские чтения, материалы научно-практической конференции, Ставрополь, 2009, С. 154–160.
8. Красная книга Ставропольского края, 2002. – Ставрополь: ОАО «Полиграфсервис» Т.1 – 382 с., Т.2 – 215 с.
9. Немирова Е.С., Данилевич В.Г. К флоре окрестностей озера Солёного // Актуальные вопросы экологии и охраны природы Ставропольского края и сопредельных территорий. Ставрополь, 1991. – С. 134–135.
10. Немирова Е.С., Данилевич В.Г. К флоре северо-восточных и восточных районов Ставропольского края // Вестник Ставропольского гос. педаг. ун-та, вып. 2, 1995. – С. 23–26.

Денисенко М. Ю.,
г. Ставрополь,
Ставропольский
государственный музей-заповедник,
заведующая отделом истории,
кандидат философских наук

Коллекция знамен в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника

С тех пор как люди стали осознавать себя членами определенной общности: клана, рода, – они ощутили потребность в символах, которые могли бы отличать их от других. Предшественники современных знамен появились еще в древнем мире, с началом эпохи крупных сражений, для того, чтобы воинам было проще искать своих среди больших масс людей. Определенные знаки имели также более мелкие воинские соединения: когорты, манипулы и т. д. Эти знаки назывались в древнем Риме *vexillum* – знамя, использовавшееся римскими легионами. Отсюда берет свое название **вексиллология** – специальная историческая дисциплина, занимающаяся изучением флагов и знамен (поскольку флаги и знамена являются знаками разного порядка, вексиллологию иногда подразделяют на «флаговедение» и «знаменоведение»).

Флаг – изделие массового потребления. Обычно изготавливается в одностороннем (однослойном) варианте. **Знамя** (древнерусское – стяг, хоругвь, прапор) – разновидность флага, единичное флажное изделие. Владельцем знамени может быть определенная группа людей (например, знамя полка). Как правило, знамя изготавливается из дорогостоящих материалов и богато украшается вышивкой, бахромой, кистями, лентами. Необходимо выделить **знамённый комплекс** – совокупность полотнища знамени, его конструктивных и декоративных элементов, в состав которого входят:

- полотнище – основная часть знамени, полотнище знамени изготавливается из двух отрезков ткани, сшиваемых по периметру;
- бахрома – декоративный элемент полотнища;
- древко – мачта для крепления полотнища, как правило, изготовленная из дерева;
- знамённые гвозди – специальные гвозди, служащие для закрепления полотнища на древке;
- запас – часть полотнища, обёрнутая вокруг древка и предназначенная для крепления к последнему;
- навершие – элемент, крепящийся на вершине древка. Обычно это металлическая фигура в виде наконечника копья либо шар. Навершие крепится к

древку с помощью трубки, в ней же крепятся шнуры с кистями и ленты (с памятными надписями или орденские).

– скоба – элемент, крепящийся на древке ниже знамени. Это металлическое кольцо, на котором традиционно гравированы памятные надписи (в Российской армии — краткую биографию воинской части);

– подток – это опора для знамени, выполненная из твердого материала;

– предохранительный чехол знамени;

– панталер – перевязь через плечо знаменосца, предназначенная для ношения знамени.

Интерес к вексиллологии появился в Америке и Европе в 1960-х годах. Широкой популяризации вексиллологии послужили книги американского флаговеда Уитни Смита, которые были переведены почти на все европейские языки. В СССР в конце 1960-х годов тоже возрос интерес к флагам. Были изданы первые русские книги о флагах: «Флаги государств мира» К. Иванова, книга К. Мамаева «Флаги рассказывают». Появились и энтузиасты вексиллологии: М. Ревнивцев, В. Курасов, А. Басов и другие.

Изначально знаменем являлся сакральный символ племени или группы родов, который лег в основу общеславянской геральдики. Но прежде чем прочно обосноваться в гербах, этот знаменный символ был призван стяжать, т. е. снискать, приобрести или добыть небесное заступничество всем, кто следовал за ним. Отсюда и возникло название прикрепленного к древку матерчатого полотнища со священным изображением на нем – стяг.

После крещения древнерусские стяги стали священными в полном смысле этого слова – их полотнища украсились образами Нерукотворенного Спаса, Богородицы, архангелов и херувимов. Тогда же одной из основных знаменных фигур стал христианский крест, тематика которого в различных модификациях используется и поныне. Такие стяги освящались наравне с иконами, перед ними служились молебны, а «чермные» – багряно-красные стяги Дмитрия Донского и Ивана Грозного стали общерусскими святынями. Отсюда поговорки: «Сбережешь знамя – сбережешь честь», «Сам погибай, а знамя спасай!» и т. п. Знамя также ассоциировалось с русской душой: «Где знамя – там и душа».

Ввиду того, что гербовая символика любого государства всегда древнее символики знамен, цвета, входящие в состав национального флага, непременно заимствуются из государственного герба. Так, у российского флага существовала своя символика цветов. Черный цвет – это цвет русского двуглавого орла, символ державности вообще, государственной стабильности и крепости. Золотой (желтый) некогда был цветом знамени Византии, воспринятого Иваном III, и выступал символом преемственности и сохранения в чистоте православной веры. Белый – цвет Георгия Победоносца – служит символом великой, бескорыстной

жертвенности за Отечество. До конца XVIII века знамена выдавались на время. При воцарении нового императора они уничтожались, а вместо них выдавались знамена нового образца. С начала XIX века знамена начали храниться в полках, а затем в музеях. В торжественных случаях старые знамена выносили в строй.

Коллекция знамен в фондах СГМЗ насчитывает 169 предметов основного фонда, 4 знамени научно-вспомогательного фонда и 1 знамя, находящееся на временном хранении. Данную коллекцию знамен можно разделить на несколько групп.

1. Военные знамена дореволюционного периода, сюда мы отнесем трофейное знамя периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. На турецком языке на знамени надпись: «НЕТ БОГА, КРОМЕ БОГА. МУХАМЕД – ПОСЛАННИК БОГА» (оф. 13563). Трофеи военные (франц. *trophée*, от греч. *τροφαίον* — памятник обращения врагов в бегство, то есть памятник победы), вооружение и военное имущество противника (оружие, танки, самолеты, автомашины, боеприпасы и др.), захваченные победившей стороной во время войны.

2. Военные знамена советского периода. В основном фонде СГМЗ хранятся два боевых знамени 53-й кавалерийской дивизии (оф. 4168). 53-я кавдивизия была сформирована в июле 1941 г. в Ворошиловске (Ставрополе). Ставропольская дивизия была объединена с 50-й кавдивизией, сформированной на Кубани, в конную группу под командованием Л. М. Доватора. За отличные боевые действия, отвагу и храбрость в боях дивизия 26 ноября 1941 г. получила звание гвардейской и переименована в 4-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию. Полку было вручено Гвардейское знамя, в связи с чем было принято решение вернуть на Ставрополье старое знамя 53-й кавалерийской дивизии. Решением бюро крайкома партии и исполкомом краевого Совета депутатов от 7 января 1945 г. знамя сделали переходящим. Оно переходило из рук в руки до конца Великой Отечественной войны, затем было передано в музей на вечное хранение.

В научно-вспомогательном фонде хранится знамя 317-й стрелковой будапештской краснознаменной дивизии (нвф. 8343), изготовленное в 1993 г. по указу ветеранов 317-й стрелковой дивизии в честь 50-летия освобождения г. Ставрополя от немецко-фашистских захватчиков.

Также в научно-вспомогательном фонде музея хранится Знамя Победы (новодел) (нвф. 9560), которое выносится на время парада 9 мая ежегодно. Следует также отметить, что в целях увековечения народного подвига в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, в ознаменование заслуг воинов советских Вооруженных Сил перед Отечеством и в знак благодарности потомков победителям фашистских захватчиков Федеральным законом от 25 апреля 2007 г. установлен статус Знамени Победы, правовые основы его хранения и

использования. Знаменем Победы является штурмовой флаг 150-й ордена Кутузова II степени Идрицкой стрелковой дивизии, водруженный 1 мая 1945 года на здании рейхстага в городе Берлине. Знамя Победы является официальным символом победы советского народа и его Вооруженных Сил над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, государственной реликвией России.

3. Памятные, переходящие красные знамена советского периода. Данная группа самая многочисленная и насчитывает около 160 знамен, ее можно разделить на несколько подгрупп: знамена, вручаемые за высокие достижения в развитии промышленности, культуры, сельского хозяйства, пионерским и молодежным организациям, памятные знамена дружественных стран. Красные знамена переходящие – одна из форм поощрения победителей в социалистическом соревновании. Переходящие красные знамена Совета Министров СССР и ВЦСПС, министерств и ЦК профсоюзов были учреждены для коллективов предприятий – участников Всесоюзного социалистического соревнования. В основном фонде СГМЗ хранятся различные переходящие красные знамена, выполненные из бархата или атласа, с характерной советской символикой (элементы флага, герба СССР, изображение В. И. Ленина), среди них знамя «Победителю в социалистическом соревновании», врученное в 1968 г. коллективу Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г. К. Праве Управлением культуры Ставропольского Крайисполкома (оф. 26221); знамя коллективу автотранспортного предприятия «Победителю в краевом социалистическом соревновании», 1980-е гг. (оф. 28173); знамя за увеличение производства и расширение ассортимента товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения (оф. 28174) и многие другие.

В 1950-е гг. были учреждены переходящие красные знамена для поощрения колхозов, совхозов, районов, областей, краев, автономных и союзных республик – победителей во Всесоюзном социалистическом соревновании в сельском хозяйстве. В фондах музея-заповедника имеются такие знамена, среди них знамя Крайкома КПСС и Крайисполкома району-победителю в социалистическом соревновании за высокие показатели в развитии птицеводства в 1955 г. (оф. 13841); переходящее знамя Крайкома КПСС и Крайисполкома колхозу-победителю в социалистическом соревновании за увеличение производства молока (оф. 13839); знамя Народного комиссариата земледелия победителю во всесоюзном социалистическом соревновании машинно-тракторных станций (оф. 13819) и др.

Памятными и переходящими красными знаменами награждали также молодежные организации СССР, участвовавшие в социалистических соревнованиях. ВЛКСМ (Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз

Молодежи) – массовая общественно-политическая организация советской молодежи. В фондах музея хранится знамя первой советской молодежной организации – Российского Коммунистического Союза Молодежи (РКСМ), созданной на 1-м Всероссийском съезде союзов рабочей и крестьянской молодежи 29 октября 1918 г. В июле 1924 г. РКСМ было присвоено имя В. И. Ленина — Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (РЛКСМ). В связи с образованием Союза ССР (1922) комсомол в марте 1926 г. был переименован во Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ). В годы первых пятилеток (1928–1940) комсомольцы Ставрополя принимали активное участие в строительстве Невинномысского канала, фабрик и заводов, в развитии сельского хозяйства и др. В фондах музея хранятся такие переходящие и памятные знамена, как знамя переходящее Ставропольского крайкома ВЛКСМ – победителю социалистического соревнования (оф. 28908/13); знамена районных комсомольских организаций Ставропольского края (Апанасенковского, Георгиевского районов, Ленинского района г. Ставрополя) и др.

Отдельно следует выделить памятные знамена, вручавшиеся промышленным предприятиям, колхозам и совхозам Ставропольского края делегатами дружественных стран: памятное знамя чехословацкой делегации, посетившей Шерстомойную фабрику в г. Невинномыске в 1957 г. (оф. 14246); памятное знамя Чехословакии, полученное в 1960 г. коллективом Арматурного завода в г. Георгиевске (оф. 14736) и др.

4. Военные знамена современного периода. В фонды СГМЗ были переданы 4 знамени Терского казачьего войска. Следует сказать, что первые конкретные действия в деле возрождения казачества стали предприниматься непосредственно на местах в конце 1980-х гг. Ядром Терского казачьего войска стало сформированное в конце 1990-х гг. Ставропольское казачье войско, а в г. Ставрополе – Ставропольская станица – городское общество казаков. Знамя Ставропольской станицы (оф. 35560) передал ее глава А. Ф. Зорин.

Знамя 1-й отдельной казачьей мотострелковой роты (оф. 34287) было передано в музей в 2003 г. В. Ф. Чеботаревым, атаманом Ставропольского окружного казачьего общества, в связи с расформированием этого воинского подразделения. Стрелковая казачья рота была сформирована в октябре 1999 г. До 17 ноября 2002 г. была прикомандирована к военной комендатуре Шелковского района Чеченской республики. Знамя является реликвией, связанной с историей казачьего военного объединения, принимавшего участие в чеченских событиях конца XX века. В 1998 г. был избран атаман Ставропольского округа Терского казачьего войска. Им стал Василий Павлович Бондарев, который в октябре 2000 г. был избран атаманом Терского казачьего войска. За время работы Бондарева в

чине окружного атамана произошел ряд позитивных перемен, большое внимание уделялось работе с молодежью, возрождению казачьих традиций. Бондарев передал в фонды СГМЗ штандарт Терского казачьего войска (оф. 35388), штандарт атамана Терского казачьего войска (оф. 35389).

5. Знамена современного периода. На временном хранении в фондах музея находится Штандарт губернатора Ставропольского края. В 1990-е гг. был возрожден институт губернаторства. Губернатор – высшее должностное лицо края, которое обеспечивает выполнение на территории края Конституции РФ и Устава СК. Так же, как и Президент РФ, губернатор СК имеет свои особые знаки: Штандарт губернатора, нагрудный знак. Штандарт – маленькое знамя нашего края, личный знак губернатора, размещается всегда там, где находится глава края. Штандарт передается во время торжественной церемонии вступления в должность губернатора. Он был утвержден Государственной думой Ставропольского края в 1996 г., тогда же был утвержден и знак губернатора. 29 октября 2009 г. на заседании Государственной думы Ставропольского края был принят закон «О символах власти Губернатора Ставропольского края», который упорядочивает их использование, закрепляет законодательно их описание и образцы. Использование этих символов осуществляется исключительно губернатором края.

Использованная литература и источники

1. Бауэр В., Дюмотц И. Энциклопедия символов. – М., 1995.
2. Большая Советская Энциклопедия/ Под ред. Б.А. Введенского. – М., 1952. – Т. 8, 17.
3. Губенко О.В. Терское казачье войско в XV–XXI вв. – Ессентуки, 2007.
4. Иллюстрированный энциклопедический словарь/Под ред. А.П. Горкина, В.И. Бородулина и др. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 1995.
5. Котлярова Т.А. Флаги бывают разными // Альманах. – 2005, – № 2.
6. Лысенко Н. Н. Русская государственная символика. – Л., 1987.
7. Терское казачество. – Ставрополь, 2001.
8. Часовые отечества: из истории российского казачества. СПб., 2006.
9. Энциклопедия символов, знаков, эмблем/Под ред. В.Л. Телицына. – М., 1999.
10. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб. 1894. – Т. 24.
11. Энциклопедический словарь/Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова, – М.: ТЕРРА, 2001.

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ

Нафталиева О. М.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
младший научный сотрудник

Безымянный фотопортрет в музее

Для современного человека фотография – это обыденность, одна из функций в сотовом телефоне. Для человека конца 19-го – начала 20-го веков появление фотографии – это «общественный взрыв», возможность видеть своих близких и друзей не только при встрече, а просто открыв альбом или получив открытое письмо (на сегодня общение через Интернет). Возможность таким образом общаться постепенно внедрялась в общество, подталкивая фотографию к дальнейшему развитию.

Видные ученые предсказывали фотографии (светописи) выдающуюся роль в развитии науки и искусства. Однако в ранние годы фотография (совокупность всех методов получения рисунка при помощи света (1, с. 404)) робко внедрялась во все эти сферы: слишком еще несовершенна была ее техника. Зато она сразу преуспевает в портретном жанре, развитию которого способствовало распространение фотокарточки-визитки размером 6x8 см, изобретенной французским придворным Дисдери. Уже через два года после обнародования дагерротипии в ателье первых фотографов выстроились очереди. С изобретением броможелатинового способа в 1870-х годах фотографирование удешевилось, стало более доступным для широких кругов профессионалов и любителей (2, с. 141–143). По всей стране, в том числе и в Ставрополе, открывались портретные фотоателье (или «фотографии», как их еще называли), позже в селах и в станицах – временные фотографические заведения. Быстрота изготовления и дешевизна снимков, по сравнению с рисованными миниатюрами, способствовали доступности фотопортрета всем социальным слоям.

В Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике имени Г. Н. Прозрителева и Г. П. Праве коллекция «Д. Ф.» насчитывает примерно 45 тысяч зарегистрированных единиц. В 1964 году неатрибутированные фотоматериалы были укомплектованы в мемориальное дело № 1020, из которого в 1988 году был сформирован фонд № 36 «Социальные слои и группы населения Ставропольской губернии конца 19 – начала 20-го веков». На сегодняшний день фонд насчитывает около 650 фотографий, зарегистрированных в основной фонд. Несмотря на свою «безымянность», данный материал представляет собой большой интерес для исследователей повседневности, истории моды и региональной истории.

Ставропольские фотографии того периода оставили нам фотообразы горожан разных сословий: чиновники, духовенство, купцы, интеллигенция, военные, учащиеся церковно-приходских школ и гимназий, городское и сельское население (4, с. 251–253). Комплектовался фонд поступлениями от старожилов города (Кучмаева В. А., Горностаева И. М. и др.), сборами научных сотрудников музея, материалами из старых поступлений, выморочного фонда А. В. Васильевой. Легенды некоторых поступлений весьма интересны и даже забавны. В 2002 г. поступили фрагменты фотопортрета двух купчих, вырезанные из одного общего фотоснимка (5, о.ф. 32098/1–2). Со слов дарительницы Кучмаевой В. А., по центру фотографии была фигура ее тети, которая сама вырезала свое изображение, так как считала себя невзрачной худышкой на фоне своих подруг.

Из статьи Кузнецовой Н. А. следует, что ставропольский фотограф, желавший открыть постоянное фотоателье, должен был написать прошение в губернскую канцелярию на имя губернатора, направить запросы в жандармское управление и полицмейстеру. При получении благоприятного отзыва губернатором выдавалось свидетельство на право «...открыть фотографию». Свидетельство передавалось будущему владельцу через старшего городского полицмейстера и пристава под расписку, которая затем отправлялась в канцелярию губернатора. После соблюдения всех формальностей, со свидетельством на руках, владелец фотоателье приступал к привлечению клиентов (6). Например, через рекламу. В «Памятной книжке» за 1911 год можно найти объявление об открытии «фотографии» С. М. Тосунова, со всеми регалиями и видами предлагаемых работ. Предложения же ставропольских фотографов были самые разнообразные: изготовление индивидуальных, парных, групповых фотопортретов, увеличение портретов до желаемой величины, фотографии на стекле, ретушь. Наклеивались фотографии на картонные бланки, на которых указывались фамилия и инициалы мастера или наименование фирмы, а также местонахождение ателье. Кроме того, на картоне принято было изображать награды, полученные за снимки на российских и международных фотовыставках, если такие имелись.

В фондах музея хранятся фотографии, изготовленные в следующих фотоателье города Ставрополя конца 19 – начала 20 веков: 1) «Андрюшечкин и Сокорнов»; 2) «Петрушин и Свищев»; 3) «Иосиф Василевский»; 4) «П. И. Волков (собственный дом) на 2-ой Александровской улице»; 5) «Е. Волкова (собственный дом) на 2-ой Александровской улице»; 6) «Пахалова-Шаповалова»; 6) «Н. Мокин (бывш. Пахаловой)»; 7) «В. Ляхницкий (Николаевский проспект, дом Чеглакова)»; 8) «Ф.С. Маркс (Театральная улица, дом № 8, рядом с почтово-телеграфной конторой)»; 9) «С. М. Тосунов (Воронцовская улица, дом № 8, рядом с почтовой конторой)»; 10) «Н. С.Трегубов, К. И. Козлов»; 11) «Э. Э. Кляр»

(Александровская улица, дом Митина)); 12) «А. А. Берсьев (Театральная улица, дом № 2)»; 13) «Н. Пабалова»; 14) «Г. К. Калашников»; 15) «В. Раштанов, арендующего фото А. Берсьева (Театральная улица, против п.-т. конторы № 3)»; 16) «Товарищество» на Театральной улице»; 17) «Макартъ» на Воронцовкой улице»; 18) «Янина», Невинномысская 9». Также встречаются работы сельских фотографов: И. А. Шурова из села Спасское Ставропольского округа, В. Ф. Богачева из села Средне-Егорлыкского Ставропольской губернии (5).

Павильоны в фотоателье обычно украшались узорчатой драпировкой, имелось несколько переносных фонов в виде больших щитов с обоями разного цвета и рисунков. На музейных фотопортретах встречаются варианты обоев с морской и горной тематикой (5, о.ф.27600/26, о.ф.35906/70, о.ф.35906/85). Весьма популярны были у посетителей ставропольских фотоателье парковые пейзажи с использованием бутафорских балюстрад и балясин, а также сложенных из ландшафтного дерева стульчиков и заборчиков, напоминающих сельские завалинки (5, о.ф.25021, о.ф.27600/27, о.ф.30209/4). Непременными атрибутами ателье были столы, диваны и кресла. В фонде есть групповой фотопортрет мещанской семьи за чтением газеты (5, о.ф.25314). Детей можно увидеть в окружении цветов, с куклами и на велосипеде (5, о.ф.25016/2, о.ф.26389/5). Некоторые посетители приносили с собой собственные вещи. Дамы фотографировались с сумочками и веерами, домашними животными (5, о.ф.26200/57, о.ф.35906/103, о.ф.26200/153). Кавалеры с папиросами и бокалами налитого вина (5, о.ф.21098, о.ф.26442/1). Сравнивая семейные фотографии различных слоев населения, можно увидеть различия во внешнем виде, одежде, материальном достатке, которые были присущи исключительно тому или иному сословию. Семейные фотографии городского и сельского слоев населения дают картину об эволюции института семьи. Как правило, фотография семьи сельского жителя демонстрирует сохранение большой семьи, присутствие многих поколений родственников. Городские же семьи малочисленны, но на семейных торжествах присутствуют знакомые, сослуживцы, коллеги, друзья, ученики (5, о.ф.26200).

Так как выдержка при съемке длилась несколько минут, то фотографу приходилось обзаводиться специальными металлическими зажимами-держателями для головы, которые крепились к спинке стула или устанавливались позади него на стойке. Удерживаемая таким приспособлением голова фотографируемого была неподвижной и волей-неволей получалась резкой. Труднее было с детьми, которые не выдерживали долгое время в неподвижном состоянии. На фотопортрете из фондов малыш по-видимому уже устал позировать фотографу, отчего фотография получилась чуть смазанной (5, о.ф.33502). Также в фонде имеется фотография трудового казака на лошади из

станции Эссентукской, где мастерски отретуширована фигура другого казака, держащего лошадь под уздцы (он сливается с лиственной изгородью на втором плане) (5, о.ф. 26200/58). Это лишний раз подтверждает изобретательность фотографов того времени.

Освещение в павильоне было мягким, без излишнего контраста, что позволяло получать портреты с тонкими тональными переходами от фона. На примере музейных фотопортретов прослеживается следующая тенденция: посетителей в светлой одежде старались снимать на темном фоне, или, наоборот, в темной одежде – на светлом фоне (5, о.ф.21546/25, о.ф.21103). Когда не хватало освещения, пудрили мелом лоб, щеки, нос, подбородок, кисти рук модели (2, с.141–143).

Помимо фотопортретов, сделанных в фотоателье, в фондах можно встретить и работы неизвестных любителей. Их значительно меньше по количеству, и они уступают по качеству профессиональным фотографиям. Но есть и плюсы. Для исследователей повседневности это возможность ознакомиться с жилищными условиями семьи, предметами обихода, утвари, мебели. Любители фотографировали в непринужденной домашней обстановке, за любимым занятием, на улице, в саду (5, о.ф.24987). Например, по фотопортрету мужчины с виолончелью можно сделать вывод, что перед нами музыкант (5, о.ф.24988).

Глядя на снимки ставропольских фотографов того времени, попадаешь, как правило, в мир рядовых, обычных, «малых» людей той, другой, реальности, которой нет в официальных документах. Со старых музейных фотографий на нас не просто смотрят выпускницы гимназий, которые по традиции заказывали в фотоателье свои фотопортреты и дарили их друг другу на память. Они «разговаривают» с нами, оставив на обороте пожелания и воспоминания (орфография авторов сохранена): «На память дорогой и милой Оли С. от Рисы К. Дорогая Оля вспоминай наши проказы училищные и рассказы по возвращению с Большой улицы, и вообще, вспоминай одну из соучастниц в знаменитом трио» (5, о.ф.26200/54). Или восклицание от скромной на вид гимназистки: «О! Люблю, люблю, до безумия!» (5, о.ф.26200/61). Молодые люди также не отстают от девушек, но уже с чувством юмора: «Маня! Эту образину посылаю на память» (5, о.ф.22656/15); или «Манька не забывай Ваньку» (5, о.ф.25023/2); и, конечно же, романтизма: «В знак нашей дружбы и дорогого время, проведенного нами вместе» (5, о.ф.27312/7). Молодой повеса, с тростью в руках и кокетливым взглядом удивляет строками стиха, которые он написал, конечно же, даме: «Молния вспыхнувши – погасла как зарница...», «И больно мне, что сам в порыве ослепления...Разнузданный разврат, за чувство я принял...», «Кумиру павшему молиться я не мог... в том храме, что конюшной отдает» (5, о.ф.25020).

Говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Это в полной мере относится к искусству фотопортрета. Прежде всего, умению фотохудожников творчески подойти к делу, увидеть в человеке внутреннюю красоту и передать ее на фотопортрете (3, с. 3-4). Оттенить декорацией ту или иную деталь лица, одежды, а нередко и настроение героя. Одним словом, создать из фотокарточки маленькое произведение искусства. Надо отдать должное мастерам того времени – это им в большинстве случаев удавалось, притом с поразительным успехом. Весь этот калейдоскоп застывших мгновений ушедшей жизни помогает лучше понять и оценить вчерашний день Ставрополя (4, с. 253). Несмотря на свою «безымянность», фотопортреты пользуются большой популярностью на выставках. Например, выставка, подготовленная Барминой Т. Б., приуроченная к празднику 8-го марта: «Чудное мгновение. Образ городской женщины по фотографиям конца 19-го – начала 20-го веков», проходившая в музее с 7 марта по 7 апреля 2009 года. Этот бесценный материал становится также постоянным источником для публикаций и книг.

Использованная литература и источники

1. Энциклопедический словарь. Под ред. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. Том 12, СПб., 1902.
2. Головня И. А. С чего начинается фотография. М., Знание, 1991.
3. Энглези А. Искусство фотопортрета мастеров России до 1917 года. Владикавказ, РИА «Веста», 2007.
4. Беликов Г. А., Савенко С. Н. Облик старого Ставрополя. Книга 2. Ставрополь., Снег, 2007.
5. СГМЗ, д. ф. 36.
6. Кузнецова Н. А. Фотография Ставропольской губернии в последней четверти XIX века. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://annals.xlegio.ru/life/5minaev/5minaev.htm>

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Проконова Т. В.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
кандидат биологических наук,
научный сотрудник

Вклад М. А. Заславского в таксидермическую коллекцию отдела природы СГМЗ

Таксидермия – наука, изучающая методы изготовления чучел животных с учетом конкретной экспозиционной задачи. С практической точки зрения таксидермия состоит из целого ряда довольно сложных практических приемов, которые позволяют правильно снять шкуру с животного, законсервировать ее и только затем изготовить чучело. В настоящее время трудно представить себе естественнонаучный отдел без экспозиции животных. Последние представлены в виде биологических групп или диорам, в которых животные находятся в естественных позах, окружены тем ландшафтом, в котором они обитают. Из этого следует, что таксидермист должен не только в совершенстве обладать навыками своего мастерства, но быть отличным анатомом и экологом, знать биологию животного.

Придя в естественнонаучный отдел музея, посетители прежде всего задаются вопросом: «Как изготовлено чучело?». У маленьких детей даже возникает вопрос: «Это живые животные?». Последний вопрос приводит к мысли о том, что таксидермист вложил всю душу в свое искусство, ведь чучело животного практически невозможно отличить от живой природы. Задача экскурсовода в данном случае состоит в том, чтобы рассказать посетителям в общих чертах о таксидермическом искусстве.

На протяжении XX века в области таксидермии накоплен значительный опыт. История отечественной таксидермии ведет свой отсчет с конца XVII века, когда Петр I во время своего первого пребывания за границей приобрел значительное количество чучел птиц, рыб и других животных. Естественно, что эта коллекция требовала определенного ухода и содержания. Первые чучела, изготовленные еще в петровские времена, были сделаны очень примитивно. Основа чучела изготавливалась из обрезков досок. Ее обмазывали глиной или гипсом и сверху надевали шкуру животного, которую прибивали к доскам обойными гвоздиками. При таком способе изготовления пропорции между частями тела не соблюдались, мастера плохо знали анатомию животных и поэтому сделанные ими чучела мало походили на оригинал. Далекое не все экспонаты получались удачными, а главное – многие из них быстро портились вследствие плохой обработки шкур. Ощущалась необходимость в подготовке

квалифицированных таксидермистов. Первое руководство по таксидермии на русском языке появилось в 1804 году. Это было сочинение французского аббата Д. Ж. Манна «Рассуждения о способе набивки и сохранения животных», переведенное академиком А. Ф. Севастьяновым (1).

В начале XIX века, незадолго до создания Зоологического музея (1819), для таксидермической работы был приглашен из Германии известный препаратор Е. Шрадер, который впоследствии стал хранителем Зоологического музея. Под руководством Е. Шрадера было создано много чучел крупных животных. Однако эти чучела были представлены в застывших позах, через их шкуру не просматривался рельеф, создаваемый мускулатурой животного. Во второй половине XIX века в Зоологическом музее появились таксидермисты, обладающие навыками скульптурного изображения животного. В результате в мастерской музея стали появляться «живые» изображения. Параллельно таксидермия совершенствовалась в направлении изготовления шкур животных – их выделки и консервации. Таким образом, таксидермисты Зоологического музея в конце XIX – начале XX века были крупными специалистами, но они еще не имели опыта в постановке биологических групп и диорам. Биологическая группа или диорама содержат множество комбинационных элементов. Поэтому изготовить такую экспозицию, несомненно, сложнее, чем выставить витрину с чучелом одного животного. В биологической группе животные представлены в их естественной среде обитания, показано приспособление животных к образу жизни (2). С целью приобретения опыта в постановке биологических групп в начале XX века из Варшавы был приглашен гвардейский офицер А. М. Быков. Хотя он и не имел биологического образования, но очень увлекался изучением жизни птиц. В Зоологическом музее А. М. Быков за короткий срок сумел поставить большое количество биогрупп с птицами и млекопитающими (1).

С 1946 года таксидермическую группу Зоологического музея возглавил М. А. Заславский. Его экспонаты представлены как отдельными чучелами животных, так и биологическими группами и диорамами. В настоящее время таксидермия развивается не только как искусство, но и как наука: М. А. Заславским создано целое направление – скульптурная таксидермия. Им написаны монографии и руководства по таксидермии (2, 3). Таким образом, становление отечественной таксидермии как науки эволюционировало в несколько последовательных этапов (таблица). Новое научное направление в таксидермии – анималистического искусства, скульптурной таксидермии нашло отражение в работах М. А. Заславского и его учеников. Эти работы обогащают не только стены Зоологического музея (С.-Петербург), но и музеи других городов мира. Так, в природоведческом музее Киева создана многоплановая диорама с антарктическим пейзажем (1968) (2).

В 1960-е гг. таксидермическая коллекция Ставропольского государственного музея-заповедника (СГМЗ) также пополнилась работами М. А. Заславского. Под руководством заведующей отделом природы СГМЗ А. К. Швыревой им изготовлены биогруппы чучел безногих рептилий, птиц, мелких и крупных четвероногих млекопитающих.

Таблица

Основные этапы становления отечественной таксидермии

Этап	Период	Ф.И.О. специалистов	Достижения таксидермии
I	Начало XVIII века	Неизвестны	Изготовление первых примитивных чучел: несоответствие пропорций между частями тела животных, некачественное изготовление шкур
II	1804 г.	Д.Ж. Манес (аббат)	Появление первого руководства по таксидермии
III	1-я половина XIX века	Е. Шрадер (препаратор, хранитель) и его ученики	Изготовление «немых» чучел животных, в которых нет характерного рельефа, создаваемого мускулатурой
IV	2-я половина XIX века	К. Приходько, С.К. Приходько (таксидермисты)	Изготовление «живых» скульптурных изображений животных; усовершенствование методов изготовления шкур, отличающихся прочностью и долговечностью
V	Конец XIX – начало XX веков	А.М. Быков (офицер)	Появление первого опыта в постановке биологических групп и диорам
VI	2-я половина XX века	М.А. Заславский и его ученики	Становление таксидермии не только как искусства, но и как науки: появление научных руководств; создание нового направления – скульптурной таксидермии

Изготовление чучел безногих рептилий (змей) проводилось методом накручивания по проволочному каркасу сена, стружки, соломы с последующим нанесением гипса и покрытием марлей. При таком способе изготовления безногих рептилий точно переданы форма тела и пластичность движения этих животных. Таким способом была изготовлена биологическая группа «Уж обыкновенный, гадюка кавказская» (2).

Птицы и мелкие четвероногие млекопитающие были изготовлены методом поэтапного моделирования манекена животного. В основе манекена использовались солома, сено, древесная стружка. В качестве каркаса конечностей и хвоста использовалась проволока. Вначале подготавливались отдельные части манекена, которые в конечном итоге собирались вместе в шкуре. Такой способ предполагает моделировать чучела поэтапно, что позволяет добиться установки правильной позы, абриса (у птиц) и экстерьера (у млекопитающих) (2). Таким образом были изготовлены биологические группы птиц «Серые куропатки»,

«Шилоклювки», «Кавказский улар», «Обыкновенная крачка», «Ходулочник» (4, 5) и мелких грызунов – «Белки», «Суслики», «Тушканчики» (6, 7, 8).

Биогруппа «Сайгаки» была изготовлена М. А. Заславским методом скульптурной таксидермии (9). Такой метод построен на лепке фигуры животного в глине в натуральную величину, на прочном деревянно-металлическом каркасе. Этот метод позволяет создавать научно-художественные чучела животных крупных размеров. Скульптурный метод несравненно сложнее, чем другие способы моделирования чучел, но конечные результаты заставляют предпочесть его вышеуказанным методам.

Метод скульптурной таксидермии требует не только отличного знания анатомии и биологии животного, не только умения технически владеть материалом, но и наличия определенных художественных навыков. Метод строится на умении мастера вылепить фигуру со всеми анатомическими особенностями, свойственными данному виду, что не всегда возможно при других методах (3).

Профессионализм и особое «биологическое чутье» позволили М. А. Заславскому создать в экспозиции отдела природы СГМЗ ряд ярко запоминающихся сцен из жизни животных в природе.

Использованная литература и источники

1. Наумов Д.В. Зоологический музей АН СССР. – Л.: Наука, 1980. – 113с.
2. Заславский М.А. Экологическая экспозиция в музее. – Л.: Наука, 1986. – 320с.
3. Заславский М.А. Новый метод изготовления чучел животных: Скульптурная таксидермия. М., Л., 1964. – 204с.
4. СГМЗ: о.ф. 16908, ед. хр. 1
5. СГМЗ: о.ф. 15391, ед. хр. 11.
6. СГМЗ: о.ф. 16787, ед. хр. 1.
7. СГМЗ: о.ф. 15390, ед. хр. 6.
8. СГМЗ: о.ф. 15904, ед. хр. 1.
9. СГМЗ: о.ф. 17875, ед. хр. 9.

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Украшения новогодней елки как объект музейного коллекционирования

Коллекция елочных украшений, пожалуй, самая молодая в Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве (СГМЗ). Это неудивительно и не является отставанием, так как елочные украшения стали объектом коллекционирования в России только в 1990-х годах.

Первые поступления этой тематики зарегистрированы в 2002 году. К концу 2009 года коллекция насчитывает 308 предметов. Среди них:

- игрушки для украшения веток – 248;
- украшения на верхушку ели – 4;
- гирлянды «бусы» – 8;
- гирлянды «флажки» – 2;
- электрические гирлянды – 2;
- настольные елки – 2;
- украшения для настольных елок – 38;
- куклы под елку – 3;
- украшение «дождь» - 1.

Коллекция пополняется благодаря дарителям и сотрудникам музея-заповедника. Предметы датируются 1930 – 2000-ми годами.

История елочной игрушки в России зародилась в 1700 году, когда Петр I привез обычай наряжать рождественскую елку. Однако традиция прижилась только к середине XIX века. Игрушки этого периода – либо зарубежного производства, либо самодельные. Во время Первой мировой войны в России наряжать елку игрушками запрещают, ссылаясь на то, что это – немецкий обычай. А в 1920 году запрету подвергается само Рождество. Тем не менее, праздник продолжают отмечать в домашней обстановке. Елочные игрушки мастерят вручную: это орехи, обернутые фольгой, проткнутые спичкой яблоки, ватные игрушки.

Праздник возвращается в СССР в 1935 году под другим именем – «Новый год». Украшения для елки стали производиться небольшими артелями, либо изготавливаться дома. В фондах музея-заповедника хранятся дутый стеклянный чайник и игрушечный медвежонок, относящиеся к этому периоду. Данные

предметы – дар Э. И. Литвак, жительницы г. Ставрополя. Медвежонок был сделан матерью дарительницы в 1933 году из ворсистого шнура, ткани, проволоки и бисера. Появились игрушки из ваты и прессованного хлопка. Проволочный каркас фигурки животного или человека обматывался прессованным хлопком, окрашивался и для прочности покрывался клейстером со слюдяными или стеклянными блестками. Личики кукол изготавливали из папье-маше, глины, целлулоида. Производство по такой технологии прекращается только в середине 1950-х годов. В коллекции, переданной Э. И. Литвак, имеются игрушки из прессованного хлопка, датированные 1950-ми годами – девочка в национальном костюме, девочка со скакалкой, представитель народов севера в национальной одежде с флажком, жираф, мухомор. Также в фондах хранятся фигурки из ваты, переданные другой ставропольской дарительницей, Л. В. Ким – мальчик в костюме клоуна и игрушка в виде конверта для младенца с выглядывающей мордочкой поросенка.

Во время Великой Отечественной войны массовое производство елочных игрушек останавливается. Но елку наряжают каждый год – традиция становится напоминанием о мирной жизни. Новогодние украшения изготавливают вручную из ваты, бумаги, ткани. Популярны игрушки-«парашютисты» – к любой фигурке просто привязывали кусочек ткани. Стеклянные шары делали из ламп накаливания – раскрашивали колбу краской. Игрушки этого периода встречаются очень редко, и в музейной коллекции их пока нет. После войны массовый выпуск постепенно налаживается, но «звездный час» елочной игрушки приходит в 1950-х годах.

1950–1960-е годы – настоящий расцвет елочной игрушки в СССР. Игрушки и украшения производятся из стекла, папье-маше, ваты и прессованного хлопка, картона, пластмассы. Тематика очень разнообразна: символика СССР, фрукты и овощи, техника, персонажи сказок, животные, шары. В коллекции, переданной музеем семьей Финк, имеются игрушки с изображениями пятиконечной звезды, серпа и молота, дирижабль с надписью «СССР», гирлянда «флажки». «Флажки» представляют собой нитку с нанизанными бумажными флагами СССР, других стран и морскими флагами. Красная звезда на верхушке ели заменяет дореволюционную рождественскую. В фондах хранятся 2 звезды этого периода. Они выполнены из стекла и бусин, нанизанных на проволоку. Из популярного тогда стекла изготовлены и другие украшения – снежинки, корзинки, подвески, «бусы». Появляются украшения с новым способом крепления – на прищепке. Теперь можно игрушки не только вешать на кончик ветки, но и крепить к ее основанию. В фондах хранятся интересные игрушки с прищепкой – медведь, играющий на баяне, попугай, который держит в лапах упаковку ваты, зайцы, голуби. Попугай был выпущен в наборе «Доктор Айболит». После выхода

в 1956 году фильма Э. Рязанова «Карнавальная ночь» стали выпускать стеклянные елочные игрушки в виде часов, показывающих «без пяти двенадцать». В коллекции СГМЗ 3 такие игрушки. Красивые стеклянные украшения вешали на елку повыше, чтобы не разбились, а на нижние ветки – игрушки из папье-маше, картона и бумажные флажки. Из древесных опилок и папье-маше изготавливались в основном фрукты – основа окрашивалась и покрывалась клейстером с блестками из слюды или стекла. Таковы лимоны и яблоки из музейной коллекции. Дешевые картонные игрушки склеивались из двух половинок тисненого картона с выпуклым профилем.

В конце 1950-х начинается освоение целины, и производство елочных украшений реагирует выпуском игрушек в виде снопов пшеницы, позже появилась и кукуруза – «царица полей». После полета Ю. Гагарина в 1961 году начинается массовый выпуск игрушек «космической тематики» - в виде планет, спутников, ракет и, конечно, космонавтов. В музее есть «космонавты» самых разных размеров и цветов, а также электрическая гирлянда из фигурок ракет, спутников, Луны и Солнца, подаренная заведующей отделом природы А. К. Швыревой. Вообще, в 1960-е появились первые электрические новогодние гирлянды. Они были самые простые, без мерцания, и подключались к сети напрямую. Игрушки начинают украшать узорами из фотолуминофора, который светится в темноте. Таких «светлячков» в коллекции пять: колокольчики, шары и сосульки. Все шире используются новые материалы – различные пластмассы, поролон. Например, в фондах хранится стеклянная игрушка в виде матрешки, у которой косынка выполнена из поролон.

В тесных коммунальных квартирах, «хрущевках», общежитиях трудно найти место для живой елки. Поэтому начинается производство маленьких пластмассовых елок, которые можно было поставить на стол. Для них выпускают специальные наборы «Малютка». Крошечные игрушки формой и росписью повторяют обычные: шары с символикой СССР или цветами, ракушки, плоды, ягоды. Так в коллекции музея можно подобрать несколько пар оригиналов и их уменьшенных копий: собаки породы «боксер», груши, шары с серпом и молотом, фонарики.

В 1950–1960-х годах елочные игрушки производили артельным способом, один мастер делал игрушку от начала до конца. С середины 1960-х происходит отказ от технологий, требующих ручного труда. Начинается массовый выпуск однотипных игрушек, теряется неповторимость ручного исполнения. Поэтому международная организация коллекционеров «Golden Glow» («Золотое свечение») решила считать антикварными только елочные игрушки, выпущенные до 1966 года.

В 1970-е годы дизайн игрушек становится менее разнообразным. Упрощается форма, роспись. Зато игрушек становится больше, цена дешевле. Все больше пластмассовых небьющихся украшений. Таковы блестящие шары из музейной коллекции. Были пластмассовые прозрачные шары, внутри которых «летала» пластмассовая же бабочка. Становятся популярными мишура и украшение «дождь». Первые «дождинки» были из фольги, легко мялись и рвались. Более прочным и долговечным стал «дождь» из металлизированной полимерной пленки. Ветки ели украшают штампованными снежинками диаметром около 10 см из прозрачного полиэтилена. Продолжают использовать для украшения бусы. Их можно купить в упаковке и самому нанизать на нитку. Затем появляются украшения из блестящей полимерной пленки в виде фонариков, свечей, початков кукурузы.

Один из атрибутов Нового года – фигурки Деда Мороза и Снегурочки под елкой. В фондах хранятся две таких куклы, датированные 1980-ми годами.

В 1980-е годы появляются игрушки из пенопласта, стеклянные шары без зеркального покрытия, с блестящей мишурой внутри; шары и сосульки продают комплектами. Елочные шары расписывают пейзажами русской зимы. В конце 1980-х в моду входят игрушки в виде животных из восточного гороскопа.

В 1990–2000-х годах предметных игрушек становится меньше, их вытесняют многочисленные шары. В продаже появляются дешевые китайские электрические гирлянды, которые мигают разными цветами, но быстро выходят из строя. В магазинах можно увидеть весь ассортимент игрушек, от дешевых пластиковых шаров до дорогих эксклюзивных, расписанных вручную. Среди игрушек, подаренных директором музея Н. А. Охонько, есть Санта Клаус – новый персонаж, пришедший из-за границы, а также фигурное украшение на верхушку ели с «дождиком» (пики и «сосульки» практически полностью заменили «звезды» на елке). Возвращаются рождественские символы – ангелы. Появляется и проходит мода наряжать елку только шарами одного цвета. В коллекции музея имеются два набора по 5 одинаковых шаров 2004 года выпуска. Последнее время наблюдается тенденция возвращения в прошлое. Популярны игрушки, выполненные «под старину», лишь имитирующие ручную работу.

Подводя итоги, можно сказать, что за короткое время в СГМЗ создана достаточно ценная коллекция, ведь 46% игрушек являются антикварными образцами. В ней еще много пробелов: скромно представлены игрушки довоенного периода, как фабричного, так и ручного производства, отсутствуют экземпляры 1940-х годов, не говоря уже о дореволюционном периоде.

По елочной игрушке можно проследить исторические этапы развития страны, влияние идеологии на быт людей, изменение технологий и появление новых материалов. И в то же время для каждого человека елочная игрушка

остается символом детства, праздника, сказки, ожидания чуда. В этом и ценность, и прелесть коллекции новогодних украшений СГМЗ.

Использованная литература и источники

1. 2009, Проект ChristmasHeaven – почувствуй волшебство елочной игрушки. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://www.christmasheaven.ru/>

2. И. Селиванова, История игрушек. Еженедельный журнал «Профиль» №42, 2009 г.

[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.profile.ru/items/?item=21256>

Теплякова Н. А.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
младший научный сотрудник

Образцы советской вычислительной техники в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника (СГМЗ)

История вычислительной техники тесно связана с эволюцией счета. Для лучшего понимания появления и роли вычислительной техники в жизни человека обзорно проследим историю развития счета.

Человечеству всегда необходимо было выполнять строительные измерения, торговые расчеты, исчислять время, определять площадь земельных участков и совершать прочие вычислительные операции. Для простейшего счета человек использовал пальцы рук или природные материалы, например, камешки. Однако с ростом объема расчетов человеческому мозгу становилось сложнее проводить арифметические операции с большими числами. В древности случалось, что из одной страны в другую приглашались специально обученные люди, которые хорошо владели техникой арифметического счета.

Закономерным явилось появление инструмента для повседневных расчетов – абак (от греч. – абах abakion, лат. – abacus – доска, счетная доска). Впервые это приспособление для счета появилось более пятнадцати веков назад в Вавилоне. Вскоре попадает в страны Средиземноморья: в Древнюю Грецию и Древний Рим. Греческий абак представлял собой костяную, каменную либо бронзовую доску с углублениями-полосами. В этих углублениях находились нанизанные на стержни костяшки, передвижением которых осуществлялся счет. Римский вариант абака еще называли римскими счетами. Для изготовления римского абака могли использовать слоновую кость и даже цветное стекло. В странах Древнего Востока существовала своя разновидность абака – китайские счеты (суан-пан), представляющие прямоугольную раму с натянутыми параллельно друг другу девятью или более нитями либо проволоками. Как и римский абак, суан-пан делился на два поля, имеющих свои названия: большое поле – «Земля», меньшее – «Небо» (1).

Принцип счета не был замысловатым. Стержни греческого абака в арифметическом смысле представляют собой десятичные разряды: каждая костяшка на первом стержне имеет достоинство 1, на втором стержне – 10, на третьем стержне – 100 и т. д. В римских счетах, разделенных на два поля, желобки нижнего поля служили для счета от единицы до пяти. Подобным образом были устроены китайские суан-пан. В большем поле на каждой нити, проволоке либо веревке нанизано по пять шариков, в меньшем – по два. Счет

осуществлялся единицами и пятерками (1). По всей видимости, такие счеты использовались купцами, сборщиками налогов, инженерами – людьми, чьи занятия были связаны с вычислительными операциями.

На Руси в XVI в. распространяются так называемые русские счеты – «дощатый счет». По-видимому, он был завезен купцами из Европы и представлял собой рамку с укрепленными горизонтальными веревками, на которые были нанизаны просверленные сливовые или вишневые косточки. Первоначально рамка делилась на четыре, затем на два счетных поля. Позже, в 1658 г., в «Переписной книге деловой казны Патриарха Никона» вместо словосочетания «дощатый счет» употребляется термин «счеты». С течением времени, в начале XVIII в., счеты приняли привычный для нас вид, который не претерпевал существенных изменений в своей дальнейшей истории (1). В них осталось лишь одно счетное поле, на спицах которого размещалось по десять косточек, остался и принцип счета по десятичной системе счисления (2, с. 164).

В XVII в. счетные устройства прогрессировали вместе с математической наукой, развитию которой способствовало увеличение объема вычислительных операций, связанных с решением задач астрономии, имеющей практическое применение, в частности, для определения положения судов по звездам, по Солнцу и т. п. Самые большие проблемы возникали при выполнении вычислений, связанных с умножением и делением, так что обстоятельства диктовали дальнейшее развитие вычислительных приспособлений.

Особое значение для развития счета, а впоследствии и вычислительных приспособлений, имеет изобретение логарифмов шотландским математиком Джоном Непером в 1614 г. Логарифм – показатель степени, в которую нужно возвести число, чтобы получить другое заданное число (2, с. 164). Это изобретение дало возможность свести действие умножения к более легкому действию сложения, а деление – к вычитанию. Логарифмы необычайно быстро вошли в практику. Изобретатель логарифмов не ограничился разработкой новой теории, создав и практическое средство – таблицы логарифмов, которые повысили производительность труда вычислителей. Упростила и ускорила вычислительный процесс первая логарифмическая шкала, изобретенная в 1620 г. английским математиком Эдмундом Гюнтером и представлявшая собой устройство, куда были «встроены» логарифмические таблицы. Этому прибору суждено было стать рабочим инструментом, служившим многим поколениям. Заметим, что логарифмическая шкала Гюнтера являлась прародителем логарифмической линейки и подвергалась многократным доработкам в дальнейшем. Например, приблизительно в 1654 г. англичанин Роберт Бикассар, а независимо от него в 1657 г. Сет Патридж, разработали логарифмическую линейку (3).

Однако ни счеты, ни логарифмическая линейка не означали механизации процесса вычислений, они значительно облегчали вычислительные операции, но явились лишь предшественниками принципиально нового счетного устройства, механизующего арифметические операции.

В 1642 г. (по некоторым данным в 1641 г.) французский ученый Блез Паскаль изобрел механическую суммирующую машину, которая использовала десятичную систему счисления. Это устройство стало первым в мире серийным калькулятором. Суммирующую машину называли паскалиной. Механизм считал быстрее человека и не ошибался. Каждый десятичный разряд представляло колесико с десятью зубцами, обозначавшими цифры от 0 до 9. Всего колесиков было 8, то есть машина Паскаля была 8-разрядной (2, с. 165). С этого момента можно говорить о появлении вычислительной техники. Вычислительная техника – совокупность технических и математических средств (вычислительные машины, устройства, приборы), используемых для механизации и автоматизации процессов вычислений и обработки информации (4, с. 262).

Вслед за Б. Паскалем в 1673 г. немецкий ученый Готфрид Вильгельм Лейбниц создал механическую машину, называемую арифмометром. Арифмометр (от греч. – arithmos – число и ...метр) – настольная механическая вычислительная машина для выполнения сложения, вычитания, умножения и деления, в которой установка чисел и приведение счетного механизма в действие осуществляются вручную (5, с. 73). Вычислительный аппарат Лейбница – двенадцатиразрядное десятичное устройство, выполнявшее четыре указанных выше арифметических действия. В дополнение к зубчатым колесам для выполнения умножения и деления использовался ступенчатый валик. Арифмометр Лейбница был основан на двоичной системе счисления.

В 1820 г. француз Шарль Ксавьер Том де Кольмар разработал арифмометр, который был самым надежным калькулятором из всех, построенных до него. Его изобретение занимало весь письменный стол. Этот первый коммерческий (выпускаемый для продажи) арифмометр был предназначен умножать и делить числа с помощью пользователя. Арифмометры получили широкое распространение при выполнении сложных расчетов (2, с. 166).

В России в 1880 г. петербургский механик В. Т. Однер создал механический арифмометр с зубчатыми колесами, а в 1890 г. наладил массовый выпуск русских счетных машин, послуживших прототипом последующих моделей арифмометра. В дальнейшем под названием «Феликс» он выпускался до 1950 г. (2, с. 167).

XX в. характеризуется широким распространением и использованием вычислительной техники – арифмометров и калькуляторов. По сохранившимся в музеях, у коллекционеров, а также у некоторых частных лиц механизмам, современники могут внимательно рассмотреть внешний вид вычислительных

машин, изучить их устройство, принцип действия, представить степень механизации общественной жизни, увидеть картину развития прогресса и общества.

Изучить вычислительную технику и то, что с ней связано, позволяют фонды Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе (СГМЗ). В фондах музея имеется коллекция вычислительной техники, в которой можно выделить две группы: арифмометры и калькуляторы.

Данная коллекция насчитывает 18 музейных предметов, причем к советскому времени относится 15 единиц: 6 арифмометров (оф 25129, оф 25130, оф 35154/1-2, оф 37208, оф 37209, оф 36757) и 9 калькуляторов (оф 28551, оф 29367/15, оф 30581/1-2, оф 33176, оф 35712, оф 37199, оф 37201, оф 37202, оф 37205/1-2).

Три модели калькуляторов бытовали в российской повседневной жизни после распада СССР (оф 37200, оф 37203, оф 37204), 1 модель использовалась на рубеже 1980-х–1990-х гг. (оф 37201), поэтому она включена в количество как советских, так и российских калькуляторов.

Источников комплектования коллекции предметов вычислительной техники в СГМЗ, как правило, три: дарение, плановые сборы во время экспедиций, регистрация старых поступлений, которые не были зарегистрированы в свое время.

Проследим бытование наиболее интересных, на взгляд автора данной статьи, моделей советской вычислительной техники, представленной в собрании Ставропольского государственного музея-заповедника.

В коллекции арифмометров – аппараты советского периода системы Однера «Феликс» (оф 36757) и «Феликс М» (оф 25129, оф 35154/1-2).

В советское время автоматизированный вычислительный процесс был особо популярен, «однермашины» заняли прочное положение в жизни страны. Самыми распространенными механическими вычислителями этих времен выступали арифмометры системы Однера «Феликс» (оф 36757) и «Феликс М» (оф 25129, оф 35154/1-2). Принцип работы достаточно прост: для производства вычислений необходимо было крутить ручку – один раз для сложения или вычитания, несколько для умножения и деления. Модель оказалась настолько удачной, что ее разнообразнейшие модификации более чем полвека выпускались во многих странах мира.

В фондах СГМЗ имеется вычислительный аппарат (арифмометр) «ВК-1» (оф 21130). «ВК-1» представляет собой «однермашину» с клавишным управлением, позволяющую применять производительный «слепой метод» для набора чисел и осуществлять визуальную проверку этих чисел посредством контрольного устройства. В начале 1950-х гг. в нашей стране на Пензенском

заводе счетно-аналитических машин «Счетмаш» была произведена машина модели «ВК-1» (вычислительная клавишная). Конструкция колес Однера в этой машине подверглась модификации в связи с управлением ими от клавиш: «ВК-1» является усовершенствованным арифмометром, в котором рычажки заменены клавиатурой с десятью клавишами 1 для установки числа. Благодаря применению клавишного ввода (без изменений в процессах вычисления) производительность «ВК-1» по сравнению с арифмометром «Феликс» возрастает приблизительно в 3 раза. Это достигается в первую очередь через работу «слепым методом».

В фондах нашего музея-заповедника хранится аппарат «ВМП-2» (оф 37208). В послевоенные годы была выпущена вычислительная многоклавишная машина «ВМП-2», которая характеризуется наличием в арифметическом устройстве двух счетчиков. В одном счетчике накапливаются числа, переносимые из устройства установки чисел, а во втором – подсчитывается количество произведенных переносов.

С помощью упомянутого аппарата можно выполнять операции: сложение и вычитание чисел, автоматическое умножение положительных и отрицательных чисел, автоматическое деление чисел с прерыванием деления на любом разряде, автоматическую установку делимого в каретке, автоматическое гашение счетчиков результатов и оборотов, возведение в степень и вычисление квадратного корня. Рабочий цикл двухпериодный: во время первого периода на клавиатуре устанавливаются исходные данные, во время второго – производится автоматическое выполнение вычислительных и вспомогательных операций.

Таким образом, в фондах музея-заповедника собраны арифмометры 1950-х – 1970-х гг., которые использовались для выполнения основных арифметических действий в госучреждениях и на предприятиях. Механизм приводился в действие посредством ручного привода, в быту такие арифмометры назывались «простыми». Производились эти вычислительные аппараты преимущественно в СССР.

В начале 1960-х годов простые арифмометры, например, «Феликс», все еще способны были выдержать конкуренцию. Однако в оргтехнику стала внедряться и электроника. Появились электронные клавишные вычислительные машины (ЭКВМ). Настольные клавишные ЭВМ оказались настолько удобны, что потеснили механические и электроприводные модели арифмометров, значительно сузили сферу их применения.

Только карманные электронные калькуляторы, выпускавшиеся в 1970-е гг., во всех отношениях превосходили арифметические машины Однера (и доэлектронные средства счета) и быстро вытеснили их из употребления, став достаточно популярными в применении. Выпускались различные модели

«Электроники». В это время привычный сегодня принцип работы микрокалькуляторов только зарождался.

Одна из моделей такового («Электроника БЗ-18») появилась в Советском Союзе в 1975 г. Интересно, что все микрокалькуляторы в советское время получили общее обозначение «БЗ» (цифра три на конце, а не буква «З»). Буква «Б» – «бытовая техника». Сразу после выпуска «БЗ-18» появилась «БЗ-18А», предыдущую модель сняли с производства. В фондах нашего музея-заповедника хранится эта новая, достаточно редкая модель «БЗ-18А» (оф 37205/1-2).

Как и «Электроника БЗ-18», усовершенствованная модель «Электроника БЗ-18А» умела мгновенно возводить в квадрат, извлекать квадратный корень, в два приема возводить в любую степень в пределах восьми разрядов, вычислять обратные величины, вычислять логарифмы и антилогарифмы, тригонометрические функции, в этом калькуляторе впервые была применена клавиша префиксной функции «F». Но в микросхему калькулятора «БЗ-18А» не удалось полностью вместить все, что хотелось техникам. Кроме того, калькулятор стоил дорого. Чтобы калькулятор был доступен массовым слоям населения, было принято решение на базе микрокалькулятора «БЗ-18А» сделать более дешевую модель. Конструкторы убрали клавишу префиксной функции «F». Калькулятор превратился в обычную упрощенную модель, получил название «БЗ-25А» и стал доступным широким слоям населения (5).

Вскоре отечественные инженерные микрокалькуляторы «Электроника» стали выпускать и для использования в школах. Постепенно промышленность стала производить калькуляторы специально для математических вычислений на школьных занятиях. Так, калькулятор «Электроника МКШ-2М» (оф 37201) – единственный «школьный» калькулятор. «МКШ-2М» питался от школьной сети. Этот калькулятор умел вычислять корни квадратного уравнения и находить корни системы уравнений с двумя неизвестными (5).

В 1980-е годы появляются микрокалькуляторы (МК) различного типа – микро-ЭВМ, карманные и настольные для личного пользования, совмещавшие в себе функции МК, часов, календаря, будильника, секундомера.

С 1982 по 1992 г. на заводе микроэлектроники «Светлана» выпускался советский арифметический микрокалькулятор «Электроника МК-42» (оф 28551) с питанием от электросети. Эта модель калькулятора была компактна и удобна в обращении, получила широкое распространение.

Таким образом, современная вычислительная техника имеет давнюю, интересную и нелегкую историю эволюции, которую хранят музеи. В фондах Ставропольского государственного музея-заповедника также есть предметы, которые могут многое рассказать о своем развитии и времени бытования.

В СГМЗ представлены средства вычислительной техники советского периода – механические арифмометры 1950-х – 1970-х гг. и электронные калькуляторы 1970-х – 1980-х гг. В ходе исследования коллекции арифмометров и калькуляторов удалось установить, что механические вычислительные средства некоторое время использовались параллельно с электронными. Особенностью механических средств являлось то, что они были распространены преимущественно на производстве и выполняли только основные арифметические действия. Микрокалькуляторы выполняли широкий спектр математических действий, были портативными, удобными в использовании, благодаря чему вытеснили простые арифмометры, сделав более масштабной сферу применения электронной вычислительной техники.

Коллекция советской вычислительной техники СГМЗ немногочисленна, но ее материалы позволяют провести научное исследование по истории развития отечественной вычислительной техники советского периода, принципа работы и устройства вычислительных аппаратов, провести экспонирование музейных предметов на общих и тематических выставках.

Использованная литература и источники

1. Завьялова А. Н. Урок-путешествие «История ЭВМ»./ <http://festival.1september.ru/articles/500314/> от 10.11.2009.
2. Левин В. И. Все об информации. – М., 2003.
3. Всего лишь линейка./ <http://schools.keldysh.ru/sch444/museum/PRES/INFORM/38.htm> / от 10.11.2009.
4. Советский энциклопедический словарь/ Гл. ред. Прохоров А.М. – М., 1989.
5. Фролов С. История отечественных калькуляторов./ http://calculus.narod.ru/mircal/history/calc_hi.htm
6. Фонды.

НАЙТИ ♦ СОХРАНИТЬ

Швырева А. К.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
старший научный сотрудник,
кандидат биологических наук;

Субаева В. П.,
г. Пятигорск
Пятигорский краеведческий музей,
заведующая сектором природы

Череп южного слона *Archidiskodon meridionalis* в коллекции Пятигорского краеведческого музея

Ставропольский музей-заповедник стал обладателем двух из пяти имеющихся в мире скелетов южного слона *Archidiskodon meridionalis*. Обнаружение уже второго полного скелета *Archidiskodon* в Ставропольском крае – уникальный и пока единственный случай в практике палеонтологического изучения архидискодонтных слонов (Швырева, 2007, 2008).

Находка уникального скелета южного слона в балке Твердова между хутором Родионов и поселком Равнинный Новоалександровского района послужила толчком для специального исследования о распространении этого вида слона на территории Ставропольского края. Изучение литературных источников и музейного палеонтологического фонда показало, что отдельные кости южного слона на территории Ставрополя – не редкость. В основном, это разрозненные зубы и кости конечностей.

Однако встречаются находки и более значительные. Наше сообщение посвящается малоизвестным находкам, сделанным в песчано-гравийном карьере в 5 километрах к северо-западу от города Георгиевска, у станицы Александрийской. Это тот же самый карьер, в котором в 1960 году был найден первый на Ставрополье и четвертый в мире почти полный скелет южного слона, который в настоящее время экспонируется в палеонтологическом зале Ставропольского музея-заповедника. Карьер расположен по правому борту долины р. Кумы. Там вскрыта древняя дельтовая толща, представленная косослойными гравелистыми песками, вмещающими остатки слонов. По мнению И. Н. Сафронова (1965), накопление этих отложений происходило в течение нижнего и среднего апшерона. В октябре 1964 года там были обнаружены два черепа южного слона неплохой сохранности. Таким образом, в руки исследователей поступил бесценный научный материал.

Оба черепа для реставрации были отправлены в Зоологический институт РАН в Санкт-Петербурге. Реставрационные работы выполняли скульпторы А. А.

Колокольчиков и И. Н. Хитров под научным руководством специалиста по ископаемым слонам с мировым именем, старшего научного сотрудника Зоологического института РАН, кандидата биологических наук Вадима Евгеньевича Гарутта. По окончании восстановления один из черепов остался в Зоологическом музее РАН (это была своеобразная плата за работу В. Е. Гарутту). Второй в настоящее время экспонируется в Пятигорском краеведческом музее (Рис. 1). Несмотря на ценность этих находок, они до сих пор не были описаны и не опубликованы. Объединившись с Валентиной Петровной Субаевой – заведующей сектором природы Пятигорского краеведческого музея – мы восполнили этот пробел: произвели все необходимые измерения, сделали сравнение с различными архидискодонтными слонами, выполнили фотофиксацию экспоната. Для нас наибольший интерес представляет череп, который хранится в Пятигорском краеведческом музее по нескольким причинам: во-первых, он имеет лучшую сохранность, во-вторых, несет некоторые необычные анатомические особенности и, наконец, он более доступен для изучения.

Описываемый слон имел прижизненную патологию – у него отсутствовал левый бивень. Таких слонов в Индии называют «ганеза». Возможно, что патология возникла в результате травмы, полученной еще в молодости. Правый бивень его развит нормально, имеет длину около 280 см, толщина его при выходе из альвеолы составляет 22 см. Но так как левая и правая стороны черепа имели неодинаковую нагрузку, весь череп оказался перекошенным.

В одном из своих писем в Пятигорский музей В. Е. Гарутт сообщал: «Представьте себе, что череп из вашего музея оказался самым крупным из хранящихся в музеях мира!!! Это был старый крупный самец. У него только один дефект – бивни изогнуты по-разному, т. к. в черепе наблюдается резкая деформация. У вашего слона была «кривая морда»!!!» По стечению обстоятельств и первый скелет южного слона из Георгиевского карьера имеет патологию в смене зубов, и череп, хранящийся в Пятигорском краеведческом музее, несет патологию в зубной системе.

Судя по хорошо выраженной спиральной изогнутости здорового бивня и его толщине, описываемый слон принадлежит филетической линии *Archidiskodon* – *Mammutus*. Форма и толщина бивней свидетельствуют о принадлежности слона роду *Archidiskodon*. По данным, полученным на основе изучения и сравнения коренных зубов (см. таблицу 1), слон относится к виду *Archidiskodon meridionalis* (Nesti). Зубы его состоят из 13–14 пластин, имеют частоту пластин на 10 см 5,5, толщина эмали 3–4 мм, наибольшая высота зубов 114 мм. Более древние архидискодонтные слоны имеют большую ширину зубов и меньшее количество пластин, которые расположены реже, толщина эмали у них больше, в то время

как более поздние формы отличаются меньшей шириной зубов и большим количеством пластин, пластины расположены чаще, а эмаль зубов более тонкая.

Учитывая достаточное количество столь значительных находок остатков южного слона, можно сказать, что 1–1,8 млн. лет тому назад в наших краях существовала обширная популяция этих животных, память о которых хранят уникальные кладовые древней жизни – Георгиевский песчаный карьер и карьер в балке Твердова Новоалександровского района.

Таблица 1

Зубы МЗ слонов рода *Archidiskodon*

Промеры (мм)	<i>A. meridionalis</i> Ставропольского края		<i>A. gromovi</i>	<i>A. meridionalis meridionalis</i> дол. Р. Арно	<i>A. meridionalis tamanensis</i>	<i>A. trogonteri</i> (= <i>wüsti</i>)
	пос. Равнинный	Георгиевск				
1. Высота коронки	M ³ - M ₃ -149,0		M ³ 105- 150 M ₃ 105- 145	M ³ 125-192 M ₃ 82-156	M ³ 127- 185 M ₃ 115- 150	M ³ 130- 250 M ₃ 125- 220
2. Ширина коронки	M ³ - M ₃ -98,9		M ³ 85-120 M ₃ 80-110	M ³ 89-127 M ₃ 80-124	M ³ 85-115 M ₃ 82-122	M ³ 70- 140 M ₃ 82,5- 120
3. Число пластин	M ³ - M ₃ 14 (12)	14-13 13-12	M ³ 11-15 M ₃ 12-15	M ³ 11-13 M ₃ 11-14	M ³ 12-17 M ₃ 12-17	M ³ 17-23 M ₃ 17-23
4. Частота пластин	M ³ - M ₃ -4,7	5,5 5,5м	M ³ 3,9- 6,7 M ₃ 3,6-5,9	M ³ 4 - 5 M ₃ 3,5 – 5,5	M ³ 4,5-6,5 M ³ 4-6	M ³ 4,5- 10,5 M ₃ 4- 9,9
5. Толщина эмали	M ³ - M ₃ -3,3	3,0 3,0-4,0	M ³ 4,0-2,5 M ₃ 5,0-2,5	M ³ 3,0 – 3,5 M ₃ 3,0 – 4,0	M ³ 2,5-3,5 M ₃ 2,5-4,0	M ³ 3,5- 1,05 M ₃ 3,0- 1,05

Примечание:

*Таблица составлена по работам В. Е. Гарутта (1954,1976) и И. А. Дуброво (1964).

**Фигура стирания верхних и нижних зубов южного слона из Георгиевска меридионалоидная (—).

*** Размеры БИВНЕЙ: длина около 2791,0 мм; диаметр у выхода из альвеолы – фронтальный 220,0 мм; передне-задний 210,0 мм.

Таблица 2

Размеры черепа (мм)

ИЗМЕРЕНИЯ	Из Георгиевского карьера
-----------	--------------------------------

	(Пятигорский музей, инв. № 4266 о.ф.)
1. Теменная длина	1570,0
2. Кондило-базальная длина (от верхнего (заднего) края затылочных мыщелков до нижнего (переднего) края межчелюстных костей)	1220,0
3. Длина лба: от макушки до нижнего конца носовых костей	580,0
4. Длина лба вместе с носовым отверстием: от макушки до нижнего края носового отверстия	670,0
5. Длина межчелюстных костей: от нижнего края носового отверстия до их нижнего конца	910,0
6. Размеры носового отверстия: ширина/высота	640,0/125,0
7. Скуловая ширина: наибольшая в области скуловых дуг	865,0
8. Ширина затылка – наибольшая	940,0
9. Ширина межчелюстных костей, верхняя (на уровне нижнего края подглазничных отверстий с отростками верхнечелюстных костей)	780,0
10. То же у нижнего края: между наружными краями альвеол бивней у нижнего конца ростра	595,0
11. Наименьшая ширина лба: наименьшее расстояние между гребнями, ограничивающими височные ямки	480,0
12. Расстояние от бивня до шва между межчелюстными костями: расстояние от внутреннего края бивня до середины межчелюстных костей по нижнему краю	Правый 55,0; левый 73,0
13. Диаметр бивня у выхода его из альвеолы	220,0
14. Диаметр альвеолы там же	300,0
15. Высота черепа: от наивысшей точки («макушки») до уровня жевательной поверхности коренных зубов	1025,0
16. Высота «макушки»: от наиболее высокой точки затылка до уровня нижней стороны мыщелка	720,0
17. Положение мыщелка: расстояние от верхнего края мыщелка до заднего края жевательной поверхности верхних коренных зубов по прямой	540,0
18. Наименьшая высота скуловой кости	57,0
19. Длина скуловой дуги	425,0
20. Ширина неба передняя: расстояние между альвеолами коренных зубов у переднего края	81,0

21. Ширина неба задняя: расстояние между альвеолами коренных зубов у заднего края	140,0
---	-------

Примечание: система промеров черепа и нижней челюсти по Дуброво И. А. (1960)

Таблица 3.

Размеры нижней челюсти

ИЗМЕРЕНИЯ	Из Георгиевского карьера (Пятигорский музей, инв. № 4266 о.ф.)
1. Длина: горизонтально, на уровне альвеол коренных зубов (подбородочный выступ не учитывается, реставрирован)	528,0
2. Высота: отвесно от наиболее высокой точки сочленовного отростка до нижнего края челюсти	455,0
3. Наибольший поперечник восходящей ветви	263,0
4. Наибольшая ширина в альвеолярной части	500,0
5. То же в сочленовных отростках	680,0
6. Длина подбородочной части: от переднего края альвеолы до конца подбородочного выступа (реставрирован)	337,0
7. Длина симфизного желобка	178,0
8. Наибольшая ширина симфизного желобка	110,

В Пятигорском краеведческом музее

В Зоологическом музее РАН, С.-Петербург

Использованная литература и источники

1. Гарутт В.Е. Южный слон *Archidiskodon meridionalis* (Nesti) из плиоцена северного побережья Азовского моря // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. – М. – Л., 1954. Т.Х, вып. 2. – 77 с.
2. Гарутт В.Е., Сафронов Н.И. Находка скелета южного слона *Archidiskodon meridionalis* (Nesti) близ г. Георгиевска (Северный Кавказ) // Бюлл. комиссии по изучению четвертичного периода. – 1965. – № 30. – С. 79–88.

3. Гарутт В.Е., Фофонова И.В. Исследование зубов вымерших слонов. Методические рекомендации. – Новосибирск, 1976. – С. 26–30.
4. Дуброво И.А. Древние слоны СССР //Труды Палеонтологического института. – М., 1960. Т.LXXXV, вып.1. – с. 35 – 39.
5. Дуброво И.А. Слоны рода *Archidiskodon* на территории СССР // Палеонтологический журнал. – 1964. - № 3. – С. 82–94.
6. Швырева А.К. Новая находка на Ставрополье скелета южного слона *Archidiskodon meridionalis* Nest //Фауна Ставрополья, вып. 14, Ставрополь, 2007. – с. 131–135.
7. Швырева А.К. Экспедиция по спасению уникальной палеонтологической находки – скелета южного слона *Archidiskodon meridionalis* (Nesti) //Четвертые Прозрителевские чтения. Сборник материалов научно-практической конференции. 21–22 ноября 2007 г. Ставрополь, 2008. – с. 223–228.

Чесняк М. Г.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный музей-заповедник,
научный сотрудник

Социологический портрет посетителя ставропольского государственного музея-заповедника как основа работы с целевыми группами

Музейный маркетинг на современном этапе – актуальная проблема. Мэ́ркетинг (от англ. marketing – продажа, торговля на рынке) – это управление созданием и реализацией товаров и услуг как единым комплексным процессом.

Вопрос существования маркетинга в области культуры был поднят еще в 1967 году академиком Котлером. Он указывал на то, что все учреждения культуры должны бороться за внимание потребителя и за свою долю национальных ресурсов.

Директор Государственного Дарвиновского музея Анна Клюкина также отмечает, что музей должен зарабатывать деньги, бороться за посетителей, чтобы быть конкурентоспособными с кинотеатрами, дискотеками, клубами «и просто домашним диваном и телевизором».

Целевая группа – группа людей, объединенных общими признаками (демографические, психологические и поведенческие характеристики). Выделение таких групп из музейной аудитории позволяет вырабатывать формы и методы работы с каждой категорией посетителей.

С целью анализа неформальных групп музейной аудитории студенты-практиканты гуманитарного факультета Северо-Кавказского технического университета, специальность социально-культурный сервис и туризм и туризм-бакалавриат, в течение 14 дней, с 30 июня по 17 июля (с 10:00 до 16:00) проводили наблюдения и очное анкетирование.

В период эксперимента работали постоянные экспозиции отделов природы, археологии, этнографии, выставки «Автопортрет в музейном интерьере» и «Связь и время».

Наблюдения были нацелены на выявление количества людей в неформальной группе, выявление гендера и наличия в группе детей.

Анкета очного исследования была нацелена на выявление среди посетителей местных жителей и приезжих наличие родственных отношений в группах, возрастной состав групп, первичность и цель посещения музея.

Анкета, предназначенная для исследования индивидуального посетителя, содержала аналогичные вопросы.

Мнемонический тест предназначался для всех посетителей. С его помощью предполагалось установить отношение личного восприятия посетителем экспозиций отделов природы, археологии, этнографии и сменных выставок в зависимости от гендера и возраста.

На втором этапе исследования обработаны и интерпретированы по 273 листа наблюдений и анкет опроса неформальных групп, 38 анкет опроса индивидуальных посетителей, 1243 мнемонических теста (всего 2730 ед.). Анализ данных проводился с использованием системы SPSS – 17.0. (статистический пакет для социальных наук). Эта компьютерная программа, по мнению ряда авторов (А. Ю. Алексеева, Е. Г. Ечевская, Г. Д. Ковалева, П. С. Ростовцев и др.), занимает ведущее место среди программ, предназначенных для статистической обработки информации, что свидетельствует о качестве результатов исследования.

Всего музей за время исследования посетили 694 женщины и 546 мужчин. Среди опрошенных 32,4% (403 чел.) в возрасте от 31 до 60 лет; 32,2% (400 чел.) – до 17 лет; 17% (211 чел.) – в возрасте 18 – 22 лет; 15,1% (188 чел.) в возрасте 23 – 30 лет и 3,3% (41 чел.) старше 60 лет.

Ежедневно в среднем музей посещает 51 неформальная группа, при чем 85,7% групп состоят из посетителей-родственников. В большинстве группы состоят из 2-х человек (165 из 273гр.).

Посетители – жители края в возрасте до 17 лет и старше 31 года – чаще приходят группами («земляки»); в возрасте 18 – 22 лет и старше 60 лет чаще приходят с жителями г. Ставрополя. Жители других регионов РФ – приходят с «земляками».

Каждый третий посетитель в возрасте 23 – 30 лет пришел в музей впервые.

Дети были со взрослыми в 204 группах. Всего музей-заповедник посетили 120 дошкольников, 111 школьников, 29 студентов. Из них впервые посетили музей – каждый четвертый дошкольник, каждый третий школьник, каждый второй студент.

Дошкольники были в 65 группах жителей г. Ставрополя, 10 группах жителей края и 8 группах жителей других регионов. Школьники – в 41 группе жителей г. Ставрополя, 32 группах жителей края, 16 группах жителей других регионов РФ. Студенты – в 8 группах жителей г. Ставрополя и края, в 3 группах жителей г.Ставрополя и 3 группах жителей г. Ставрополя с гостями субъектов РФ.

Групп женщин с детьми в 10 раз больше, чем групп женщин без детей. Групп мужчин с детьми в 5 раз больше, чем без детей. Смешанные группы по гендеру в равнозначной мере могут быть как с детьми, так и без них.

Среди групп – жителей г. Ставрополя пришли в музей с детьми – 90,8%; жителей Ставропольского края – 66,1%; приезжих из иных регионов РФ – 61,7%.

Таким образом, большинство групп посетителей в период эксперимента пришли с детьми.

Далее были исследованы цели посещения музея-заповедника неформальными группами. В результате удалось установить, что приблизительно в равном количестве группы посетителей пришли с целью организации досуга и для развития детей.

Интересно, что цели посещения музея женщинами без детей – ознакомление (12 гр.), познание (17 гр.), досуг (15 гр.), осмотр (10 гр.); с детьми – развитие ребенка (91 гр.), познание (25 гр.), ознакомление (21 гр.), досуг (12 гр.), осмотр (15 гр.).

Цели посещения музея мужчинами: без детей – досуг (35гр.), познание (14 гр.), ознакомление (11 гр.), осмотр (8 гр.); с детьми – развитие ребенка (35 гр.), познание (16 гр.), ознакомление (12 гр.), досуг (8 гр.), осмотр (8 гр.).

Итак, в июне – июле 2009 года типичными были неформальные группы посетителей, состоящие из двух человек:

- мужчина от 18 до 22 лет или женщина от 18 до 60 лет – жители города Ставрополя – с ребенком (дошкольником или школьником), которые пришли в музей с целью развития ребенка;

- две женщины в возрасте 31 – 60 лет (жительница города и ее родственница, проживающая в крае), пришедшие в музей с познавательными целями.

Портрет индивидуального посетителя составлен на основе анализа анкетирования 38 взрослых посетителей. Среди этой категории посетителей 16 чел. – жители других регионов РФ, 13 чел. – жители г. Ставрополя, 9 чел. – жители Ставропольского края. Это работающие: 12 чел. проживают в других регионах РФ, 6 чел. – в нашем крае и 4 чел. – в Ставрополе. Впервые посетили музей 56,2%.

Неработающие посетители с основным приходили в музей с 10 до 12 часов (5 чел.), учащиеся или работающие и учащиеся – с 12 до 14 час. (3 чел. и 2 чел.), работающие – с 14 до 16 час. (11 чел.).

Социологический портрет индивидуального посетителя: приезжий из иного субъекта РФ (42,1 %) в возрасте 31 – 60 лет (42,1 %), работающий (57,9 %). Наиболее предпочитаемые дни недели для посещений музея – четверг или пятница (42,1 % и 34,2 %), с 14 до 16 час. Посещает музей впервые – 56,2 %. Активно проявляет интерес относительно экспозиций – 63,2 %. Наибольший интерес вызывают экспозиции отдела природы (57,9 %).

Удовлетворенность посетителей осмотром экспозиций залов музея, как было указано ранее, определялась на основе мнемонического теста. В опросе приняло участие 1243 посетителя музея. Количество отзывов по экспозициям: природы – 326, археологии – 192, этнографии – 359, сменным выставкам – 366.

Среди опрошенных удовлетворены осмотром всех экспозиций – 96,2% (1196 чел.). Равнодушие было проявлено в 3,5% случаев, недовольство – в 0,2%.

Среднестатистический посетитель в возрасте 31–60 лет (32,4%) пришел в музей с ребенком до 17 лет (32,2%) и остался доволен осмотром всех экспозиций.

В возрасте 23–30 лет наименее удовлетворенными от просмотра уходят из музея женщины, а в возрасте 31–60 лет – мужчины.

Итак, можно утверждать, что в июле 2009 года типичными были:

1. Неформальная группа посетителей из двух человек:

- мужчина от 18 до 22 лет или женщина от 18 до 60 лет – жители города Ставрополя – с ребенком, которые пришли в музей с целью развития ребенка;
- две женщины в возрасте 31 – 60 лет (жительница города и ее родственница, проживающая в крае), пришедшие в музей с познавательными целями.

2. Одиночный посетитель: приезжий из иного субъекта РФ (42,1 %) в возрасте 31 – 60 лет (42,1 %). Посещает музей впервые – 56,2 %, в четверг или пятницу (42,1 % и 34,2 %) с 14 до 16 час. Это работающий (57,9 %), активно проявляющий свои интересы относительно экспозиций (63,2 %). Наибольший интерес вызывают экспозиции отдела природы (57,9%).

3. Среднестатистический посетитель в возрасте 31 – 60 лет (32,4 %), пришедший в музей с ребенком до 17 лет (32,2 %) и остался доволен осмотром всех экспозиций.

4. Посетителю в возрасте до 17 – 22 лет наиболее интересны экспозиции отдела природы или археологии и наименее – отдел этнографии и сменные экспозиции.

В качестве рекомендаций по повышению качества обслуживания на основе выявленных групп посетителей считаем возможным предложить следующее.

Для посетителей с детьми дошкольного возраста в первой половине выходного дня проводить музейные занятия на одной из экспозиций (мини-лектории с игровыми моментами).

Посетителям, пришедшим в музей-заповедник с ребенком школьного возраста, рекомендовать брошюры с заданиями по одной из экспозиций.

Практиковать в экспозиционных залах аудио- и видео-лектории, с целью повышения информативной насыщенности музейной среды.

Используемая литература и источники

1. Соболев С. Музейная практика // ООО «Бизнес-Журнал», 1997–2009. <http://offline.business-magazine.ru/2003/20/26506/>
2. Колбер Ф. Маркетинг культуры и искусства / Ф. Колбер при участии Ж. Нантеля, С. Билодо, Д.Д.Рича. – СПб.: Арт-пресс, 2004.

РАБОТЫ СТУДЕНТОВ И ШКОЛЬНИКОВ

Дёшина А. А.,

г. Ставрополь,

Северо-Кавказский государственный технический университет,

студентка 2 курса;

научный руководитель:

Чесняк М. Г.

История кинематографа в Ставрополе: прошлое и настоящее

Современный человек имеет множество способов скрасить свой досуг и выбирает тот из них, что соответствует его интересам. Киноиндустрия сегодня может предложить фильм на любой вкус: комедии, боевики, драмы, триллеры. Каждый найдет тот жанр, что ему по душе. С начала XX века, когда кинематограф только зарождался, и по сей день интерес человека к миру кино не пропадает, тема кино в культурной жизни общества весьма актуальна. Данная статья позволит читателю познакомиться с историей развития кинематографа в Ставрополе на фоне развития его в России и убедиться в том, что культурная жизнь города развита и подвержена веяниям.

28 декабря 1895 года – в Париже состоялся первый публичный киносеанс, организованный братьями Люмьер. Появление кинопроектора, а вместе с ним и зарождение кинематографа, – невероятный культурный и технический прорыв, перевернувший сознание людей того времени.

В первые годы XX века один за другим в Москве, как и в других городах России, начали открываться кинотеатры, преимущественно на центральных улицах. Как замечает в своей книге «Ставрополь – врата Кавказа» краевед Г. А. Беликов, уже в 1907 году первые фильмы Огюста и Луи Люмьер стали демонстрировать в городе Ставрополе, весной того года в летнем здании кинотеатра Ф. И. Беленовского и И. И. Неклеушева «Биоскопъ» в городской роще (в настоящее время бульвар Ермолова), осенью – в зимнем, на втором этаже особняка братьев Такиджиевых на Николаевском проспекте (в настоящее время – пр-т Карла Маркса). В следующем году «Биоскопъ» переехал в дом купца Карла Навотни. На тот момент хозяином «Биоскопа» стал Баграт Бедросов, он арендовал его новое помещение. В 1912 году К. Навотни с восточной стороны своего дома сделал пристройку (на месте этой пристройки в настоящее время и находится кинотеатр «Октябрь»).

Одновременно с «Биоскопом» в доме Петра Чеглакова на углу Николаевского проспекта и Европейского переулка (в настоящее время пр-т Карла Маркса, 82) открылся французский «Электро-биограф «ПАТЭ», название

которого было заимствовано от французской фирмы, выпускавшей кинопроекторную аппаратуру, использовавшуюся в России и других странах. Вскоре предприниматель Г. Израильский открывает кинематограф «Биофонь» на втором этаже дома купца К. Х. Зарифьянца. В здании, пристроенном к мебельному магазину Л. Траубе, расположился кинематограф «Солей», в торговом-зрелищном центре «Пассаажь» – кинотеатр «Модернь», в Воронцовской роще «электро-театр» – «Свобода», на Александрийской улице (в настоящее время ул. Советская) – синематограф «Гранд-Электро» на 750 мест.

Первые фильмы братьев Люмьер и Эдисона представляли собой короткие бытовые сцены, и зрителей приводила в восторг скорее техническая новизна, чем сюжет. Затем им на смену пришли остросюжетные ленты «эпохи Патэ», а после – американские боевики и комедии. Вскоре в России возникло собственное кинопроизводство. «Биоскопъ», один из первых кинотеатров города, демонстрировал и вышедший на экран осенью 1908 года первый русский игровой фильм «Стенька Разин», и фильм «Победа», приуроченный к столетию победы России в Отечественной войне 1812 года, и фильмы со знаменитой актрисой немого кино В. Холодной, и картину «Война и мир» в марте 1915 года. Программа киносеанса состояла из трех разделов, не объединенных общим сюжетом. Первый знакомил зрителей с полетами первых дирижаблей и аэропланов, скачками и тому подобным. Затем шел основной фильм – драма, боевик или комедия. А в заключение публике показывали фрагменты из фильмов с участием Чарли Чаплина, клоунаду.

Жесткая конкуренция первых кинотеатров заставляла их владельцев привлекать зрителей всеми возможными способами. Рекламы газет сообщали о выходе остросюжетных картин и о тех технических новинках, которыми зрителям предлагалось насладиться: звуковые эффекты (в «Солее» и «Модерне»), отсутствие мигания (в «Биофоне»); чтобы привлечь в свой кинотеатр «Свобода» больше зрителей, Б. Д. Бедров использовал французские предохранители от самовозгорания и невоспламеняющиеся киноплёнки фирмы «Рекорд». Рекламные тумбы были оклеены афишами конкурирующих кинотеатров.

Как пишет в своей книге «Ставрополь – врата Кавказа» Г. А. Беликов, владелец «Биофона» Г. Израильский, стремясь обойти конкурентов, впервые в городе устроил электрическую рекламу – огромный красочный щит с электрическими лампочками, подвешенный поперек Николаевского проспекта. Многие кинотеатры располагались в зданиях, ориентированных на торговлю. И это делалось не случайно, а для того, чтобы привлечь как можно больше посетителей. И по сей день в городах России кинотеатры размещают в торговых центрах («Ударник» в Москве, «Атлантис» в Ставрополе и другие). Посещение магазинов составляло досуг каждого горожанина, а в Ставрополе имелись такие

из них, которые не просто служили местом торговли, но и представляли собой своеобразные выставочные центры. Рассмотрим историю их возникновения подробнее. В 1902 года семья Людвиг Траубе построила двухэтажный дом на улице Воронцовской (в настоящее время пр-т Октябрьской революции, 19), на первом этаже которого располагался магазин. Сначала он назывался музыкально-книжным, а затем музыкально-мебельным и зеркальным. Он был весьма знаменит в Ставрополе, и горожане приходили в него как на выставку диковинных предметов: в магазине продавались различные музыкальные инструменты, граммофоны и музыкальные шкатулки, а также мебель венской работы, тетради, открытки, книги. К этой популярной торговой точке и был пристроен кинематограф «Солей», вмещавший около 260 зрителей. Кинотеатр «Биофонь» находился в доме Карпа Христофоровича Зарифьянца, который был построен в 1903 году и на вид представлял собой каменный двухэтажный терем, вобравший в себя разные архитектурные стили. В нижнем его этаже купец устроил роскошный магазин «Золотой улей», где можно было приобрести мед разных сортов, отмеченный на международных выставках. Он имел славу и репутацию в городе и привлекал покупателей: мед расфасовывался в разнообразные по размеру, цвету, этикеткам баночки из стекла, дерева, фарфора, также в магазине можно было приобрести все необходимое пчеловодам. Второй этаж изначально сдавался под ресторан, но с 1907 года предприниматель Григорий Израильский открыл здесь кинематограф. В 1909 году братья Иван и Александр Меснянкины задумали возвести торгово-зрелищный центр «Пассажь». Два его этажа сдавали купцам под торговые магазины, помимо этого, здесь был театр на 600 мест, кинотеатр «Модернь» на 200 мест, а в подвальном помещении размещался ресторан «Гном». Внутренний двор с чугунной прогулочной галереей предполагали использовать как зимний сад. «Пассажь» стал самым посещаемым центром торговли и отдыха в городе. Об этом заведении рассказывал в своей пьесе «Торговый дом» наш земляк, драматург И. Д. Сургучев.

Каждый кинотеатр имел весьма комфортный и эстетичный интерьер. В своей статье археограф Е. Б. Громова упоминает описи имущества, проведенную в 1918 году в кинотеатре «Биоскоп». Она позволяет нам представить обстановку кинотеатра в те годы. На стульях, мягких диванах и креслах можно было расположиться и послушать музыку, исполняемую оркестром в антрактах. Помещение украшали зеркала, статуи и аквариум, фойе освещалось четырьмя люстрами. Зрительный зал, очевидно, был рассчитан на 330 посадочных мест (столько стульев было реквизировано).

Между тем судьба кинотеатров «Биофонь» и «Электро-биограф «ПАТЭ», демонстрировавших свои фильмы в малоприспособленных для этой цели помещениях, была предрешена. «Биофон» просуществовал несколько лет, хотя в

год своего появления принял более 60 тысяч посетителей. На его месте разместился «Коммерческий клуб», где собирались на отдых и ассамблеи купцы и предприниматели города и его гости. В период революционной смуты сгорел кинематограф «Свобода». «Солей», «Модернь» и «Биоскопъ», победившие в битве с кинотеатрами-конкурентами, в советское время перешли в государственную собственность.

После установления советской власти наряду со старыми лентами появились новые: «Броненосец «Потемкин», «Красные дьяволята». В 1930-е годы на смену «немому» пришло звуковое кино, получил развитие советский кинематограф. Ленты «Чапаев», «Ленин в Октябре», «Капитан Балтики», музыкальные комедии «Веселые ребята!», «Волга-Волга», самый первый советский мультипликационный фильм «Новый Гулливер» увидели зрители всех уголков России. Кинотеатры Ставрополя оснащались современной отечественной аппаратурой. В городе работал киномехаником Т. С. Легоцкий, ученик изобретателя кино Луи Люмьера.

В духе времени кинотеатр «Солей» был переименован в «Гигант» и реконструирован (к нему пристроили вестибюль и изменили интерьер), став самым современным на Ставрополье; «Биоскопъ» на некоторое время получил название «Арс», а затем за ним закрепилось название «Октябрь»; разрабатывался проект превращения «Пассажа» в Центр советской культуры, так и не реализованный впоследствии. В период Великой Отечественной войны, во время оккупации города, кинотеатр «Гигант» временно получил название «Солдатское кино», в нем проводились киносеансы для германских военнослужащих. В 1942 году при бомбардировке Ставрополя три небольшие бомбы упали на здание «Пассажа». Западное крыло, где располагался кинотеатр «Модернь», не было восстановлено. После Великой Отечественной войны города России стали постепенно отстраиваться. Появлялись здания культурного назначения. В Ставрополе возникли новые кинотеатры: маленькие, такие, как «Пионер», открытый в 1954 году и вмещавший 80 зрителей, «Ставрополец» (176 мест) и «Мир» (198 мест), открытые в 1957 году, «Чапаевец» (40 мест), открытый в 1968 году, и большие, такие, как «Родина» и «Экран». «Родина» – первый широкоэкранный кинотеатр в крае, распахнувший свои двери перед зрителями в 1957 году и радушно принимавший их до 1994 года. В 2004 году, из-за невозможности реконструкции ввиду недостатка денежных средств, кинотеатр был снесен. Другой широкоформатный кинодворец – «Экран», демонстрировавший посетителям панорамные кинокартины, был открыт в 1966 году. В настоящее время кинотеатр находится на прежнем месте в полуразрушенном состоянии, а в советское время он был величественным сооружением, украшенным изнутри мозаикой. Кинотеатр «Гигант»,

переименованный в «Орленок», после реконструкции в 1985 году был отдан детям.

А. П. Акопьян в статье журнала «Про» отмечает, что он был отделан мрамором, украшен мозаикой, хрусталем люстр и объединял три зрительных зала, кафе, зимний сад с фонтаном, зал игровых автоматов. Над куполом кинотеатра возвышался флюгер с гайдаровским всадником революции. В Юго-Западном районе города Ставрополя в начале 1987 года закончилось строительство широкоформатного кинотеатра «Салют». Оригинальное инженерное решение позволило на висячих опорах держать всю металлическую конструкцию с объемными потолками двух залов, вмещающих в общей сложности 720 зрителей и легко превращающихся в концертные. В настоящее время, наряду с «Салютом», действует еще ряд кинотеатров: цифровой «Пирамида», кинозал которого рассчитан на 260 зрителей, кинотеатр «Атлантис» в ТОРК «Галерея», вмещающий 194 зрителя в двух залах, и кинотеатр «Октябрь». После реконструкции в 2005 году в «Октябре» появились звуковое оборудование DOLBY DIGITAL SURROUND, система кондиционирования, современные мягкие эргономические кресла производства Франции, на которых могут разместиться 399 зрителей обоих залов, и кофейня, где после сеанса зрители могут побеседовать, например, за чашечкой кофе. В каждом кинотеатре города имеются подобные условия, обеспечивающие комфорт посетителям.

Подводя итоги, хотелось бы сказать, что кинопроектор – техническая новинка, вызвавшая неподдельный интерес и восторг у публики, стала отправной точкой в киноиндустрии в России и на Ставрополье в частности. Кино из диковинки, которой оно являлось в начале XX века, превратилось в явление, несущее культуру в массы. Вековая история развития кинематографа в России показывает, что он является частью социально-культурной системы. Подтверждением тому служит тенденция к появлению кинотеатров в торговых зданиях, которая сохраняется и до сих пор. История кинематографа в Ставрополе демонстрирует перспективность социально-культурной сферы города и края. Наличие предпринимательства и торговли, заинтересованность горожан в поднятии общего культурного уровня – все это дает мощный толчок к дальнейшему развитию индустрии кино.

Использованная литература и источники

1. Акопьян А.П. От «Солея» до «Орленка». // Про. – 04. 2007. – с. 134–136.
2. Беликов Г.А. «Ставрополь – врата Кавказа». – С.: Ставропольское книжное издательство, 1997.
3. Беликов Г.А. «Град креста». – С.: Ставропольское книжное издательство, 2005.
4. Беликов Г.А. «Облик старого Ставрополя». – С.: Ставропольское книжное издательство, 2005
5. Громова Е.Б. Чудесные метаморфозы «Биоскопа». Ко Дню российского кино. // Ставропольские губернские ведомости. – 22.08.2007. – № 33. – С.15.

Коваленко Е. А.,
Григорьева О. С.,
г. Минеральные Воды,
МАН ДДТ, секция «Истоки»,
ученицы 9 класса;

научный руководитель:
Шкарупа И. Ф.

Музей под открытым небом (городские и поселковые кладбища как памятники истории и культуры)

160-летие со дня рождения Г. Н. Прозрителева является важной датой для юных краеведов. Вслед за известным исследователем старины мы узнаем прошлое нашей малой Родины, разыскиваем новые факты, открываем новые имена.

Анализ краеведческой и этнографической литературы, воспоминаний жителей города дал богатый материал для изучения кладбищ как исторических источников. Классификация надгробий позволила выявить наиболее интересные захоронения с точки зрения материальной и духовной культуры России XX века. Новизна данного исследования состоит в том, что изучение истории кладбищ города ранее не велось. Эта первая попытка не только описать наиболее интересные захоронения, но и классифицировать их, выявить наиболее интересные особенности надгробий 50–90-х годов, провести контекст-анализ эпитафий, определить способы и средства отражения в надгробии особенностей личности и эпохи.

На карте города указаны 2 кладбища: по ул. Железноводской и ул. 50 лет Октября (оба кладбища законсервированы). К окраинам города примыкают поселок Ленинский и Левокумка, где находятся действующие кладбища. Захоронения на кладбищах по ул. Железноводской и в поселке Ленинском относятся к первой половине XX века. Условно назовем их **«старые кладбища»**.

Старые кладбища. Сведения из этнографической литературы говорят, что «некрополь» – слово греческое, означает город мертвых. Этим словом ученые называют могильники Древнего Востока, античного мира, древнего Средиземноморья и Причерноморья. На Руси до половины XVII века погребали близ церквей. Эти захоронения назывались «погосты». Затем в обиход стало входить слово «кладбище». Во второй половине XVII века царским указом было повелено, чтобы в городах, селениях, слободах умерших не хоронить при церквях,

а отводить для этого особые места за городом, под названием кладбищ. С этого времени появились кладбища, и на них начали ставить надгробные памятники для обозначения места почившего. Таково происхождение слова «кладбище».

В 1878 году при станции Минеральные Воды появился поселок Султановский, на землях помещиков Султан-Гиреев. До революции в западной части поселка Султановского возникло кладбище (ныне ул. Железноводская). В народе его называют «старое кладбище». Здесь захоронены первые жители поселка конца XIX – начала XX века. Нам удалось узнать, что на старом кладбище есть могила старейшины поселка Дикого Григория Ивановича.

Жители поселка вели постоянную борьбу с землевладельцами, которые повышали арендную плату. 25 октября 1898 г. жители собрались на сход, где стали просить областное правление о выкупе у помещиков всей усадебной и 500 десятин выгонной земли за счет правительства, с которым бы они рассчитались в течение 25 лет. Был составлен «Общественный приговор» – письмо-прошение, которое должны были отвезти в столицу выборные лица, в том числе старшина поселка. Одно время старшиной поселка был Дикой Григорий Иванович. Так, захоронение Дикого Г. И. могло бы стать одним из экспонатов музея под открытым небом о первых десятилетиях истории нашего города.

Другие захоронения **старого кладбища** могли бы рассказать о трагических событиях Гражданской войны. 1919 год. В отступающей Красной Армии свирепствовал тиф. Военские эшелоны прибывали на станцию Минеральные Воды. На 1 января 1919 г. XI армия насчитывала 150 тыс. бойцов, из них более трети было больных и раненых. Живых отправляли в больницу, а мертвых вывозили на кладбище, где было три братских могилы. Часть умерших бойцов была захоронена в могиле на ярмарочной площади поселка. К сожалению, в городе нет памятников о событиях Гражданской войны ни на старом кладбище, ни на бывшей ярмарочной площади.

События Великой Отечественной войны будут храниться в нашей памяти вечно. Об этом нам напоминают памятники и стелы на местах захоронений. На территории города и района расположены 23 захоронения, где нашли свой последний приют 538 воинов, две братские могилы жителей, расстрелянных фашистами. У входа на **старое кладбище** по улице Железноводской находится братская могила погибших в годы Великой Отечественной войны. Это солдаты, которые пали в боях за наш город или умерли от ран в госпиталях. Под надписью мы насчитали имена 149 человек.

Самым старым из поселковых кладбищ является кладбище поселка Ленинского (бывший Красный узел). Оно интересно тем, что здесь захоронены помещик М. А. Пеховский и местночтимый святой Феодосий Кавказский. Бывшее имение помещика Пеховского возникло до рождения поселка

Султановского и потом было приписано к нему. Помещик разводил лошадей английской породы, получал медали и призы. У него жокеем был Антон Омельченко, участник экспедиции Р. Скотта к Южному полюсу в 1910–1912 гг.

В 1888 году помещик построил церковь Архангела Михаила, которая стала его семейной часовней. В 1909 г. М. А. Пеховский умер и был похоронен в подвале часовенки, где его прах находился до революционных событий на КМВ. Вскоре после Гражданской войны церковь с иконами и красивым убранством разрушили и разграбили. Останки М. А. Пеховского были захоронены на кладбище.

В 1995 г. из поселкового кладбища в местную церковь перенесли мощи известного иеросхимонаха отца Феодосия. Из далеких мест России ехали к Феодосию люди, кто с поклонением, кто с мольбой об исцелении. Преподобный Феодосий (Федор Федорович Кашин) родился 3 мая 1841 г. в Пермской губернии. Подростком он с помощью паломников добрался до святого Афона, где его взяли в обитель. Здесь он стал монахом. Обойдя все святые места, иеромонах Феодосий остановился в Иерусалиме, где остался служить у Гроба Господня. Вернулся в Россию до революции 1917 г. В 1927 г. 86-летний старец был арестован и после следствия в Новороссийске приговорен к 3 годам ссылки. В 1932 г. был освобожден и переехал на жительство в г. Минеральные Воды. Он обладал даром предсказания, о нем ходили легенды. Умер старец 8 августа 1948 г. в возрасте 107 лет. Похоронен на сельском кладбище. Его могила стала местом паломничества.

Итак, наше исследование захоронений на старых кладбищах позволяют сделать вывод, что, несмотря на то, что многие захоронения утеряны (как могила М. А. Пеховского), можно считать, что они являются источниками информации об истории города первой половины XX века, представляют интерес с этой точки зрения для посетителей.

Захоронения нового города. В 50-е годы начинает расти и благоустраиваться город. Население быстро росло. Старое кладбище по ул. Железноводской не вмещало новых захоронений. В некоторых местах захоронения были двух- и трехслойные. Поэтому было принято решение выделить территорию для нового кладбища. Оно было открыто в конце 50-х годов по адресу: ул. 50 лет Октября, 142. Первые записи захоронений были сделаны в книге учета в 1964 г. Захоронения начинались с западной части, прилегающей к территории аэропорта. Восточная и южная части кладбища подтапливались подземными водами и ручьями, текущими с горы Змейка. Посаженный перед входом на кладбище дубовый лес страдал от избытка влаги, а по берегу ручья обильно рос камыш. Постепенно кладбище благоустроили: дорожки, –

центральная и боковые – были заасфальтированы, кладбище окружила кирпичная ограда, подтопленные участки засыпали гравием.

По традиции людей, прославивших город и район, хоронили на центральной аллее – Аллее славы. Это люди разных профессий и судеб. Но их объединяет одно общее – свою жизнь они отдали Родине, народу, своему делу. Мы составили схему расположения на Аллее славы могил наиболее выдающихся людей. Одним из первых здесь был захоронен Виктор Лызарь, в 1972 году. Ему было всего 27 лет, когда он совершил свой подвиг. Во время испытаний на пути к аэродрому загорелся двигатель самолета, рядом был город, и Виктор принял единственно правильное решение – отвести самолет от города, пожертвовав своей жизнью. Это было в Ленинградской области. Место, где упал самолет, называют «Лызарево поле». На родине Виктора Лызаря не забыли – его именем назван ежегодный турнир юных боксеров. Рядом могилы двух Героев Великой Отечественной войны – Турченко Н. А. и Гаркуша Я. Ф.

В 1995 г. в Минеральных Водах была создана Книга Памяти минераловодцев, погибших в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. В нее было занесено 10114 имен. Много участников Великой Отечественной войны захоронено на гражданских кладбищах. Среди них и Герои Советского Союза. Вот их имена: Величко Геннадий Иосифович (1922–1974 гг.), Гаркуша Яков Филиппович (1916–1977 гг.), Ротенко Андрей Иванович (1924–1963 гг.), Турченко Николай Архипович (1921–1972 гг.), Шапошников Яков Федорович (1905–1981 гг.), Дубиков Андрей Елиферович (1995–1963 гг.).

Здесь же могила Почетного гражданина города Золотарева Михаила Григорьевича, который стал зачинателем стахановского движения на Минераловодском отделении железной дороги в 30-е годы прошлого века. Скромный памятник стоит на могиле Абугова Григория Израилевича. Он был начальником планово-экономического отдела Минераловодского отделения дороги. Но истинным его призванием был спорт – он создал из местных ребят баскетбольную команду «Локомотив», и весной 1998 г. она заняла 6 место среди самых сильных команд России. В самом начале Аллеи славы – могила Бессарабова Н. А., который в 1952 г. возглавлял авиационные мастерские, из которых потом вырос завод Гражданской Авиации № 411 – гордость города и отечественного авиастроения.

В стороне от центральной аллеи – печальные жертвы двух войн, афганской и чеченской. Вот из черного мрамора памятник на могиле Каленского Ивана Николаевича, погибшего в Афганистане 8 августа 1980 г. Еще обучаясь в школе, Ваня мечтал стать военным. После окончания Орджоникидзевского военного училища служил в Венгрии, а с января 1980 г. в Афганистане. Погиб в стычке с моджахедами. Посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Здесь же могилы и первого в Минводах Героя Социалистического Труда Иванова А. И., машиниста локомотивного депо, и организатора пионерского движения в 20-е годы Борщенко Георгия Архиповича, и многих других известных в городе людей.

Изучая захоронения нового кладбища, мы обратили внимание на различия в надгробьях. Было выявлено, что надгробья 60–70-х годов отличаются скромным внешним видом, сделаны из доступного для жителей материала (доска, железный прут, лист железный), окрашены масляной краской. Делались они, в основном, в виде тумбы или пирамиды. Наверху устанавливались красная пятиконечная звезда или православный крест. К тумбе прикреплялась металлическая пластинка с фамилией умершего и датами его жизни и смерти. Гробницы (обрамление могильного холма) тоже были скромные, сделаны из металла, внутри высаживали цветы.

В конце 70-х годов стали устанавливать надгробные памятники в виде прямоугольной плиты из цемента с добавлением мраморной крошки. К началу 80-х годов, с перепрофилированием бывшего завода «Карьероуправление» в камнеобрабатывающий завод, появилась возможность делать памятники из мрамора. Мраморные плиты были белого, черного, серого цветов. На надгробьях из цемента или мраморной крошки были фотографии на металлической пластинке и краткие сведения об умершем. Позднее портреты стали выполнять на мраморной плите, которую прикручивали к надгробью.

Первое скульптурное надгробье сделано известному пролетарскому писателю А. П. Бибику в конце 70-х годов. Бюст писателя выполнен из гранита. В то время скульптурные надгробья устанавливались на средства предприятия или общественной организации. Из скульптурных надгробий обращает на себя внимание бюст Гавриленко В. Н. Изящный наклон головы, прелестное девичье лицо. Белый мрамор подчеркивает нежность и одухотворенность облика. Мы узнали, что Гавриленко В. И. после окончания Пятигорского института иностранных языков работала на Дальнем Востоке сотрудником советско-американской компании по морским ресурсам. Погибла в 1982 г. Сотрудники компании похоронили Веру Ивановну на родине, установили скульптурное надгробье из белого мрамора.

Некоторые надгробья рассказывают о профессии умершего. Так надгробье Сафаряна Рафаэля Арамовича (руководитель строительного треста «Дистанция гражданских сооружений» с 1958 по 1987 г.) украшено боковыми пилонами в виде строительных блоков.

Нас интересовали также эпитафии на могильных плитах. Эпитафия – надгробная надпись, сообщающая что-либо о покойном. На эпитафиях минераловодского кладбища в основном указывается, кому и от кого поставлено

надгробье, выражается боль по поводу утраты, иногда сообщается причина гибели, социальное положение, профессия. Лишь некоторые эпитафии представляют художественную ценность. Глубокая скорбь звучит в каждой строчке надгробия Гавриленко В. И.:

Закатилась надежды нашей звезда,
В сиротливой душе лишь печаль одна.
Все, что может отнять, отняла беда,
Только слезы оставила нам она.

Описание лишь некоторых захоронений и надгробий позволяет сделать вывод, что они представляют интерес и как памятники художественной культуры и быта нашего города второй половины XX века.

На аллеях кладбищ мы встречаем имена тех, о ком рассказывается в книгах по истории города. Они имеют огромную историческую и культурную ценность. Городские и поселковые кладбища следует рассматривать сегодня как важнейший исторический источник. Их сохранность – важнейшая государственная задача, наш гражданский долг.

Завершая описание минераловодских кладбищ, уместно привести известные слова А. С. Пушкина: «Гордиться славой наших предков не только можно, но и должно». Для молодого поколения они являются музеем под открытым небом.

Использованная литература и источники

1. Бреева В. Напоминает архив. //Пять месяцев беды. [К 50-летию освобождению Минеральных Вод от гитлеровского нашествия]. Минеральные Воды, 1992. С. 20–21.
2. Голубь К. И дольше века длится день // Минеральные Воды, 2008, № 21.
3. Гриценко В.Б. История земли Минераловодской. Минводы, 1998. 512 с.
4. Иванов А. Судьба города – моя судьба. Литературно-публицистическое повествование, посвященное 120-летию города Минеральные Воды и его замечательным людям. Минводы, 2000. С. 41–47.
5. Кобылкин А.П. Золотое созвездие. Минводы. 2000. 397с.
6. Книга Памяти минераловодцев, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Г. Минеральные Воды и Минераловодский район Ставропольского края, 1995. 390 с.
7. Некрополь. Пятигорское краеведческое общество. Пятигорск, 1980.
8. Панкеев И. Русский народ. – Ростов-на-Дону. Феникс, 1996.
9. Преподобный Феодосий Кавказский. Житие. Чудеса Акафиста: Отдых христианина, 2001.
10. Созвездие славных. Герои Советского Союза Ставрополя и Карачаево-Черкесии (1938–1988 г.). Ставропольская краевая типография, 1996.
11. Шкарупа И. Последний приют, или немного об известных людях, которые покоятся на городских погостах. // Минеральные Воды, 3 декабря 2008. С. 4. Некрополь.

Ким Виктория,
г. Ставрополь,
Северо-Кавказский государственный технический университет,
гуманитарный факультет,
студентка 5 курса

Культурный ландшафт Шпаковского района как туристский ресурс

Согласно одному из руководящих документов ЮНЕСКО – Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия – культурный ландшафт представляет собой целостность историко-культурных и природных территориальных комплексов, интегрирующих все проявления культурной жизни.

Развитие туризма на Ставрополье на рубеже XX – XXI вв. было определено Постановлением губернатора края «Об утверждении концепции развития туризма в Ставропольском крае» от 1998 г., в котором обеспечение условий для возрождения и развития въездного, внутреннего, а также социального и самодельного туризма выделены как приоритетные направления (1). В Постановлении отмечается, что одной из проблем является отсутствие системы сбора статистических данных и недостаточная степень изученности туристских и рекреационных ресурсов административных образований – районов Ставрополья. Это говорит о необходимости проведения исследований культурного ландшафта с целью выявления объектов туристского интереса и перспективности разработки туристских и экскурсионных маршрутов. Преодоление этих проблем предполагает активизацию государственной политики в сфере туризма, создание правовых, организационных и экономических основ для формирования в Ставропольском крае современной, конкурентоспособной туристской индустрии.

Почти через 10 лет Федеральным законом «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (2007 г.) были выделены семь особых экономических туристско-рекреационных зон, среди которых и Ставропольский край. Безусловно, важным критерием выделения нашего края в качестве особой туристско-рекреационной экономической зоны было наличие в крае района Кавказских Минеральных Вод как всемирно известного курорта. Однако в законе оговаривается не только этот район, но край в целом.

В соответствии с названным законом особая экономическая зона – это часть территории Российской Федерации, на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности. Это зона, создаваемая не только в целях развития обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей, производства новых видов продукции, развития транспортной инфраструктуры, но также туризма и санаторно-курортной сферы.

В соответствии с проблемой была поставлена цель исследования: выявить туристские ресурсы Шпаковского района Ставропольского края.

В качестве объекта исследования определены туристские ресурсы Шпаковского района, предмета – культурный ландшафт этого района.

В середине 90-х гг. XX в. специалистами ЮНЕСКО была разработана первая и пока единственная типология культурных ландшафтов, согласно которой выделяют три основные категории: целенаправленно созданные, естественно развившиеся (реликтовые и развивающиеся) и ассоциативные ландшафты.

На этом основании было предпринято кабинетное исследование культурного ландшафта Шпаковского района, которое позволило выделить следующие группы культурных ландшафтов:

1. Целенаправленно созданные – дендрарий Ставропольский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (СНИИСХ) – искусственно созданный памятник природы садово-паркового искусства, который состоит из коллекции 504 видов древесных и кустарниковых пород;

2. Естественно развивающееся – Татарское городище – крупнейший археологический памятник Северного Кавказа, относится к ископаемым ландшафтам;

3. Ассоциативные включают памятники истории – мемориальный комплекс «Огонь вечной славы», памятник герою Гражданской войны Ф. Г. Шпаку в г. Михайловске.

В ходе анализа выделенных групп культурных ландшафтов удалось выявить их свойства:

1. Универсальность как отражение взаимодействия человека и природы на географическом уровне (искусственно созданный памятник природы – дендрарий СНИИСХ).

2. Целостность отражается в единстве исторических, культурных ценностей и традиций природопользования. Сохранение и воспроизводство редких видов растений и животных способствует повышению туристского потенциала Шпаковского района.

3. Аутентичность или подлинность и достоверность отражается в охране таких памятников природы, как гора Острая – останец Ставропольской возвышенности; полоса скал в верховьях балки «Татарка», сложенных известняком-ракушечником, которые являются уникальными природными объектами.

Названные свойства характерны для каждой из групп культурных ландшафтов Шпаковского района, за исключением ассоциативных ландшафтов (им не присуща универсальность).

Далее, при сопоставлении выделенных групп ландшафтов и их свойств, удалось определить следующие критерии ценности отдельных объектов культурного ландшафта Шпаковского района:

– Татарское городище является общественно-признанным шедевром, исторически феноменальным и уникальным в своем роде; Татарское городище также отвечает критерию наглядности эволюционных процессов во времени и пространстве.

– Вшивое озеро содержит условия и место обитания охраняемых птиц: выпь, лысуха, водяная курочка, кулик-ходулочник. Таким образом, Вшивое озеро имеет большое значение для сохранения природного и культурного разнообразия.

– гора Стрижамент – репрезентативный культурный объект, т. к. к нему относятся такие уникальные природные объекты, как «Каменный хаос»; буковый лес, которые, в свою очередь, играют роль в сохранении и воспроизводстве редких видов растений и животных.

Большинство заказников имеют условия и места обитания, которые имеют значение для сохранения природного разнообразия. А именно: заказники «Приозерный», «Ставрополец», Урочище Бударка, Четвертая балка, Лопатинская лесная дача, курган Лохматый, Балка Второй Лог, Бучинская поляна, Беспутская поляна, Новомарьевская поляна, Шалева поляна, Солдатская и Малая поляны г. Стрижамент.

Качественное преобразование туризма и становление его важной отраслью экономики региона невозможно без коренного преобразования системы информационного обеспечения на основе соответствующих информационных банков и баз данных, развития сетевых информационных технологий и современных телекоммуникационных средств (1).

В результате проведенного исследования удалось выявить объекты культурного ландшафта Шпаковского района, которые могут являться туристским ресурсом.

Использованная литература и источники

1. Постановление губернатора СК от 28.04.98 № 294 «Об утверждении концепции развития туризма в Ставропольском крае».

Отечественный опыт создания музейных путеводителей

Путеводители по стране, краю, городу, району предназначены главным образом для туристов, содержат сведения о местных достопримечательностях, учреждениях культуры и отдыха, путях сообщения, местах проживания и питания. Путеводители по учреждениям культуры (музеям, библиотекам) или историческо-художественным комплексам сообщают об их истории, предназначении, структуре и фондах.

Путеводитель по музею предназначен в первую очередь в помощь руководителям школьных учреждений, краеведческих кружков, преподавателям и студентам высших учебных заведений, методистам туристско-краеведческой работы, учителям, педагогам дополнительного образования, жителям и гостям города.

С целью выявления характерных особенностей современного музейного путеводителя был исследован портал «Музеи России», содержащий информацию о музеях нашей страны, о выставках и экспозициях, важных событиях (семинарах, конкурсах), фотографии и отзывы посетителей.

Предмет исследования – структура, содержание и основная идея музейного путеводителя – очерчивался пятью отечественными музеями, представившими информацию, отвечающую теме исследования, в рамках портала.

Альбом-путеводитель по музею-заповеднику «Кижский» (республика Карелия) являет собой печатное издание, иллюстрированное фотографиями. Это, третье издание путеводителя по музею-заповеднику, отличается от двух, вышедших ранее, адаптированным для посетителя текстом и большим числом иллюстраций.

Структура путеводителя включает восемь разделов. Подробная информация об основных музейных памятниках, исторических деревнях острова, часовнях на его периферии дана в разделах: «Кижский архитектурный ансамбль», «Русские Заонежья», «Пряжинские карелы», «Деревня Ямка», «Деревня Васильево», «Пудожский сектор», «Кижское ожерелье».

В путеводителе подробно рассказывается не только о памятниках архитектуры, но и о природе острова, которая повлияла в свое время на создателей шедевров архитектуры, ради которых в Кижский архипелаг едет большинство гостей. Раздел «Природа» знакомит с богатством и красотой животного и растительного мира островов кижского архипелага.

В результате анализа структуры и содержания путеводителя было сделано заключение об основной идее путеводителя – рассказать об основных музейных комплексах.

Путеводитель по Днепропетровскому историческому музею представляет собой печатное издание. Путеводитель, по мнению коллектива музея, призван провести читателя по залам одного из старейших музеев Украины, познакомить с богатой и разнообразной экспозицией, с памятниками материальной и духовной культуры, реликвиями революционной, боевой и трудовой славы. Основная идея путеводителя – помочь потенциальному посетителю самостоятельно ознакомиться с богатой и разнообразной экспозицией музея, придерживаясь строгой последовательности ее осмотра.

Издательство «Аркаим» разработало серию книжных проектов по созданию уникальных изданий о достопримечательности Челябинской области – природно-ландшафтном и историко-археологическом памятнике мирового значения, музее-заповеднике «Аркаим». В исследовании проведен анализ фотоальбома «Путеводитель по музею-заповеднику «Аркаим». Альбом содержит схему Музея-заповедника «Аркаим» с указанием страницы, на которой читатель найдет объекты (общим количеством более 100), отраженные на схеме, и рассказ о них. Путеводитель-фотоальбом включает высококачественные полосные пейзажные, постановочные фотографии историко-археологических памятников Южного Урала и фотографии экспонатов музея-заповедника «Аркаим». Каждая фотография сопровождается рассказом о предмете иллюстрации.

Увлекательное фотопутешествие по музею-заповеднику «Аркаим» – это уникальная возможность «побывать» на месте исследований и почерпнуть массу интересных сведений.

Основная идея путеводителя: дать наглядные ориентиры для читателей-путешественников по уникальному природно-ландшафтному и историко-археологическому комплексу мирового значения, музею-заповеднику «Аркаим».

Музеем А. П. Чехова (Мелихово) разработан непечатный вариант (DVD-диск) путеводителя. Путеводитель снабжен удобным офисом системы просмотра его разделов: «Мелихово осенью, весной», «Коллекции живописи и старинных фотографий», «А. П. Чехов и художественный театр», «Мелихово сегодня», «Издания музея». Еще один раздел путеводителя – видеофильм – обзорная виртуальная экскурсия по Мелихово – по маршруту: дом писателя, флигель-кухня, уютные уголки сада, флигель, амбулатория, мелиховская школа, церковь Рождества Христова, «Музей писем» (филиал музея А. П. Чехова). В музыкальном сопровождении использованы фортепианные произведения П. И. Чайковского и М. И. Глинки в исполнении А. Соколова.

Основная идея путеводителя по музею А. П. Чехова – рассказать о семи мелиховских годах (1892 – 1899 гг.) – яркой и многогранной странице жизни и творчества русского писателя, гениального драматурга Антона Павловича Чехова.

Путеводитель по экспозиции музея «Мир, прогресс, права человека имени Андрея Сахарова» имеет три формы представления информации: печатное, виртуальное, цифровое. Структура путеводителя: постоянная и временные экспозиции, общедоступная библиотека, зал заседаний (механизм высвобождения в экспозиционной среде пространства для вечеров, семинаров и дискуссий), компьютерный зал «Окно в мир» (демонстрация видеофильмов). Содержание нацелено на описание и интерпретацию четырехнефного экспозиционного мемориального пространства, посвященного памяти Андрея Дмитриевича Сахарова.

В результате сопоставительного анализа музейных путеводителей удалось выявить основные формы путеводителя – вербальная (словесная) и невербальная (фото-, видео-, аудио-, графическая схемы), реализуемые в печатном, виртуальном и цифровом видах.

Структура музейного путеводителя может определяться: структурой экспозиции или структурой музея-заповедника, основными тематическими линиями миссии музея.

Основная идея музейного путеводителя может быть определена как формирование фоновых знаний о содержании экспозиции, информационное и эмоциональное дополнение экспозиционной среды, интерпретация зрительных образов, организация маршрута осмотра экспозиций музея.

Использованная литература и источники

1. Альбом-путеводитель по музею-заповеднику «Кижы» (республика Карелия) – Источник: <http://www.museum.ru/M1234>
2. Мелихово. Путеводитель по музею А.П. Чехова. Источник: <http://www.sara.ru/documentary/>
3. Портал «Музеи России». – Источник: <http://www.museum.ru/>
4. Путеводитель по Днепропетровскому историческому музею. – Источник: <http://www.museum.dp.ua/>.
5. Путеводитель по музею-заповеднику «Аркаим». – Источник: <http://www.arkaim.biz/>
6. Путеводитель по экспозиции музея «Мир, прогресс, права человека имени Андрея Сахарова». – Источник: <http://www.sakharov-center.ru/publications/>

Лушкина Т. Е.,
г. Ставрополь,
Ставропольский государственный педагогический институт,
студентка 5 курса.

Научный руководитель:
Леонова Н. А.

Противосектантская деятельность Андреевско-Владимирского братства Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX в.

Сто лет назад Ставропольская епархия, включавшая в свой состав территории Ставропольской губернии и Кубанской области, представляла собой широкое поле для деятельности противораскольничьей миссии Русской православной церкви. Ставропольский епархиальный миссионерский совет был образован в 1888 году и функционировал вплоть до 1918 года. В его состав входило Андреевско-Владимирское братство в городе Ставрополе на Кавказе, имевшее своей целью «предохранять православных от соращения в раскол и секты, противодействуя их распространению, должно идти навстречу их пропаганде и, вступая с ними в открытую борьбу, защищать истинное учение веры православной и таким образом отнимать силу у пропагандистов лжеучения. Но так как раскольники и сектанты рассеяны по селам и станицам епархии, и, следовательно, Совет Братский, члены которого привязаны к своим прямым должностям, не могут оказывать влияния на лжеверующих, то необходимость требует действовать против них посредством миссионеров, распространения в епархии книг и брошюр противораскольничьего содержания, а также православных вероучительных книг». Основная часть отчетов по данной теме составлена четырьмя миссионерами, входившими в братство в это время:

1. Епархиальным миссионером, священником Константином Поповым;
2. Священником единоверческой церкви в станице Вознесенской Алексеем Ивлевым;
3. Священником единоверческой церкви в станице Ханской Дометианом Ивлевым;
4. Священником единоверческой церкви в селе Кугульта Илларионом Башкатовым.

Традиционно миссионеры выделяли приходы, «имеющие раскольников вообще», и приходы, «особенно зараженные расколом». В Ставропольской губернии было 8 участков, особенно «зараженных расколом», где раскольники насчитывались в сотнях и тысячах. Среди них приход Евдокиевской церкви в

городе Ставрополе, в уездах сел Медвежье, Жуковское, Белая Глина, Развильное, Кугульта, Пелагиада и Новозаведенное.

Особое внимание миссии было обращено на поповцев «австрийского толка», которые, по ее мнению, представляли главную опасность для русской православной церкви. Общество поповцев-австрийцев, при сохранении трехчинной иерархии всех таинств, имело все признаки церкви, поэтому для простого народа представляло значительный соблазн.

В начале XX века на Кавказе епископом старообрядцев-поповцев состоял казак хутора Ермолаевского Терской области, именуемый себя Феодосием, епископом Кавказским. Он довольно часто приезжал в Ставропольскую губернию для совершения богослужения, для освящения храмов и назидания своей паствы.

Чтобы показать равноправность раскола с православием, старообрядческие епископы устраивали в станицах и селах торжественные крестные ходы и погребальные процессии, «смущая тем самым православных». Об этом пишет в своем дневнике и епархиальный миссионер священник К. А. Попов, посетивший села Ставропольской губернии.

«Белая Глина по количеству своего населения является настоящим уездным городом. Вообще село бойкое и торговое. Всех жителей в селе, включая торговцев и иногородцев, будет около 1500 душ. В числе их состоят и раскольники австрийской секты, и поморцы, те и другие в незначительной мере. Раскольники недавно образовали свой центр раскола: построили молельню, а раскольничий владыка Сулуань прислал Константина Осипова, который состоит у белоглинцев попом. К пастве его принадлежат и раскольники окрестных селений, которых он время от времени посещает, перевозя с собой походную церковь и все принадлежности для требоисправлений. Долго боролся Петр Георгиевич Александровский против самовольно построенной раскольниками молельни и вторжения в ведомство своего благочестия развратителя лжепопа Константина Осипова, но раскольники сумели обделать свое дело. Молельня их стоит в ряду других построек, полиция считает ее складом земледельческих орудий, но стоит взглянуть только на внешность этого склада, и вы увидите, что это именно молельня, а не склад, что там не торговля идет земледельческими орудиями, а лжепророк Константин Осипов совершает свои обедни и прочия службы для раскольников села Белой Глины. Да, наконец, чтобы убедиться в этом, нужно только сходить в праздник в этот раскольничий склад и вы увидите там: и Константина Осипова в священнических ризах, и купца Волкова, на средства которого построена молельня, с листовкою в руках и стоящего за продажою восковых свеч. Раскольничья уловка сразу обнаруживается».

Целью противораскольничьей миссии было не только наблюдение за раскольниками, но и вступление с ними в полемику, касающуюся православной

веры. Так, К. А. Попов пишет: «Утром, напившись чаю, я открыл беседу в церкви. Народу собралось очень много; пришли и раскольники под предводительством высокого седого старика, который и вел со мной беседу в течение 3 часов. Возражения раскольников были очень слабы и ничтожны. Раскольники живут в Развильном на отшибе своего села и составляют особое поселение. Население их так и называется – «раскольничьей слободкою». Там они двор ко двору прижались, один к одному, и составляют как бы отдельную семью. Своя у них жизнь, свои интересы, нередко между ними происходят разного рода пререкания по религиозным вопросам, бывают съезды других раскольников, составляются соборы, на которых раскольники ораторствуют, отстаивая свои взгляды и мнения. Действительно, по количеству раскола, Развильное составляет гнездо раскола и местному священнику предстоит великий труд борьбы с ними».

К. А. Попов в своем дневнике говорит о том, что многие раскольники, особенно мужчины, остаются в расколе по традиции, незнанию священных книг. Они с интересом слушали православных миссионеров и вступали с ними в диалог. Женщины, наоборот, не желали ничего слушать и уводили своих мужей с собраний.

Помимо встреч с раскольниками, борьбы с ними, противосектантское братство вело учет и статистику староверов в пределах Ставропольской губернии.

По статистическим данным, в 1895 году в Ставропольской епархии на 732 775 душ населения приходилось 18437 раскольников:

1. Молокан 793 чел.;
2. Хлыстов 4911 чел.;
3. Духоборцев 160 чел.;
4. Скопцов 160 чел.;
5. Поповцев 11068 чел.;
6. Беспоповцев 1345 чел.

С целями вразумления и возвращения в лоно церкви заблуждающихся, в городе Ставрополе велись беседы паломнического характера: в семинарии, в Георгиевской церкви города Ставрополя. Главные вопросы, поднимавшиеся на беседах, – это вопросы о «Составе созданной Господом Церкви», «О таинстве покаяния».

Со старообрядцами-поповцами было проведено 8 бесед. На них говорилось о вечности церкви, о таинстве рукоположения, о незаконности австрийского священства.

С беспоповцами говорилось о ключах царства Небесного, о спасительности Христовой церкви.

По статистическим данным, в 1897 году в Ставропольской епархии насчитывалось 25 007 раскольников.

Из них:

1. Молокан 900 чел.;
2. Хлыстов 4600 чел.;
3. Поповцев 11343 чел.;
4. Беспоповцев 8164 чел.

Уже в 1901 году в Ставропольской епархии насчитывалось раскольников 24 652 человек. Из них:

1. Хлыстов 756 чел.;
2. Поповцев 13496 чел.;
3. Беспоповцев 10400 чел.

По статистическим данным можно проследить увеличение числа раскольников в пределах Ставропольской епархии к началу XX века.

В ноябре 1910 года прошло объединенное собрание Ставропольской консистории и Ставропольского епархиального совета, на котором обсуждались причины роста старообрядцев и те меры, которые необходимо было принять православному духовенству для прекращения перехода православных жителей епархии в «иноверие».

Одной из главных причин, по мнению собравшихся, был указ от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости». Согласно ему, старообрядцы стали официально называться этим именем, а не раскольниками. Они получали право строить молельни, церкви и открывать новые соборы. Старообрядческое духовенство признавалось государством в качестве духовных лиц. Другой не менее важной причиной было изменение религиозного настроения населения.

В результате население стало активно обращаться к старообрядчеству, привлеченное выборностью духовенства и прямым участием мирян в жизни церкви, тогда как в официальной церкви священники назначались, а мирянам отводилась пассивная роль.

Таким образом, деятельность противораскольничьей миссии в Ставропольской епархии не давала существенных результатов, так как государственная политика в начале XX века была направлена на укрепление веротерпимости.

Использованная литература и источники

1. Богословский А. Сборник законов о расколе. М., 1881.
2. Бонч-Бруевич В. Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. Спб., 1908.
3. Василихин Т. Очерк старообрядчества в станице Калиновской Терской области от 1840 до 1880 года. Ставрополь, 1881.
4. ГАСК. Ф.439. Оп.1.Д.3; д. 12; д. 26; д. 41; д. 43; д. 46; д. 79; д. 83; д. 113; д. 121; д.126; д. 187.
5. ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 2334.
ГАУ ГАСК. Ф.439, опись 1. д. 1, л.1.

6. II отчет братства во имя Святого Андрея Первозванного в городе Ставрополе на Кавказе, за 1890–1891г.// Ставропольские епархиальные ведомости. 1892. № 2. С.32, 37.
7. Колосовская Т.А. Положение старообрядцев на Ставрополье в конце XIX начале XX в.// IV Минаевские чтения по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа//Материалы региональной научной конференции, Ставрополь, 2000. С. 50.
8. Деятельность братства для ослабления раскола и сектантства. II отчет братства во имя святого Андрея Первозванного в городе Ставрополе на Кавказе за 1890–1891. Ставрополь, 1981.
9. Дневник епархиального миссионера священника К.А. Попова // Ставропольские епархиальные ведомости. 1892. № 4.
10. Записка о скопческом расколе//Терский календарь на 1905 год. Владикавказ,1905.
11. Ивановский Н. По поводу новых законов относительно раскольников. Спб.,1883.
12. Ливанов Ф.В. Раскольники и острожники. Спб.,1872–1873. Т.4.
13. Мельгунов С. Церковь и государство в России. М., 1907.
14. Мельников К. Письма о расколе. Спб., 1862.
15. Отчет Андреевско-Владимирского братства за 1895 год. Ставрополь,1896.
16. Отчет Андреевско-Владимирского братства за 1896 год. Ставрополь,1897.
17. Отчет Андреевско-Владимирского братства за 1897 год. Ставрополь,1898.
18. Отчет Андреевско-Владимирского братства за 1900 год. Ставрополь,1901.
19. Отчет Андреевско-Владимирского братства за 1902 год. Ставрополь, 1903.
20. Отчет епархиального противосектанского миссионера Михаила Кальнева о миссионерской деятельности//Ставропольские епархиальные ведомости. 1982. № 15.
21. Отчет общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1894–1895 г. Тифлис, 1897.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК	– Акты, собранные Кавказской археографической комиссией
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БСЭ	– Большая Советская энциклопедия
ДГУ	– Дагестанский государственный университет
ГАСК	– Государственный архив Ставропольского края
ГУ «МИИР»	– Государственное учреждение «Музей истории Изобильненского района»
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
КОИРГО	– Кавказский отдел Императорского Русского Географического общества
КГО	– Кавказское Горное общество на Кавказских Минеральных Водах
КЧГПУ	– Карачаево-Черкесский государственный педагогический институт
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИСК	– материалы по изучению Ставропольского края
ОФ	– Основной фонд
ПСЗ РИ	– Полное собрание законов Российской империи
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СГКУНБ	– Ставропольская государственная краевая универсальная научная библиотека им. М. Ю. Лермонтова
СГМЗ	– Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве
СГУ	– Ставропольский государственный университет
СОИГСИ	– Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева
ЦГВИА	– Центральный государственный военно-исторический архив
ЧИНИИЯЛ	– Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории языка и литературы

НАЙТИ ◆ СОХРАНИТЬ